

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2019

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 407.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.finc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М.С. Черепенникова. Итальянские путешествия Гёте и Гоголя. Интертекстуальные параллели. (К юбилейным датам: 270-летию Гёте и 210-летию Гоголя).....	7
А.А. Шунейко, О.В. Чибисова. Буддистские реминисценции в поэзии И.Ф. Анненского	20
Е.В. Тырышкина. «Морожено!» Солнце...» О.Э. Мандельштам: опыт анализа акмеистического текста	34
А.И. Куляпин. Образ Алтая в рассказе В. Бианки «Она»	45
Д.В. Кротова. Суждения о поэзии в мемуарном и эпистолярном наследии В. Шаламова	56
М.С. Дедина. Мотив сиротства в повести Кюгея Телесова «Кайда ол јол?» («Где та дорога?»).....	67
Г.И. Варламова. Образы людоедов <i>девупки</i> и <i>чулуды</i> в фольклоре эвенков	79
Г.М. Набиуллина. Мусульманские святые в творчестве Лиры Якшибаевой сквозь призму религии и фольклора	88
Ю.В. Трубникова. Проблемы реализации жанра делового письма в современной деловой коммуникации: коммуникативно-прагматический, структурный и нормативный аспекты	99
Д.М. Герасимчук, Н.В. Мельник. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона	111
И.П. Амзаракова. Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребёнка: акмеологический подход.....	123

Научные сообщения

Э.В. Емельянова. Эпизодическое в историческом фоне родовых саг: на примере сведений о воспитании по договору	134
---	-----

Д.А. Кожанов. Когнитивно-экспрессивный потенциал знаков языка науки в художественном тексте	140
М.Э. Мосесова. Текст международной конвенции как жанр юридического дискурса: особенности структуры (на материале английского языка)	147

Филология: люди, факты, события

Н.А. Хуббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, Л.Х. Мухаметзянова. Общность эпических памятников в духовном наследии башкирского и татарского народов Курганской области как репрезентация диалога культур	156
---	-----

Критика и библиография

М.А. Бредис, О.В. Ломакина. Лингвокультурология как учебный предмет XXI века (Рецензия на учебно-методический комплекс Е.И. Зиновьевой «Лингвокультурология: от теории к практике». СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016).....	162
Е.Ю. Сафронова. Раздвигая границы: литература – культура – туризм (Рецензия на словарь «Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена». / под общ. ред. Е.А. Худенко. Барнаул: АлтГПУ, 2018).....	164
Резюме	167
Наши авторы	182

CONTENTS

Articles

M.S. Cherepennikova. Italian Travels of Goethe and Gogol. Intertextual Parallels (by the 270 th Anniversary of Goethe and 210 th Anniversary of Gogol)	7
A.A. Shuneyko, O.V. Chibisova. Buddhist Reminiscences in the Poetry of I.F. Annensky.....	20
E.V. Tyryshkina. «“Ice-cream!” The Sun...» by O.E. Mandelshtam: an Essay in the Analysis of Acmeist Text.....	34
A.I. Kulyapin. The Image of Altai in the Short Story of V. Bianki <i>She</i>	45
D.V. Krotova. Comments on Poetry in V. Shalamov’s Memoirs and Epistolary Legacy	56
M.S. Dedina. The Motif of Orphanacy in the Story of Kyugei Telesov <i>Кайда ол жол?</i> (‘Where Is That Road?’).....	67
G.I. Varlamova. Images of Cannibalistic <i>Devupki</i> and <i>Chulugdy</i> in the Folklore of the Evenki	79
G.M. Nabiullina. Muslim Saints in the Works of Lira Yakshibaeva in the Light of Religion and Folklore	88
Yu.V. Trubnikova. Problems of Implementation of the Genre of Business Writing in Modern Business Communication: Communicative-Pragmatic, Structural and Regulatory Aspects	99
D.M. Gerasimchuk, N.V. Melnik. The Image of «Kemerovo Region» in Everyday Language Consciousness of the Country Residents as a Result of the Region Political Positioning	111
I.P. Amzarakova. Hyperbole and Diminution as Markers of the Child’s Speech Development: Acmeological Approach.....	123

Scientific Reports

E.V. Emelyanova. The Episodic in the Historical Background of Family Sagas: Case Study of Fostering under the Agreement.....	134
---	-----

D.A. Kozhanov. Cognitive-Expressive Potential of Signs of Scientific Language in Literary Text.....	140
M.E. Mosesova. The Text of the International Convention as a Genre of Legal Discourse: Language Methods of Representation of the Meaning of Performativity in the Structural Elements of the Document (Exemplified in the English language)	147

Philology: people, facts, events

N.A. Hubbitdinova, G.V. Yuldybaeva, L.H. Muhametzyanova. Shared Ethnic Heritage in Spiritual Life of the Bashkirs and the Tartars in Kurgan Oblast as a Dialog of Cultures	156
---	-----

Critics and bibliography

M.A. Bredis, O.V. Lomakina. Cultural Linguistics as a Subject Course in the XXI century (Review of the Coursebook by E.I. Zinovyeva «Cultural Linguistics: from Theory to Delivery». Spb: ShbU: Nestor-History, 2016).....	162
E.Yu. Safronova. Over the Borders: Literature – Culture – Tourism (Review of the Dictionary «Literary and Tourist Altai: Topoi – Myths – Names». Edit. by E.A. Hudenko. Barnaul: AltGPU, 2018) .	164
Summary	167
Our authors	182

СТАТЬИ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГЁТЕ И ГОГОЛЯ. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ. (К юбилейным датам: 270-летию Гёте и 210-летию Гоголя).

М.С. Черепенникова

Ключевые слова: Гёте, Гоголь, литературные мотивы, литературные традиции, Италия, карнавализация, искусство.

Keywords: Goethe, Gogol, literary motifs, literary traditions, Italy, carnivalization, art.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-01

Науке известен тот факт, что Н.В. Гоголь многие свои произведения создавал в Риме. Атмосфера «Вечного города», наполненного великолепными произведениями искусства, дала ему вдохновение для написания «Мёртвых душ» – поэмы в прозе, несущей в своём замысле код «Божественной комедии» итальянского гения Данте Алигьери. По мнению П.В. Анненкова, «важное значение города Рима в жизни Гоголя ещё не вполне исследовано» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952, с. 272]. Филологи и культурологи разных стран изучают итальянские мотивы и мотивации творчества русского писателя, что подчёркивает актуальность данной научной проблемы. Однако от внимания исследователей ускользает тот факт, что итальянские впечатления Гоголя тесно связаны с рецепцией художественного наследия И.-В. Гёте, в свою очередь вдохновлённого культурой и литературой Италии.

При сравнительном изучении жизненных путей и произведений Гоголя и Гёте выявляются биографические параллели, порождающие похожий образ Италии в представлении русского и немецкого авторов и корреляции эпистолярных трактовок данного образа. Одной из

основных целей данного исследования является выявление интертекстуальных взаимосвязей в структуре итальянских литературных приоритетов писателей и в особенностях смысловых кодов их произведений, затрагивающих сферу театральной эстетики, включающих в себя парные концепты «времени и вечности», «искусства и жизни», «народа и толпы», «личности и общества». На текстуальном уровне данные концепты нашли выражение в мотивах «пути», «маски», «карнавала», «Вечного города», «горьчества искусства», «народной мысли», «второго рождения» и в образах прекрасных итальянок, мастерски воплощённых писателями в разных литературных жанрах.

«Италия – родина моей души» [Труайя, 2015, с. 218], – говорил Гоголь вслед за Гёте. Русский писатель неоднократно посещал Италию с 1837 по 1846 годы. Во время путешествий он подолгу жил в итальянской столице, где создал «Мёртвые души», «Тараса Бульбу» и «Шинель». Итальянские впечатления писателя легли в основу незаконченного романа «Рим» и повести «Ночи на вилле». Гёте осуществил своё первое итальянское путешествие на полвека раньше. Его прекрасно продуманное «бегство» в Италию началось в сентябре 1786 года и закончилось в июне 1788 года. Рукописи незавершённых произведений («Ифигения в Тавриде», «Эгмонт», «Торквато Тассо», «Фауст»), взятые немецким драматургом в дорогу, обрели в Италии новые сюжетные повороты; окончательно сложилась эстетика «Веймарского классицизма», сформировалась позиция Гёте-классика, стремящегося к практической реализации концепции «мировой литературы» [Черепеникова, 2006, с. 5]. С марта по июнь 1790 года Гёте совершил второе путешествие в Италию, посетив Венецию. Наиболее яркими литературными результатами данных визитов стали циклы стихов «Римские элегии» и «Венецианские эпиграммы», а также автобиографическая проза «Итальянское путешествие» и роман «Годы странствия Вильгельма Мейстера».

Изучение итальянских мотивов и интертекстуальных параллелей в литературном наследии немецкого и русского писателей тесно связано с исследованием итальянской мотивации творчества двух гениев, энергии и вектора их художественной деятельности, существовавшей задолго до поездок в Италию. У Гёте генезис подобного процесса восходит к детским и юношеским впечатлениям, связанным с итальянской литературой и искусством. Отец поэта, И.П. Гёте, побывав в Италии, воспитывал в своих детях любовь к этой стране, обучал их итальянскому языку. Значительное влияние на формирование художественного вкуса поэта оказало чтение античных

авторов и литературных шедевров итальянского Ренессанса (Данте, Макиавелли, Тассо, Ариосто и др.). В зрелые годы Гёте обращался к творчеству Б. Челлини и В. Альфьери, трудам Б. Кастильоне и А. Палладио, перенимал опыт драматургии Гольдони и Гоцци для развития придворного театра в Веймаре.

Цикл обучения студента Гоголя в Нежинской гимназии высших наук включал в себя изучение латинского, греческого, французского и немецкого языков. Начинаящего автора, стремящегося подражать Гёте и немецким романтикам, Италия влекла как страна мечты и искусства. Восхищаясь музыкой Россини и кистью итальянских живописцев, юный Гоголь втайне лелеял мысль о собственной славе, намереваясь стать художником или литератором. Итальянский язык Гоголь начал изучать во время своего первого европейского путешествия, находясь во Франции (1837). Он стремился войти в жизнь Рима как знаток, способный общаться с обитателями города. Как и Гёте, Гоголь мог свободно говорить с итальянцами на их родном языке. Знание языка позволяло ему украшать свои письма итальянскими фразами, цитатами, остротами; без переводчиков наслаждаться драматургией Гольдони и Альфьери, сатирой и юмором сонетов истинного римлянина – поэта Дж. Дж. Белли.

Гоголевский взгляд на Италию, на «Вечный город» во многом подобен гётевскому. Первые интенции немецкого и русского авторов, с юных лет стремившихся к художественному синтезу в восприятии действительности, очень близки; интенсивность итальянской мотивации творчества – весьма высока. Гёте, оказавшись в Риме, говорил: *«Все мечты юности воочию стоят передо мной»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 65)¹, а Гоголь в своих письмах называл Италию *«страной юношеских грёз»* (Гоголь, 1909, с. 140). Факты реализации многолетних проектов придавали мыслям писателей заметное сходство, в котором присутствовали элементы интертекстуального диалога русского автора с немецким.

В лирике Гёте, созданной до итальянского путешествия, превалировал мотив пути в поисках идиллического убежища. Стихотворение «Путешественник и поселянка» содержит противопоставление концептов движения и статичности, хаоса и гармонии. Диалог персонажей разворачивается на фоне средиземноморского пейзажа. Мотивы «пути» и «убежища», о котором мечтает лирический герой – странник, обретают в этом стихотворении

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

итальянские черты. Развитие эстетики «Бури и натиска», трансформация и локализация мотива «пути», проявляется в песне Миньоны – героини романа «Годы учения Вильгельма Мейстера»: *«Ты знаешь край лимонных роц в цвету, / Где пурпур королька прильнул к листу, / Где негой юга дышит небосклон, / Где дремлет мирт, где лавр заворожён»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 176). В песне юной героини-итальянки, желающей увидеть родину своих предков, слышится предчувствие итальянских впечатлений автора. «Песня Миньоны» (1784) стала камертоном будущего романа и голосом мечты немецкого поэта.

Восемнадцатилетний Гоголь выразил подобную мечту в стихотворении «Италия» (1829): *«Италия – роскошная страна! / По ней душа и стонет и тоскует. / Она вся рай, вся радости полна, / И в ней любовь роскошная веснует. // Бежит, шумит задумчиво волна / И берега чудесные целует; / В ней небеса прекрасные блестят; / Лимон горит и веет аромат»* (Гоголь, 1909, с. 171). В этом произведении отчётливо слышны мотивы гётевской «Песни Миньоны». Сходство заметно не только в характерных образах «страны цветущих лимонных роц» и «прекрасных небес», но и в развитии мысли лирического героя-мечтателя, затрагивающего тему итальянского искусства. Гёте повествует в стихах о древнем храме и о говорящих изваяниях (*«И изваянья задают вопрос <...>»*) (Гёте, 1980, т. 1, с. 176). Гоголь называет Италию блистательным садом, оазисом «мирской пустыни»: *«Тот сад, где в облаке мечтаний / Ещѣ живут Рафаэль и Торкват»* (Гоголь, 1909, с. 171). Упомянув высоко ценимого Гёте и Байроном Торкватом Тассо, Гоголь демонстрировал вовлечѣнность в контекст романтической эстетики, для которой фигура этого итальянского поэта олицетворяла трагедию гонимого толпой гения, человека, наделѣнного свободой мышления. Имя Рафаэля, продолжая ряд романтических приоритетов, развивало гётевскую мысль о жизненной силе искусства, говорящего с теми, кто его воспринимает, усиливающего воздействие природной идиллии. Леонора – героиня гётевской драмы «Торкватом Тассо», высказав мысль о возможности повторения «Золотого века», воспетого поэтами, выражала идею почтения к историческим реликвиям, несущим отпечаток «гения места»: *«Места, где жил великий человек, / Священны: через сотни лет звучат / Его слова, его деянья – внукам»* (Гёте, 1980, т. 5, с. 210).

В эпилоге поэмы «Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах» (1829), написанной по мотивам произведения Фосса «Луиза», несущей вертеровские и мейстеровские черты, Гоголь указывал на источник вдохновения: *«Тебя обняв, как некий Гений, / Великий Гёте бережѣт»* (Гоголь, 1952, т. 1, с. 100). Критические отзывы о поэме, высказанные

Надеждиным, заставили Гоголя усомниться в своём поэтическом даре. Его чувствительная натура проявилась в желании скупить и сжечь весь тираж собственного произведения, отдельные экземпляры которого сохранились чудом. Первые литературные опыты Гоголя дают возможность обнаружить момент зарождения своего стиля на питательной почве заимствованного художественного высказывания. При исследовании ранних произведений Гоголя выявляются не только внешние проявления «гётеанства романтической эпохи» [Жирмунский, 1952, с. 168-169], но и глубокая вовлечённость в мир идей и принципов немецкого гения. Попытки Гоголя пойти по стопам Гёте-поэта выявляют глубину эстетического мышления русского писателя, сумевшего впоследствии внести характерные особенности поэтических тропов, символов и ритмов в ткань прозаического повествования, самобытно воплотить на русской почве эксперимент синтеза поэзии и прозы, начатый Гёте в романах о Вильгельме Мейстере. Гётевская многожанровость усиливала синтез избранных тем и мотивов, развивающихся параллельно в стихах и в прозе. Поэтическая проза Гоголя придала драматизм и остроту идее «мёртвых душ», противопоставленного концепту «живых умерших гениев», намеченному в раннем творчестве под знаком идиллии. Воплощающий её образ Италии, в контексте творчества Гёте и Гоголя указывает на попытку вывести бессознательный порыв на уровень реальности, придать аморфным чувственным мечтам осязаемость поэтической формы.

Стремление русского и немецкого авторов к Италии имело глубокие корни в окружавшей их культурной среде. Немецкая литература XVI-XVIII веков активно обогащалась античными и ренессансными итальянскими жанрами (новелла, сонет, эпиграмма). Всей предшествующей традицией Гёте был нацелен на творческий диалог с Данте, Петраркой, Тассо, Ариосто. Труды Лессинга и Винкельмана, ориентированные на античность, оказали влияние на эстетику Гёте и предопределили его вступление в римскую академию «Аркадия». Итальянскими темами и мотивами была пронизана русская культура XVIII-XIX веков, на базе которой формировался гений Гоголя и писателей его времени. А.С. Пушкин в стихотворении «Кто знает край, где небо блещет...» отразил образ Италии, используя характерный зачин гётевской «Песни Миньоны». Имена Торквато, Рафаэля, Кановы, упомянутые в пушкинских строках, углубляли восприятие Италии как страны искусства. По свидетельству П.В. Анненкова, Пушкин читал итальянскую литературу в оригинале. Гоголь, входивший в круг друзей Пушкина, воспринял его пиетет к

Гёте и к итальянской литературной традиции. Известие о трагической гибели поэта, достигшее Гоголя во Франции, являлось одной из причин, заставивших писателя начать итальянское путешествие и работу над «Мёртвыми душами» для воплощения пушкинского замысла. Поездкой в страну мечты Гоголь пытался смягчить психологический удар судьбы. В письме к Жуковскому он писал: *«О, Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон мне удалось видеть в жизни и как печально было моё пробуждение! <...> Всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе <...> и влился в её роскошные красоты»* (Гоголь, 1952, т. 11, с. 112).

Эпистолярное наследие Гоголя следует традициям «Итальянского путешествия» Гёте, осуществившего в Италии многие литературные замыслы. Немецкий драматург упоминал о рукописи трагедии «Ифигения»: *«<...> Беру её с собой в прекрасную тёплую страну – пусть руководит мною в моём странствии. <...> Замечу ещё, что красота, открывающаяся нашему взору – неописуема»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 19, 29). Изображения Рима близки у Гёте и Гоголя. Гёте, посетив руины Палатина, отмечал: *«Я знакомлюсь с планами старого и нового Рима. Разглядываю руины, здания. <...> Мы находим следы великолетия и упадка, те и другие превосходят все наши представления. <...> Здесь нет ничего мелкого <...> всё – часть общего величия»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 68–69, 72). Гоголь восхищался: *«Древний Рим в грозном и блестящем величии, или Рим нынешний в его теперешних развалинах <...> на одной половине его дышит век языческий, на другой – христианский, и тот и другой – огромнейшие две мысли в мире»* (Гоголь, 1952, т. 11, с. 144). В этих параллелях – не только труд внимательного прочтения автобиографических заметок Гёте, но и психологические сближения, отмеченные родством художественного восприятия. Биографические параллели являлись важным фактором в процессе интертекстуального синтеза гоголевского и гётевского взгляда на страну мечты.

Одной из причин отъезда Гёте в Италию был психологический и творческий кризис, испытанный на родине. Его отголоски звучат в трагедиях «Ифигения» и «Тассо», главные герои которых, античные и ренессансные, борются за своё право быть свободными. В сцене омоложения Фауста («Кухня ведьмы»), написанной в Риме, появляется тенденция к изживанию и преодолению критического состояния, вызванного сложными личными отношениями с представителями веймарского двора и неполной творческой реализацией гётевских проектов. *«Жизнь начинается сызнова, когда твой взор охватывает целое, доселе известное тебе лишь по частям»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 65),

– так отзывался Гёте о чувствах, переполнявших его в день прибытия в Рим после долгожданного *«словно бы подземного путешествия»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 64), совершённого инкогнито. Характерным мотивом *«Итальянского путешествия»* Гёте, основанного на эпистолярных и дневниковых литературных опытах, задуманного как часть автобиографического труда *«Поэзия и правда»*, стал мотив *«второго рождения»* (*«Wiedergeburt»*) [Черепенникова, 2006, с. 4], испытанного в Италии. *«В Риме ты перерождаешься. <...> Второе рождение, которое пересоздаёт меня, ещё не завершилось»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 76), – писал поэт после трёх месяцев пребывания в *«Вечном городе»*. Покидая Рим, он сравнивал себя с изгнанныком Овидием, в последний раз созерцавшим родные улицы. Горе древнеримского поэта остро ощущается в последних письмах Гёте, будто навсегда покидающего родину: *«Боль неудовлетворённости, тоски по неведомому сделалась почти нестерпимой, когда я, покидая Рим, вынужден был расстаться с тем, чего так долго желал»* (Гёте, 1980, т. 9, с. 236, 238).

Гоголь в своих письмах из Рима следовал гётевскому мотиву *«второго рождения»* и творчески переосмысливал его: *«Мне казалось, что будто я увидел свою родину, <...> в которой жили только мои мысли, <...> родину души своей я увидел, где душа моя жила <...> прежде чем я родился на свет»* (Гоголь, 1952, т. 11, с. 141). В сравнениях он шёл дальше, чем Гёте, говоря о фантастическом, неистовом желании *«превратится в один нос»*, чтобы, вдыхая воздух Италии *«втянуть в себя как можно побольше благоволия и весны»* (Гоголь, 1952, т. 11, с. 144). Так развивался мотив сатирической повести *«Нос»*. В XX веке абсурдистская эстетика *«Носа»* стала актуальной и привлекла к Гоголю внимание итальянских авторов. Дж. Родари, вдохновившись гоголевским произведением, написал сказку *«Как убежал нос»*, а писатель-экспериментатор и переводчик Т. Ландольфи считал Гоголя одним из своих литературных учителей.

Гёте вызвал волну откликов на свои произведения в среде итальянских литераторов (Фосколо, Монти, Мандзони и др.). Глубокая вовлечённость русского и немецкого писателей в итальянскую среду породила диалог обратной связи. При этом мотивация гоголевского погружения в атмосферу Италии, как и у Гёте, была связана с преодолением кризисного мироощущения. Одной из причин, по которой Гоголь предпринял *«спасительное»* путешествие, являлась недоброжелательная критика его произведений, в том числе пьесы *«Ревизор»*. Латентная мотивация самоидентификации в сфере искусства сопровождала Гоголя, как и Гёте, на протяжении всего времени пребывания в Италии, воспринимаемой как страна

знаменитых художников и образцов великого стиля, обретение и укрепление которого составляло цель обоих авторов.

Для каждого из них в процессе путешествия приоритетными стали темы и мотивы вечного искусства, превосходящего срок жизни и рамки индивидуального. В разговорах Гёте с Эккерманом одной из основных составляющих итальянского искусства была названа «высшая мощь личности художника» [Эккерман, 1981, с. 396], которая способна поднять человека над самим собой. В Риме Гёте и Гоголь вращались в кругах людей искусства. Улица Феличе (ныне – Виа Систина), где жил создатель «Мёртвых душ», находилась в излюбленном квартале русских художников, стажировавшихся в итальянской столице. Неподальку располагалось кафе «Греко» – традиционное место встреч живописцев, литераторов и музыкантов. Когда-то его посещали художник В. Тишбейн, писатель К.Ф. Мориц и И.-В. Гёте, стремившийся приблизиться в области рисунка к мастерству своих друзей: А. Кауфман, И.Г. Липса и Я.Ф. Хаккерта. Впоследствии завсегдатаями кафе «Греко» стали художники назарейцы и К.П. Брюллов. В гоголевскую эпоху в Риме проживали многие русские живописцы (Иванов, Ефимов, Бруни и др.). Не чуждо было изобразительное искусство и поэту В.А. Жуковскому, делавшему наброски видов Рима и виллы З. Волконской во время прогулок с Гоголем.

И.В. Киреевский писал о том, что поэзия Жуковского, переведившего Гёте и Шиллера, «воспитана на песнях Германии» [Киреевский, 1911, с. 64]. Василий Андреевич, совершивший три итальянских путешествия и дважды встречавшийся с Гёте, особым образом объединял для русского сознания античность, вершины европейской романтической поэзии и движение идей внутри современного ему круга литераторов, в число которых входил и Гоголь. Жуковский являлся наставником и учителем будущего императора – Александра II, «который был в Риме в конце 38 и начале 39 года» [Машковцев, 1955, с. 104]. К этому периоду относятся графические изображения Гоголя на фоне «Вечного города», сделанные Жуковским.

Ключевой фигурой «Итальянского путешествия» Гёте стал живописец В. Тишбейн, знакомивший поэта с архитектурой и достопримечательностями Рима. Художник создал портрет немецкого гения на фоне Римской Кампаньи (1786) и рисунок тушью и акварелью, изображающий поэта у окна его римской квартиры на Корсо (1787). *«Талант Тишбейна, его намерения, его художественные*

планы я узнаю всё лучше и всё больше ценю их» (Гёте, 1980, т. 9, с. 70), – так в 1786 году писал Гёте.

В 1841 году Гоголь в Италии заказал свой портрет русскому художнику Ф.А. Моллеру. А. Иванов, создатель картины «Явление Христа народу», нашёл в лице русского писателя одну из моделей для своего полотна. Творчество Иванова Гоголь особенно ценил: кропотливая, многолетняя работа художника над картиной напоминала писателю собственный стиль работы над «Мёртвыми душами». «Вечный город» с его шедеврами подкреплял тяготение писателей и художников к древней мудрости: «Vita brevis, ars longa» («Жизнь коротка, искусство вечно»). В своей автобиографии Гёте не обошёл стороной темы земного горя и гибели: согласно древнему изречению («Et in Arcadia ego») [Черепенникова, 2013, с. 26] они могут царить и в счастливой стране Аркадии. Гоголевский отрывок «Ночи на вилле» пронизан состраданием к умирающему другу, горечью от краткости жизни и тоской по идеалу, напоминающей немецкую романтическую эстетику «Sehnsucht» [Höfer, 199, s. 149].

Гоголь и Гёте познавали Рим как художники, пытаясь с помощью возможностей искусства преодолеть безжалостность времени. Перцепция скульптора, воспевающего женственность, ошутима в чувственных эпитетах «Римских элегий» Гёте. Их лирический герой сравнивает свою возлюбленную, простую римлянку, со спящей Ариадной, взгляд которой может навсегда покорить мужчину: *«Руку пожала. Сейчас распахнёт небесные очи. <...> / Не открывай, не смущай, не пьяни! Созерцания сладость, / Радости чистый родник, повремени отнимать!»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 191). Потенциал портретиста и живописца формировал и структурировал гоголевский прозаический отрывок «Рим» – часть незавершённого романа «Аннунциата» (другое название: «Madonna dei fiogi»), в интертекстуальных глубинах которого скрыты многие художественные мотивы гётевских «Римских элегий» и квинтэссенция итальянской поэтической традиции проторенессанса. Мотив взгляда прекрасной дамы восходит к философскому концепту зарождения любви через взгляд, получившему развитие у Данте и поэтов «сладостного нового стиля». Гоголь в прозаическом описании главной героини Аннунциаты, прекрасной простолюдинки, живущей в окрестностях Рима, выступает как поэт, скульптор и художник, остро чувствующий возможности цветовой палитры и светотеневой моделировки: *«Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскрывши чёрные, как уголь тучи, нестерпимо затрепещет она целым потоком блеска: таковы очи у альбанки Аннунциаты. Всё напоминает в ней те античные времена, когда оживлялся мрамор. <...> Образ её весь*

отпечатался в сердце, <...> красота линий, каких не создавала кисть» (Гоголь, 1909, с. 491).

Волнующий женский образ, напоминавший эстетику ранней работы Гоголя «Женщина» (1831), создан как экфрасис полотен, запечатлевших альбанских девушек в национальных нарядах. Со времён Гёте европейские поэты и художники разных стран находили в этих образах воплощение совершенства, близкого к античным образцам. Гоголь, создавая литературный портрет Аннунциаты, запечатлел прекрасный художественный образ простой итальянки, не уступающей гётевским героиням: Миньоне, Беттине («Венецианские эпиграммы») и Фаустине («Римские элегии»). В их красоте заложена сама природа искусства, принадлежащего всем, кто умеет им восхищаться. *«Стали все лица светлей, будто счастливыцы вокруг. / <...> Весело всем, кто тебя окружает толпою»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 206) – лирический герой эпиграмм, человек, познавший глубины искусства, сравнивает образ итальянской девушки Беттины с ангелами на картинах Беллини и Веронезе, видит классическую гармонию в её облике (*«Словно искусным резцом изваяно стройное тело»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 204)), признавая торжество жизни над искусством: *«Фрески, картины везде! <...> / И средь таких наслаждений порой нужна передышка, / Ищет живой красоты мой притупившийся взгляд»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 204).

Гоголь, воплощая гётевские поэтические мотивы в собственной художественной прозе, так описывал Аннунциату: *«Чудный праздник летит с лица её навстречу всем <...> Полная красота дана для того в мир, чтобы всякий её увидел, чтобы идею о ней сохранял вечно в своём сердце»* (Гоголь, 1909, с. 492, 514). Фаустина – героиня гётевских «Римских элегий» – связывала лирического героя цикла, северного странника, с миром южной идиллии, синтезируя идеал античного Рима и современный автору город, увиденный в чарующий час заката: *«Солнце, замерло ты, медлишь, взирая на Рим. <...> / Дивный час золотой сократи поэту в угоду, / <...> Глянь напоследок скорей, пылая, на эти фасады, / На купола, обелиск и на когарту колонн <...>»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 192).

Гоголь блестяще ввёл отголоски гётевской элегической эстетики и философской концепции «вечно женственного» («Das Ewig-Weibliche») (Goethes Werke, 1981, s. 580) в ткань своей прозы, ибо Аннунциата (как и Фаустина) – сам дух Рима. Думая о прекрасной незнакомке, главный герой гоголевского произведения «Рим» любит на закате панорамой «Вечного города», являющегося воплощением гётевской «открытой тайны» даже для его коренных

обитателей: *«Солнце опускалось ниже к земле; румянее и жарче стал блеск его на всей архитектурной массе: ещё живей и ближе сделался город; ещё темней зачернели пинны; ещё голубее и фосфорнее стали горы; ещё торжественней и лучшие готовы погаснуть небесный воздух <...>»* (Гоголь, 1909, с. 521).

Русский писатель любил показывать друзьям свой Рим, поражая их воображение знанием истории города. О его таланте гида и рассказчика свидетельствовали посетившие Рим литераторы (М. Погодин, В. Панов, П. Анненков и др.). Проза Гоголя свидетельствовала о том, что он смотрел на Рим то взглядом мечтательного художника-романтика (отрывок «Рим»), то писателя-юмориста (эпистолярное наследие). Камертон «Римским элегиям» Гёте задаёт начальная картина общения лирического героя с городом: *«Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги! / Улица, слово скажи! Гений, дай весть о себе!»* (Гёте, 1980, т. 1, с. 183). Гоголь в письмах к Балабиной, юмористически обыграв подобный эмоциональный приём, писал о статуях, гуляющих по улице Феличе вместе с козами; о руинах, передающих приветы своим знакомым путешественникам; о Колизее, хмурающем брови и вопрошающем, почему его забыли. В свободном дружеском общении Гоголь неотделим от стихии розыгрыша, весёлой шутки. В конце января 1838 года, в разгар карнавала, друзья подарили писателю комедийную маску, а поэт С. Шевырёв посвятил ему стихи: *«Смотри, перед тобой / Лежит и ждёт сценическая маска / <...> возьми / Её – взглядишь в шутливую улыбку / И в честный вид – её носил Гольдони / <...> Он смело выражал черты народа / Смешные, всюду подбирая их: / На улицах, на площадях, в кафе <...> / И через чистый смех в сердца граждан / Вливалось истины добро святое! / Ты на Руси уж начал тот же подвиг!»* (Гоголь, 1909, с. 540). Так в Риме впервые были сказаны слова, ставящие Гоголя в один ряд со всемирно известным итальянским комедиографом К. Гольдони, чьё творчество наполнено стихией карнавального народного юмора и традициями комедии дель арте.

Глубокое национальное начало драматургии и прозы Гоголя не отменяло того факта, что писатель провёл уникальный опыт обобщения русской действительности, выявив в её среде типажи, подобные итальянскому театру масок, но не тождественные им. Дантовская идея движения героя по кругам ада была латентно реализована в «Мёртвых душах». Стиль Гоголя сочетал смеховую культуру с высокими философскими и нравственными идеями, вдохновляясь не только «Божественной комедией», но и произведениями Гомера, и поэзией Франциска Ассизского, что позволяло ему «не снижать возвышенного настроения в своей работе» [Труайя, 2015, с. 283]. Структура «Декамерона»

Боккаччо позволила Гоголю найти индивидуальный стиль в новеллистике: «Вечера на хуторе близ Диканьки» построены как круг народных легенд, рассказываемых на посиделках. Финал отрывка «Рим» наполнен уличными диалогами итальянок, списанными с натуры, составляющей генезис искромётного юмора сонетов римлянина Белли и «Кьоджинских перепалок» венецианца Гольдони.

Творческий диалог с итальянскими авторами и народной стихией Италии являлся важным и органичным для Гёте и Гоголя. Писатели уделяли значительное внимание осмыслению феномена карнавала, как наиболее яркого проявления смеховой культуры. По словам М.М. Бахтина, изучавшего феномен карнавализации, Гёте смог выявить в карнавальной культуре «единую точку зрения на мир и единый стиль» [Бахтин, 1990, с. 278]. Философия карнавала, исследованная в «Итальянском путешествии», нашла воплощение в поэтике гётевского мегацикла элегий и эпиграмм и в эстетике «Вальпургиевой ночи» Фауста. «*Это было во время карнавала*» (Гоголь, 1909, с. 512), – так Гоголь подчёркнул особенности начала действия в отрывке «Рим». Аннунциата – отражение духа праздника, персонаж, выходящий на сцену среди масок, музыки, цветов и ярких костюмов. Гёте и Гоголь осознавали, что описание карнавала демонстрирует квинтэссенцию итальянской души, открывая более глубокие и вечные пласты в понимании римских Сатурналий и философии «Золотого века», в преодолении бренности бытия, в раскрытии концепций лица и маски, индивида и толпы, художника и общества, воспринимаемых через стихию народной мысли и народного юмора.

В римском парке Виллы Боргезе находятся памятники писателям, связанным с культурой Италии. Мраморный Гёте возвышается над скульптурными группами своих литературных героев. Бронзовый Гоголь держит в руках комическую маску Гольдони, ту самую, что подарили ему друзья во время римского карнавала. «*О России я могу писать только в Риме, только там она предстает мне вся, во всей своей громаде*» (Гоголь, 1952, т. 12, с. 46), – эта знаменитая фраза Гоголя, помещённая на подножье монумента, коррелирует со словами Гёте, высказанными во время итальянского путешествия: «*Теперь, когда я утолил жажду видеть Италию, друзья и отечество снова дороги мне, <...> сокровища, которые я привезу с собой, навеки пребудут для всех нас <...> путеводной нитью*» (Гёте, 1980, т. 9, с. 65).

Сокровища, появление которых предрекал Гёте, составляли его произведения, обретшие отточенную форму в стране южной идиллии. Гоголь, говоря о России своей эпохи, подразумевал образы «Мёртвых душ» – поэмы-эпопеи, которая, благодаря соприкосновению с искусством Италии, превзошла замысел романа,

став эпохальной картиной русской жизни XIX века. На аллеях римского парка немецкий и русский гении обрели смысловое соседство. Для каждого первоначальная мечта об Италии нашла реальное воплощение, а образцы её искусства подарили вдохновение для создания литературных шедевров Германии и России. Собственное изобразительное творчество писателей стало выходом за рамки словесного ремесла и художественной школой поиска мастерства. Роскошная природа, карнавал, театр как камертон вкуса, юмор народа, а в конечном итоге, мысль народная – все эти реалии, став концептами и мотивами, обогащёнными творческим диалогом с итальянскими авторами, заложили базис для нахождения основ национального искусства. Биографические и эстетические переключки, нашедшие отражение в форме интертекстуальных параллелей, подчеркнули единство гениев человечества, открывших современную эпоху мировой литературы.

Литература

Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Гоголь в воспоминаниях современников / Редакция текста, предисловие и комментарии С.И. Машинского. М., 1952.

Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Л., 1952.

Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2-х тт. М., 1911. Т. 2

Машковцев Н.Г. Гоголь в кругу художников. М., 1955.

Труайя А. Николай Гоголь. СПб., 2015.

Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981.

Черепенникова М.С. Гёте и Италия. Традиции. Диалог. Синтез. М., 2006.

Черепенникова М.С. Традиции литературной гётеаны. М., 2013.

Höfer A. Johann Wolfgang von Goethe. München, 1999.

Список источников

Гёте И.-В. Собрание сочинений: в 10-ти тт. М., 1980.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14-ти тт. М.; Л., 1952.

Гоголь Н.В. Сочинения. М, 1909.

Goethes Werke in 12 Bänden. Bd. 4. Berlin, Weimar, 1981.

References

Bahtin M.M. *Fransua Rable i narodnaya cul'tura Srednevekov'ya i Renessansansa* [Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moskva, 1990.

Gogol' v vospominaniyah sovremennikov. [Gogol in the Memories of His Contemporaries]. *Redakciya teksta, predislovie i kommentarii S.I. Mashinskogo* [Text editing, foreword and comments by S.I. Mashinskij]. Moskva, 1952.

- Zhirmunskij V.M. *Goethe v russkoj literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad, 1952.
- Kireevskij I.V. *Polnoe sobranie sochinenij v 2-h tomach. T. 2.* [Kireevskiy's collected works in 2 vols. Vol. 2]. Moskva, 1911.
- Mashkovcev N.G. *Gogol' v krugu hudozhnikov* [Gogol in the circle of artists]. Moskva, 1955.
- Truaia A. *Nikolaj Gogol'* [Nikolai Gogol]. Sankt-Peterburg, 2015.
- Eckermann. J.P. *Razgovory s Goethe v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moskva, 1981.
- Cherepennikova M.S. *Goethe i Italia. Tadicii. Dialog. Sintez* [Goethe and Italy. Traditions. Dialogue. Synthesis]. Moskva, 2006.
- Cherepennikova M.S. *Tradicii literaturnoj gyoteany* [Goethe's Traditions in Literature]. Moskva, 2015.
- Höfer A. Johann Wolfgang von Goethe. München, 1999.

List of sources

- Goethe J.W. *Sobranie sochinenij v 10-ti tomach* [Goethe's collected works in 10 vols.]. Moskva, 1980.
- Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij v 14-ti tomach* [Gogol's collected works in 14 vols.]. Moskva, 1952.
- Gogol' N.V. *Sochineniya* [Gogol's writings]. Moskva, 1909.
- Goethes Werke in 12 Bänden. Bd. 4. Berlin/Weimar, 1981.

БУДДИСТСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭЗИИ И.Ф. АННЕНСКОГО

А.А. Шунейко, О.В. Чибисова

Ключевые слова: асемантичность, амбивалентность, шуньята, сансара, просветление, медитация.

Keywords: non-semantic meaning, ambivalence, shunyata, samsara, enlightenment, meditation.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-02

Введение

Российская традиция исследования поэтического языка обременена странным правилом – у отечественных поэтов практически в обязательном порядке принято выявлять христианские мотивы и реализации христианских идей. Теперь их ищут с таким же усердием и находят с таким же успехом, как ещё

двадцать лет тому назад обнаруживали черты откровенного атеизма. При этом негласно предполагается, что чем поэт больше, тем чаще он отражает христианские догматы.

Между тем очевидно противоположное: чем поэт больше, тем универсальнее он аккумулирует мировой опыт, в котором христианство значительная, но только страница. Особенно беспомощно выглядит ограничение христианскими идеями художников, которые открыто декларировали свои далеко не христианские идеологические установки. К их числу принадлежит И. Анненский, который характером своих исследовательских и эстетических поисков был чётко ориентирован на дохристианские системы ценностей. Его художественные открытия определяли поиски античных идеалов и осмысления констант буддийского миропонимания.

Ассимиляция буддизма посредством литературных форм периодически попадает в поле зрения аналитиков. В качестве примеров можно привести исследования А. Руокко [Руокко, 2011], Р.Ф. Бекметова [Бекметов, 2015], Г.А. Сорокиной [Сорокина, 2016], Т.В. Бернюкевич [Бернюкевич, 2016], А.А. Шунейко и О.В. Чибисовой [Шунейко, Чибисова, 2018]. Они обсуждают исторические и литературные аспекты буддийской темы и подчеркивают ценность эпохи, атмосфера которой из-за кризиса официального Православия была наполнена интересом к Востоку, который в России не ослабевает и сейчас.

Тесная и неслучайная связь И. Анненского с буддизмом имеет ряд прямых и косвенных подтверждений.

В автобиографии, помещённой С.А. Венгеровым в Словаре в 1903 году, И. Анненский написал: «<...> с 3-го курса особенно много занимался санскритом и сравнительным языкознанием у покойного И.П. Минаева» [Критико-биографический словарь, 1904, с. 342]. По свидетельству Б.В. Варнеке, И.П. Минаев был одним из двух профессоров, которых И. Анненский называл своими учителями, под его руководством он работал, о нем «он постоянно отзывался с особым благоговением» [Варнеке, URL].

Профессор Императорского Петербургского университета Иван Павлович Минаев (1840–1890) был санскритологом, индологом и одним из первых в России и крупнейшим исследователем буддизма [Булич, 1898]. Он переводил и издавал буддийские памятники, опубликовал несколько работ, положивших начало отечественной буддологии. Именно от этого человека И. Анненский получил глубокие знания о буддизме и интерес к

нему, который, судя по особенностям творческих реализаций, не пропал на протяжении всей жизни.

Стихотворение И. Анненского «Буддийская месса в Париже» не раз привлекало внимание исследователей [Дугаров, 2015; Руокко, 2011]. Оно – прямое свидетельство того, что и через 8 лет после смерти учителя (то есть в 1898 году, когда поэт присутствовал на богослужении в музее Гимё), и через 16 (то есть в 1906 году, когда он впервые опубликовал текст в сборнике «Северная речь») интерес к буддизму не пропал, а его восприятие оставалось исполненным благоговейного восхищения, граничащего с экзальтированным почитанием. То есть на протяжении всей жизни, начиная с университетской скамьи, И. Анненский оставался латентным последователем буддийских доктрин, человеком, который, так или иначе, примерял их к собственной судьбе, характеру мировидения и творчеству.

Некоторые характеристики С. Маковского прямо указывают на то, что характер самосознания И. Анненского был далек от христианского и близок буддийскому: *«Он желал быть «эготистом» (по его собственному признанию), замкнутым в себе созерцателем внутреннего мира, утверждающим красоту слова, как самоцель, «гипнотизером» (по его же определению), внушающим образы, которые возникают независимо от правды моральных запросов живой человеческой личности»* [Маковский, 1955, с. 249]. *«Запомнился мне разговор на религиозную тему, происходивший в 1909 году втроем с Вячеславом Ивановым и Иннокентием Анненским (неверующим, религиозной мистики не признающим)»* [Маковский, 1955, с. 283].

В своих критических текстах И. Анненский неоднократно формулирует установки, дублирующие буддийские максимы. Например, константа, предполагающая тождественность личностного начала и мира (всё во мне и я во всём), формулируется так: *«<...> я, которое жадно ищет впиться в себя этот мир и стать им, делая его собой <...>»* (Анненский, 1979, с. 206)¹; *«<...> я, которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем <...>»* (Анненский, 1979, с. 102).

Буддийский взгляд на мир и его личностное восприятие, преломлённое в действиях и продуктах творчества, предполагает, что актуальным для восприятия является исключительно настоящее

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

время и тот сегмент пространства, в котором человек в данный момент находится. Именно такой характер включения в мир видел Н. Гумилёв в поэзии И. Анненского: «Он любит исключительно “сегодня” и исключительно “здесь”» (Гумилев, 1990. с. 508).

Цель и методы

Целью данного исследования является установление переключек поэтических текстов И.Ф. Анненского с Аватамсака сутрой (Сутрой о величии цветка), одной из авторитетнейших сутр Восточноазиатского буддизма, которую некоторые исследователи считают «*the most sublime revelation of the Buddha's teachings*» (самым возвышенным откровением учения Будды)¹ [Encyclopaedia Britannica, URL]. Эта книга является концентрацией буддийских представлений о базовых понятиях, составляющих квинтэссенцию их мифа.

Предмет анализа – семантические комплексы в стихотворениях поэта, напрямую коррелирующие с буддистскими представлениями об общих существенных свойствах и отношениях предметов и явлений объективной действительности. На первом этапе исследования было доказано, что И.Ф. Анненский владел информацией, связанной с доктринами буддизма. На втором этапе с помощью сплошной выборки был выявлен список стихотворений, содержащих семантические комплексы, коррелирующие с буддизмом. Он намеренно воспроизводится в тексте статьи, чтобы служить ориентиром для тех исследователей, которые изучают творчество И.Ф. Анненского в аспекте влияния на него религиозного и философского учения буддизма.

Среди подобных стихотворений: «∞», «Andante», «Decrescendo», «Его», «Notturmo», «“Race” Статуя мира», «Бабочка газа», «Бессонница ребёнка», «Будильник», «В море любви», «Весенний романс», «Двойник», «Дети», «Дремотность Сонет», «Ель моя, елинка», «За оградой», «Зимние лилии», «Зимний поезд», «Из Бальмонта», «К моему портрету», «Когда б не смерть, а забытьё...», «К портрету», «К портрету Достоевского», «Кэк-уок на цимбалах», «Л.И. Микулич», «Лира часов», «Листы», «Май», «Миражи», «Молот и искры», «Мой стих», «Моя Тоска», «(Музыка отдаленной шарманки)», «Мухи как мысли (памяти Апухтина)», «Не могу понять, не знаю...», «Невозможно», «Ненужные строфы», «Но для меня свершился выдел...», «Ноша жизни светла и легка мне...», «О нет, не стан», «Ореанда», «Первый фортепьянный сонет», «Петербург», «Поэзия.

¹ Здесь и далее перевод наш.

Сонет», «Поэту», «Просвет», «С кровати (Моей *garde-malade**)» «Сила господняя с нами...», «Сон и нет», «Спутнице», «Струя резеды в тёмном вагоне», «Старая шарманка», «То было на Валлен-Коски», «Тоска кануна», «Тоска маятника», «Тоска медленных капель», «Тоска мимолётности», «Тоска миража», «Третий мучительный сонет Строфы» «Ты опять со мной», «У Св. Стефана», «Человек *Сонет*», «Я люблю», «Январская сказка» и другие.

На третьем этапе исследования с помощью семантического, коммуникативного и интертекстуального анализа в перечисленных стихотворениях были установлены константы, актуальные для буддизма: асемантичность (пустота) слов, номинаций и языковых форм; амбивалентность различных объектов, тождественность противоположных объектов; санскрита шуньята или пустота обусловленного, колесо сансары, перерождения; просветление; срединные состояния медитативного типа и одухотворённость мира. В соответствии с этими константами были классифицированы выявленные семантические комплексы. Поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным подробно проанализировать их все, в качестве примеров реминисценции буддизма показаны только те, которые укладываются в общую схему. Во всех этих случаях главным верифицирующим фактором являлся контекст употребления той или иной единицы. В данном случае под «языковой единицей» понимается широкий диапазон языковых средств: от слова до целого текста.

Амбивалентность различных объектов, тождественность противоположных объектов

В восприятии буддизма любые объекты, которые в материальном плане мыслятся человеком как противоположные, тождественны друг другу, сливаются в единство в точках своего наибольшего противостояния, представляют собой на самом деле нечто третье, включающее в себя контрарные характеристики, уничтожающие друг друга. «*One world system enters all, / And all completely enter one; / Their substances and characteristics remain as before, no different (Одна вселенная входит во все остальные, а все вселенные целиком умещаются в одной; при этом их суть и характеристики остаются неизменными)*» [Cleary, 1993, p.215]. В европейской традиции формально аналогичное явление называется амбивалентностью (или в частных случаях – оксюморон, энантиосемия). Для Анненского среди амбивалентных объектов наиболее актуальны: бог и тленность, буря и штиль, веселье и тоска, вечность и миг, встреча и разлука, закат и рассвет, знание и незнание, материальное и духовное, мягкий свет и

мучительный огонь, покой и мука, просвет и гряды, сад и лес, сон и бодрствование, Я и Не-я.

В стихотворении «Зимний поезд» **закат** тождественен **рассвету**: *«Но таеет ночь... И дряхл и сед, / Еще вчера Закат осенний, / Приподнимается Рассвет / С одра его томившей Тени»*. В стихотворении «Спутнице» представлена амбивалентность в квадрате: закат является зарёй, которая воспринимается как мёртвая и существующая в незакатном мире, то есть там, где не может быть ни заката, ни рассвета. То есть противоположности тождественны и существуют и не существуют одновременно *«В твоих глазах упрека нет: / Ты туч закатных догоранье / И сизо-розовый отсвет / Встречаешь, как воспоминанье. / Но я тоски не поборю: / В пустыне выжженного неба / Я вижу мертвую зарю / Из незакатного Эреба»*. Закат и рассвет выступают единым целым, которое в череде неостановимых превращений демонстрирует свои различные лики. Поэт прямо фиксирует не закат или рассвет, а дхарму заката-рассвета.

Тождественность **вечности** и **мига** реализуется в стихотворении «“Раса” Статуя мира»: *«О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам / За равнодушие к обидам и годам»*. Словосочетание «вечность отдам» указывает на наличие у вечности границ, которые в каноническом восприятии объекта отсутствуют.

Тождественность **«Я»** и **«Не-я»** («вы» и «мы», «ты» и «не-ты») воплощается различными способами. Через прямые номинации, как в стихотворениях: «Двойник»: *«Не я, и не он, и не ты, / И то же, что я, и не то же: / Так были мы где-то похожи, / Что наши смешались черты»*; «Поэту»: *«<...> Но в самом Я от глаз Не Я / Ты никуда уйти не можешь»*; «Молот и искры»: *«<...> Я люблю или нет... Не горит ореол / И горит – это ты и не ты <...>»*; «Петербург»: *«Я не знаю, где вы и где мы, / Только знаю, что крепко мы слиты»*; «Andante»: *«И странно, – как сближает нас со всем тем, что не-мы, эта туманная ночь <...>»*. Через приписывание противоположных взаимоисключающих характеристик, как в стихотворении «Листы», где отсутствие у «Я» начала и конца отрицает возможность использования местоимения применительно к конкретному лицу: *«И нет конца и нет начала / Тебе, тоскующее я?»*.

Крайней позицией воплощения вектора, заданного тождественностью «Я» и «Не-я», является отождествление «Я» и всего мира, реализующее известную буддийскую максиму «я во всем и всё во мне». Именно такое отождествление присутствует в стихотворении «Когда б не смерть, а забытьё...». Важно, что «Я»

часто попадает в контексты, связанные с колесом сансары и перерождениями, как в стихотворении «Май».

В текстах тождественность всех этих разнообразных и относящихся к различным тематическим полям единиц создаётся за счёт того, что семантическое окружение перераспределяет их смыслы таким образом, что количество одинаковых превышает количество различных. Единицам приписываются такие компоненты семантики, которые полностью нивелируют дифференциальные признаки их прямых номинаций.

Тождественность мнимо противоположных объектов тесно связана с двумя иными константами буддийского миропонимания: асемантической (пустотой) слов и одним из четырёх пониманий пустоты в более широком смысле – санскрита шуньятой.

Санскрита шуньята или пустота обусловленного

Шуньята обозначает отсутствие собственной природы вещей, так как они относительны, обусловлены и взаимозависимы, то есть имеют значение лишь в контексте всех своих связей. Таким образом, весь материальный мир по своей сути своей обманен, ложен и иллюзорен. «*Things have no true reality; / Because of wrongly grasping them as real / Do ordinary people therefore / Revolve in the prison of birth and death (Предметы не имеют истинной реальности; из-за ошибочного восприятия их как реальных обычные люди вращаются в тюрьме рождения и смерти)*» [Cleary, 1993, p. 375]. Для буддистов пустота является логически закономерным состоянием действительности, поскольку, в конечном счете, любая конкретная вещь это совсем не то, за что ее принимают. Реализация шуньяты сознанием буддиста считается оптимальным способом познания окружающего мира, приводящим его к освобождению (нирване).

Санскрита шуньята получает в текстах различные наименования, объединённые инвариантным значением, подчёркивающим иллюзорность и мнимость окружающего материального мира. В стихотворении «Листы» это «обман бытия»: «*Иль над обманом бытия / Творца велье не звучало <...>*». В стихотворении «Поэзия. Сонет» это «мир – мираж»: «*В пустыне мира зыбко-жгучей, / Где мир – мираж, влюбилась ты / В неразрешенность разнозвучий / И в беспокойные цветы*». В стихотворении «Тоска миража» это «безумная сказка»: «*Что надо, безумная сказка, / От этого сердца тебе?*». В стихотворении «Л.И. Микулич» это «великолепье небылицы»: «*<...> Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой*». В стихотворении «Но для

меня свершился выдел...» это «миражи»: «*Среди миражей не устану / Его искать – он нужен мне <...>*».

Во всех этих стихотворениях реальный мир наделяется характеристиками, которые подчёркивают его иллюзорность. «Обман бытия», «мираж», «безумная сказка», «великолепье небылицы» – это контекстуальные синонимы, которые в рамках художественного целого и в контексте творчества не просто противопоставляют или сравнивают материю и иллюзию (вымысел, сказку), а приписывают материи черты иллюзии. То есть окружающая лирического героя реальность характеризуется им через призму буддийских представлений о реальности, которые отрицают саму возможность наличия у реальности черт действительного постоянства. В стихах Анненского, как и в буддизме, реальность – иллюзия, эфемерность которой – её единственное действительное настоящее качество.

Колесо сансары, перерождения

Колесо сансары – постоянное чередование однотипных состояний (рождений и смертей). «*The reason for suffering in the past / Over countless eons / revolving within birth and death / is due to not hearing the name of Buddha (Бесконечный круговорот от рождения до смерти в течение бесчисленных эонов происходит от того, что люди не слышали имени Будды)*» [Cleary, 1993, p. 380].

«Безысходный круг», о котором идет речь в «Тоске миража», по сути то же колесо сансары: «*В тоске безысходного круга / Влачусь я постылым путем <...>*». Путь этот «постылый», то есть давно надоевший и вызывающий отвращение, потому что согласно буддийским представлениям, люди, не познавшие и не принявшие учения Будды, угнетены во всех состояниях существования и нет никого, кто бы мог их спасти. Их спасение через практику добродетели и мудрости зависит только от них самих. Тогда они смогут превзойти мир, в котором находились до этого, и достичь вечной жизни в новом мире, полном непомраченного счастья и вечного блаженства: «*К нему прильнув из полутьмы, / В минутном млеет позлащеньи / Тот мир, которым были мы... / Иль будем, в вечном превращеньи?*».

Для Анненского характерна трансляция представлений о сансаре через уравнивание характеристик человека и механизма. Оно реализовано во множестве текстов: «Будильник», «Лирические часы», «Старая шарманка», «Тоска маятника», «Тоска медленных капель», «Человек Сонет», «Бессонница ребёнка». Это глубокая и верная аналогия, потому что сансара, как и действие механизма,

продолжительна, но не вечна, обусловлена внешней по отношению к конкретным проявлениям силой, но может быть преодолена изнутри. В этом же контексте находится и отождествление человеческой жизни и повторяющегося музыкального произведения «Кэк-уок на цимбалах»: «Молоточки налетают, / Мало в точки попадают, / Мах да мах, / Жизни... ах, / Как и не бывало».

Кроме человека и иных объектов («Когда б не смерть, а забытьё...») в колесо сансары включены художественные тексты. Стихотворение «Мой стих» фиксирует восприятие текста как самостоятельного, независимого от автора феномена, который многократно рождается и умирает в поисках оптимального воплощения.

Перерождение наделяется чертами амбивалентности. С одной стороны, это явление, существование которого безусловно признаётся, как в стихотворении «Май», с другой – оно рисуется как желаемое состояние, то есть оставляющее сомнение в своей бытийственности, как в стихотворении «(Музыка отдаленной шарманки)»: «Если б заснуть, / Но не навеки, / Если б заснуть / Так, чтобы после проснуться». В одних случаях оно оценивается нейтрально («Май», «Старая шарманка»), в других – негативно («Человек Сонет»), в-третьих – позитивно «(Музыка отдаленной шарманки)». Таким образом, в целом перерождение одновременно есть и его нет, оно благостно и желанно, отвратительно и отторгаемо.

Следует подчеркнуть, что оценочное разнообразие, которым сопровождаются семантические комплексы, фиксирующие колесо сансары, противопоставлено оценочной однородности иных единиц. Это напрямую связано с тем, что мир разнообразных оценок совмещён именно с миром реальной жизни. Характерно, что на бытовом уровне бесконечная цикличная повторяемость устойчиво ассоциируется именно с шарманкой, которая и в общеязыковом плане воспринимается именно так: ср. устойчивое выражение *опять завёл свою шарманку*.

Просветление – это выход за границы колеса сансары. Просветленные существа «*can, in an instant's time, / Show miracles everywhere: / Truly awakening at the site of enlightenment / And turning the wheel of truth* (могут в один миг / показать чудеса повсюду: / они пробудились в нирване / и повернули колесо правды)» [Cleary, 1993, p. 166].

Поэт об этом упоминает неоднократно: «*Дорогой на скалу, где грезит крест литой / Над просветленную страданьем красотой*»

(«Ореанда»); «Нет, им не суждены краса и просветленье <...>» («Третий мучительный сонет *Строфы*»).

К просветлению приводит победа над собственными желаниями, поскольку «*Indulgence is an enemy, a torment and a pain – / It's not the immortal way, but the path of birth and death (Потворство своим желаниям – это враг, мучение и боль человека. Это не дорога бессмертного, а тропа от рождения до смерти)*» [Cleary, 1993, p. 362]. Именно об этом говорит Анненский в стихотворении «Ель моя, елинка», где отождествляет свою жизнь с жизнью ели: «*Жить-то, жить-то будем / На завидки людям, / И не надо свадьбы. / Только – не желать бы, / Да еще – не помнить, / Да еще – не думать*».

Прямые номинации в соединении с описательными конструкциями во всех контекстах выступают в качестве обозначения особого типа желанного финального состояния, которого крайне сложно достигнуть.

Серединные состояния медитативного типа

«*Thus do enlightening beings comprehend origination – / Like illusion, unreal, without knowing or doing, / Like a dream, like a reflection, void of intrinsic being, / like the mirage of the ignorant and deluded (Взаимозависимое происхождение просветленные существа понимают как иллюзию, нереальность без знания или действия, как сон, как отражение, лишённое внутренней сущности, как мираж неведжественных и обманутых)*» [Cleary, 1993, p. 752].

У И. Анненского много стихотворений содержат описание серединного состояния медитативного типа: «Весенний романс», «Дремотность *Сонет*», «Миражи», «Не могу понять, не знаю...», «Сила господня с нами, / Снами измучен я, снами...», «Сон и нет». В стихотворении «Его» показано взаимодействие медитации с описанными выше объектами в их актуальных для буддизма качествах: «*Когда же сном объята голова, / Читаю грез я повесть небылую, / Сгоревших книг забытые слова / В туманном сне я трепетно целую*».

В этих состояниях границы между материальными и ментальными объектами стираются, а мир воспринимается в приближенном к его действительному состоянию виде, предполагающему, помимо прочего, что он полностью одухотворён.

Одухотворённость мира

Весь мир одухотворён, различные формы сознания воплощаются не только в людях, но и в иных объектах природы. Следовательно, все находящиеся в мире объекты заслуживают

такого же отношения, что и люди. *«Once the world comes to be, / All beings receive its benefits – / Living on the earth, in the water, in the sky, / Two-legged, four-legged, all receive benefit (Как только создается мир, все существа получают свои блага, живущие на земле, в воде, в небе, двуногие, четвероногие, все священные)»* [Cleary, 1993, p. 983].

Именно это представление воплощено в текстах «Ноша жизни светла и легка мне...»: «<...> Мне тумана, покрывшего стекла / И слезами разнятого, жалко»; «То было на Валлен-Коски»: «<...> Что сердцу обида куклы / Обиды своей жалчей»; «За оградой»: «Иль за белую стеной / Страшно травам в час ночной?..»; «У Св. Стефана»: «Но смотрят загибы калош / С тех пор на меня, как живые».

Логика предложенного выше описания базируется на текстовых воплощениях и построена исходя из соображений, отражающих приоритеты западного рационализма. Но можно выстроить и иную, более правильную логику, отражающую иерархию констант буддийского учения. Тогда получится, что существенный пласт поэтического наследия автора реализует единую модель.

Лирический герой постоянно находится в срединных состояниях медитативного типа или периодически погружается в них, помещает себя на грань сна и яви. Здесь он с обострённой художественным видением мира чёткостью воспринимает Сансара шуньяту в её многочисленных ипостасях. Наиболее актуальными из них для него являются: одухотворённость различных форм материи, выражающаяся через амбивалентность мнимо тождественных объектов дхарм, пустота слов, колесо сансары. Выход из замкнутого круга он видит в просветлении. Достигнуть его можно благодаря отказу от желаний.

Дискуссия

Нельзя закрывать глаза на то, что возможны другие интерпретации рассмотренных в данной публикации семантических комплексов. Их реальное или потенциальное наличие связано с рядом факторов. Основной из них – это исчислимость основных сюжетов, мотивов и образов, используемых в мировой культуре. Ко второму относится высокая степень вероятности случайных, но кажущихся достоверными соответствий между не связанными друг с другом единицами. Далее следует зависимость истолкования сообщения от ситуации, которая может изменить его смысл и функцию. Особенности поэтического текста также осложняют

интерпретацию, к ним относятся стремление к многозначности и малая мера избыточности информации, увеличивающие энтропию. Все вместе перечисленные выше факторы продуцируют множественность интерпретаций стихотворения, связанных с фоновыми знаниями интерпретирующего текст человека.

Предложим несколько возможных вариантов интерпретаций.

1. Амбивалентность различных объектов, тождественность противоположных объектов – общая черта поэзии начала XX века.

2. Константа, предполагающая тождественность личного начала и мира (всё во мне и я во всём), – составляющая религиозно-философского воззрения пантеизм.

3. Тождественность материального и духовного, одухотворённость мира опирается на олицетворение как общий принцип поэтического языка, имеющий архаическую природу.

Механизм контекстного подтверждения, позволяющий снять эту неоднозначность, способствует преодолению ситуаций подобного типа [Шунейко, Чибисова, 2019]. Согласно ему, в первую очередь следует выяснить, обладает ли И.Ф. Анненский реальными знаниями буддизма. Ответ на вопрос будет утвердительным, так как данный факт подтверждается нами и рядом других исследователей. *«Увлечение Востоком, буддизмом <..> пронизывало культуру России конца XIX – начала XX века. Восток вошёл в творчество Л. Толстого, С. Надсона, К. Бальмонта, И. Анненского, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина, В. Хлебникова, Н. Гумилёва и других»* [Сорокина, 2016, с. 167]. *«В творчестве известных писателей и поэтов (Л. Толстого, И. Бунина, В. Хлебникова, К. Бальмонта, И. Анненского, М. Волошина и др.) мы видим отражение буддийских мотивов, образов, устроений, присутствие буддийских реминисценций»* [Бернюкевич, 2016, с. 57]. *«Из сказанного следует реактивность <...> музыки Рахманинова на увлечение тем Востоком и “китайщиной”, откровенным рупором которых были М. Волошин, И. Анненский»* [Лю, 2014, с. 93].

Следующим этапом является выборка в анализируемых стихотворениях языковых единиц, соотносимых с буддизмом. Важно, что сам по себе факт наличия единиц, вызывающих ассоциации с буддизмом, малозначим, какими бы правомерными ни казались эти ассоциации вне контекстного подтверждения. Необходимо проследить, существует ли между ними достаточно четко формализуемая связь, выражаемая в виде неоднократного повтора сходных примеров до отношений пересечения и взаимного дополнения.

Проделав данную работу, авторы могут утверждать, что поэзия И.Ф. Анненского содержит буддийские реминисценции, поскольку контекст и семантические связи препятствуют рассмотрению совокупности этих единиц иначе, чем в отношении к буддизму.

Это проникающая и организующая всё творчество модель, раскрывающая нам содержание множества текстов, является существенной, но не единственной для поэта. Об этом следует помнить. Сам поэт в своем стихотворении «Он и я» об этом говорил так: «*Я, как настройщик, все лады / Перебираю осторожно*». Для нас знаменательно то, что, передавая буддийские представления и отсылая к ним читателя, И. Анненский делает это с прибавлением эстетически значимых смыслов, то есть, по сути, занимается мифотворческим конструированием.

Литература

Бернюкевич Т.В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11. № 3.

Булич С. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1898. Т. II.

Варнеке Б.В. И.Ф. Анненский. [Электронный ресурс]. URL: <http://annensky.lib.ru/names/varneke/necrolog.pdf>.

Дугаров Д. Кто такой «базальтовый монгол»? (к истории написания стихотворения И. Анненского «Буддийская месса в Париже») // Всероссийская научно-практическая конференция «Иннокентий Анненский (1855–1909): жизнь – творчество – эпоха». СПб., 2015.

Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904.

Лю Б. Китайский вклад в модерн-авангард Европы // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2014. № 4.

Сорокина Г.А. «Китайские» стихотворения Е.И. Васильевой – литературные связи и влияния // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 4. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

Cleary T. The Flower Ornament Scripture. A Translation of the Avatamsaka Sutra. Shambhala, Boston & London. 1993.

Bekmetov R.F. About the «Buddhist View» on Russian Literature. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 3.

Encyclopaedia Britannica. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/Avatamsaka-sutra>.

Ruocco Adele Di. The Buddhist World in Modern Russian Culture (1873-1919): Literature and Visual Arts. [Электронный ресурс]. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll127/id/475242>.

Shuneyko A.A., Chibisova O.V. The Poetic Heritage of Maximilian Voloshin and Buddhism. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). DOI: 10/29025/2079-6021-2018-4(32)-156-163

Shuneyko A., Chibisova O. The Mechanism of Contextual Confirmation of the Symbol in the Cinema Language // Медиаобразование. 2019. № 1. DOI: 10.13187/me.2019.1.123

Список источников

- Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979.
 Гумилев Н.С. Золотое сердце России: сочинения. Кишинев, 1990.

References

- Bernyukevich T.V. *Retsepsiya buddizma v Rossii i voprosy stanovleniya rossiyskoy kul'tury* [The Reception of Buddhism in Russia and the Formation of Russian Culture]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of Transbaikal State University]. 2016. Vol. 11. No. 3.
- Bulich S. *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley imp. S.-Peterburgskogo universiteta* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial St. Petersburg University]. Vol. II. Sankt-Peterburg, 1898.
- Varneke, B.V. *I.F. Annenskij* [I.F. Annensky].
 URL: <http://annensky.lib.ru/names/varneke/necrolog.pdf> (accessed 10.04.2019).
- Dugarov B.C. Kto takoj «bazal'tovyj mongol»? (K istorii napisaniya stikhotvoreniya I. Annenskogo «Buddijskaya messa v Parizhe» [Who is «a basaltic Mongol»? (to the history of writing I. Annensky's poem «Buddhist Mass in Paris»)]. *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Innokenty Annensky (1855-1909): zhizn' – tvorcestvo – ehpokha»* [All-Russian scientific-practical conference «Innokenty Annensky (1855-1909): life – creativity – era»]. Sankt-Peterburg, 2015.
- Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh. [Critical and biographical dictionary of Russian writers and scholars]. Sankt-Peterburg, 1904.
- Liu B. *Kitayskiy vklad v modern-avangard Yevropy* [The Chinese Contribution to the Modern Avant-Garde of Europe]. *Visnik Nacional'noi akademii kerivnih kadrov kul'turi i mistectv* [Bulletin of the National Academy of Culture and Arts]. 2014. No. 4.
- Sorokina G.A. «Kitayskiye» stikhotvoreniya Ye.I. Vasil'yevoy – literaturnyye svyazi i vliyaniya [«Chinese» poems E.I. Vasilyeva – literary connections and influences]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Russian Philology]. 2016. No. 4. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174
- Makovsky S.K. *Portrety sovremennikov* [Portraits of contemporaries]. New York, 1955.
- Cleary T. *The Flower Ornament Scripture A Translation of the Avatamsaka Sutra*. Shambhala, Boston & London. 1993.
- Bekmetov R.F. About the «Buddhist View» on Russian Literature. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 3.
- Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Avatamsaka-sutra> (accessed 10.04.2019).
- Ruocco Adele Di The Buddhist World in Modern Russian Culture (1873-1919): Literature and Visual Arts. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/ref/collection/p15799coll127/id/475242> (accessed 10.04.2019).
- Shuneyko A.A., Chibisova O.V. The Poetic Heritage of Maximilian Voloshin and Buddhism. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018. No. 4 (32). DOI: 10/29025/2079-6021-2018-4(32)-156-163
- Shuneyko A., Chibisova O. The Mechanism of Contextual Confirmation of the Symbol in the Cinema Language. *Media Education*. 2019. No.1. P. 123-134. DOI: 10.13187/me.2019.1.123

List of sources

Annensky I.F. *Knigi otrazhenij* [Books of Reflections]. Moskva, 1979.

Gumilyov N.S. *Zolotoye serdtse Rossii: sochineniya* [The Golden Heart of Russia: writings]. Kishinev, 1990.

«МОРОЖЕННО!» СОЛНЦЕ...» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ АНАЛИЗА АКМЕИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.В. Тырышкина

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, акмеизм, «плотность формы», анализ лирического текста.

Keywords: O.E. Mandelstam, acmeism, «density of structure», lyrical text analysis.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-03

*“Мороженоно!” Солнце. Воздушный бисквит.
Прозрачный стакан с ледяною водою.
И в мир шоколада с румяной зарею
В молочные Альпы, мечтанье летит.*

*Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть -
И в тесной беседке, средь пыльных акаций,
Принять благосклонно от булочных граций
В затейливой чашечке хрупкую снедь.*

*Подруга шарманки появится вдруг,
Бродячего ледника пестрая крышка -
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.*

*И боги не ведают - что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой,
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед.
1914*

Публикации, посвященные О.Э. Мандельштаму, в жанре «анализ одного стихотворения», довольно многочисленны, самые известные статьи были написаны М.Л. Гаспаровым, Ю.И. Левиным, Вяч.Вс. Ивановым, А.К. Жолковским, С.С. Аверинцевым. Как правило, решаются герменевтические задачи [Гаспаров, 2001, с. 193-259; Колотаев, 2016, с. 6-18; Лахути, 2008, с. 547-552], определяется место лирического текста в контексте творчества поэта [Фролов, 2017, с. 60-69], выясняются биографические подтексты [Давыдов, 2008, с. 593-596], исследуются интертекстуальные связи [Ronen, 1977, с. 158-167], стихотворение изучается с точки зрения имманентного анализа [Левин, 1998, с. 9-17; Жолковский, 2005] и т.д.

В данном случае лирический текст рассматривается не только как самодостаточная структура, цель исследования определяется прагматическими и дидактическими задачами – показать на примере одного стихотворения, используя семио-эстетический метод анализа, каким образом соотносятся эстетические принципы и поэтика акмеизма.

Ритмическая организация. Фоника

Размер стихотворения выдержан довольно строго – это 4-х стопный амфибрахий. Однако потенциально в 5-й строке в первой стопе есть отступление от классической схемы. Ритмическая инерция остается прежней, но, если выдержать логическую паузу, обратив внимание на противопоставление второй строфы первой, то обнаруживается сверхсхемное ударение на противительном союзе «но», что само по себе нетипично для служебных частей речи. Взаимосвязь этого ритмического выделения со смысловым будет описана в параграфе *Хронотоп. Лирический сюжет*. Строфа – традиционный катрен.

Рифма по положению рифмических цепей: 1 и 4 стих кольцевая, 2, 3 стих – смежная. Клаузулы: 1 и 4 стих – мужская, 2 и 3 стих – женская. По звучанию и лексическому составу рифма в подавляющем большинстве точная, бедная, однородная (неоднородная – стих 1, 4, 5, 8, 13, 16, где рифмуются глагол и существительное или существительное и глагол). В последней строфе встречается единственный раз (стих 14, 15) точная богатая рифма – «начинкой/лучинкой», которая является гармонизирующим финальным пуантом. Рифма играет роль, прежде всего, ритмико-звукового каркаса, не наблюдается ее дополнительной окказиональной семантизации.

Аллитерации

Частотные согласные (по убыванию от 9 до 4):

1 строфа н (9), м, в, л, р, т (5), д (4);

2 строфа н (8), л, т (8), к (7), с (5), д (4);

3 строфа д (8), н, р, к (7), м, с (5), п, л (4);

4 строфа н (9), л, с, т (6), к (5), в (4).

Редко употребляющиеся согласные (от 0 до 3):

1 строфа ф, г, х (0), б, ц, ж (1), п, к, ш (2), с, з, ч (3);

2 строфа м, в, д, ж, ч (1), ф, з, ц, ш (2), б, п, г (3);

3 строфа з, ц (0), ф, б, г, ж, х (1), ч (2), т, ш (3);

4 строфа ц, х (0), д, п, ж, ш, г (1), м, ф, р, з (2), б, ч (3).

Ассонанс. Ударные звуки

1 катрен: о, а – 6, и – 3, у – 1; 2 катрен: а – 6, 'э – 4, о – 3, и, ы, у – 1;

3 катрен: а – 5, о – 4, у – 3, э – 2, и, ы – 1; 4 катрен: о – 6, а, э, и – 3, ы – 1. Всего: а – 20, о – 19, э – 9, и – 6, у – 5, ы – 3.

В целом для звуковой картины характерно сочетание сонантов со звуками, требующими усилия воспроизведения (чаще всего взрывных), при этом среди гласных преобладает «а», звук, более характерный для вокала, когда речевой аппарат напряжен сильнее, нежели при произнесении гласных среднего и верхнего подъема.

Повторы согласных создают эффект сквозных аллитерационных полей, где группа слов с одной повторяющейся согласной пересекается с другой группой (например, слово «прозрачный» является точкой пересечения для групп на з, ч, р, н). Этот прием создает эффект «уплотнения», сгущения энергии звукоизвлечения. Подобное аллитерирование всего текста приводит к тому, что читатель начинает ощущать каждое слово почти осязательно предметным. О речевой экспрессивности акмеистов (на примере А. Ахматовой) писал еще Б. Эйхенбаум [Эйхенбаум, 1969, с. 130]. Мандельштам сочетает плавность с напряжением, не нарушая баланса.

С точки зрения звуковой композиции особо выделяется третий катрен, где наиболее частотным среди согласных становится «д» (а не «н», как во всех остальных строфах), а среди ударных гласных чаще употребляется «у» (в первом и втором катренах «у» встречается один раз, в четвертом его нет, в третьем – три раза). Здесь замечен сдвиг в сторону скорее «энергичных», нежели «мелодичных» звуков. Это звуковое напряжение связано со смыслом, тем самым акцентируется длящееся мгновение ожидания чуда. Звук «д» в третьем катрене ассоциируется с неожиданностью, внезапными переменами, которые приковывают внимание наблюдателя: «подруга <шарманки>», «вдруг», «бродячего», «ледника», «жадным», «чудесного», «холода», «сундук».

Звук «ж» связан со сферой чудесного во всех его проявлениях. В каждом катрене есть с ним только одно слово, и оно является строфическим звуковым акцентом. В первом катрене – «мороженоно», во втором – «ложечкой», в третьем – «жадным», в четвертом –

«божественный». Все четыре слова сближены и по звучанию, и по значению. В первом катрене возглас «Морожено!» будит фантазию, связанную с миром мечты, сферой возвышенного; во втором – сам ритуал вкушения яства («ложечка») обставлен подобно театральному действию; в третьем – акцент сделан на пристальном, восхищенном внимании, разглядывании сундука с мороженым в ожидании чуда, подобно тому, как ожидают открытия занавеса на представлении; в четвертом «божественный лед», перифраз мороженого, – это заключительный смысловой пуант. Мороженое – знак обыденного как зрелищного и волшебного.

Звук «з» традиционно указывает на звучание как таковое в его чистом виде. В первом катрене три слова с этим звуком (воздушный, прозрачный, зарею), во втором – два (звякнув, затейливой), в четвертом – два (алмазные, исчезнет), в третьем – слов со звуком «з» нет совсем, и это не случайно. В первом катрене подчеркивается само значение звука, пробуждающего воображение, эта строфа чрезвычайно насыщена звонкими «з» и «р» (аудиальная доминанта). Здесь мир фантазии показан «звучащим». Поедание мороженого во втором катрене также сопряжено с определенными звуками (звяканье ложечки о затейливую чашечку), но появляется уже и вторая доминанта этого процесса – визуальная. В третьем катрене «жадный» взгляд мальчишки определяет звуковую организацию этой строфы. В определенном смысле звук «з» в данном контексте составляет антитезу звуку «ж», как аудиальное – визуальному и как быстротечное, мгновенное, связанное с исчезновением, – повторяющемуся, вечному. Но это противопоставление окончательно снимается в последнем катрене: «алмазные сливки» и «божественный лед» представляют собой неразрывное единство динамической формы (плавление/отверждение, застывание).

Поэтическая лексика. Тропы

Лексика в основе своей нейтрально-литературная, есть отдельные вкрапления разговорной просторечной («снедь», «морожено» – сохранены особенности устного произношения), а также книжно-литературной («румяная заря», «мечтанье», «граций»). Лексика не оставляет впечатления контрастного соседства разнополярных стилистических групп, «высокое» и «низкое» уравниваются относительно друг друга.

Стихотворный текст насквозь метафоричен:

И в мир шоколада с румяной зарею, В молочные Альпы мечтанье летит – единая метафора, которую можно разделить еще на несколько. *И в мир шоколада с румяной зарею* – утопическая страна

детских грез, где природа «втянута» в мир фантазии, но и природа эта условна, откровенно литературна; шоколад получает свойства «строительной субстанции», приобретая большую «твердость», стойкость, выдержан баланс между быстро исчезающим и прочным.

Румяная заря – литературный штамп (ср.: «Румяной зарею покрылся восток»). Аллитерации на «з» и «р» связывают этот троп с первой строкой («морожено!»), «воздушный»), создавая единое поле фантазии и литературной игры.

Молочные Альпы – эпитет вызывает ассоциации и в плане цвета, и в плане состава вещества (белый – цвет, общий для снега и для мороженого); Альпы здесь не столько покрыты снегами или льдом, сколько состоят из продукта, из которого делают мороженое; молоко – жидкая субстанция, приобретает свойства твердости горной породы (не теряя первоначальных свойств); *Молочные Альпы* не имеют прямой связи с реальными, хотя и вызывают ассоциации со Швейцарией, страной шоколада и альпийских лугов. Слова «молочные» и «Альпы» также сближены через аллитерацию на «л».

Мечтанье летит – стершаяся метафора, литературный (романтический) штамп, аллитерация на «т». В этом катрене все метафоры выделены посредством повторов согласных.

Булочные грации – в данном случае метафора намеренно иронична. Хлеб наделяется субстанциональными свойствами тела, подчеркнуты пышность, сдобность, мягкость, «съедобность», привлекательность округлых форм тела. Слово «грации» рождает двойкие ассоциации – античная мифология (три грации, хариты, свита Афродиты) и многочисленные воплощения этого сюжета в живописи и в скульптуре. Включение бытового сюжета в контекст мировой культуры также маркирует еще один полюс предметности, связанный с материалом, из которого изготавливаются статуи (мрамор и бронза). Таким образом, субстанция амбивалентна, колеблется между мягкостью и твердостью; а ритуал вкушения мороженого приравнивается к искусству (театру).

Хрупкая снесь – метафорический эпитет маркирует опять же овеществление еды, подобно дорогой вещи (фарфору, хрусталу) или стеклу, здесь также выстраивается гармоничное сочетание эфемерного, съедобного, быстро исчезающего и предметного как ценного / драгоценного, твердого, но также легко уничтожимого.

Подруга шарманки – перифраз (крышка ледника напоминает шарманку); шарманка – музыкальная машина, принадлежность бродячих нищих, мелодия исполняется всегда одна и та же, нужно только крутить ручку. Иногда под шарманку пели – это развлечение

для бедных, «низкое искусство». Сундук мороженщика сравнивается с шарманкой, прежде всего, по визуальному признаку, по форме, быт опять же превращается в представление.

Бродячего ледника <пестрая крышка> – эпитет актуализирует предыдущее словосочетание и расширяет его смыслы; возникает эффект частичной антропоморфизации (*бродячий ледник* ассоциируется с цирком, труппой артистов, дополняется значение понятия «бедного искусства»). Можно отметить и метонимический принцип, множественность проявляется в единичном: крышка подобна занавесу, когда ее откинут, начнут появляться артисты (или различные сорта мороженого). И в том, и в другом случае наблюдающего ждет неизвестность.

Чудесного холода полный сундук – метафора дополняет уже развернутый понятийный ряд, где усиливается значение чуда: слово «сундук» рождает ассоциации со сказкой; *чудесный холод* – используется уже привычный в этом стихотворении прием смены категорий, перевод в сферу вещественного того, что таковым не является. Слово «холод» в данном случае синонимично слову «мороженое», получая свойства плотности, но этим его значение не исчерпывается, оставаясь «мерцающим», – в сказках в сундуках хранятся сокровища. Метафора *чудесный холод* перекликается с *хрупкой снедью*, но значение ценности здесь дополняется мистическим компонентом.

Алмазные сливки – эпитет маркирует предельное усиление признака вещественности (максимальная прочность материала), но сохраняется равновесие мягкости / эфемерности / прочности, так как оба слова в тропе взаимно влияют друг на друга; усиливается и значение красоты и ценности объекта, который намеренно эстетизируется.

Исчезнет под тонкой лучинкой – метафора передает двоякий смысл поедания мороженого как таяния и сгорания, где под лучинкой (хрупким по определению предметом, деревянной щепочкой) одновременно подразумевается солнечный луч и металлическая ложечка, то есть пресловутый баланс предметного / не предметного сохранен, и подчеркнута «двойственная» природа света / огня.

Божественный лед – метафора-перифраз, где лед как субстанция, обладающая свойствами твердости (законченная совершенная форма) сакрализуется, однако лед – это то, что растает. Это таяние в будущем опять-таки сменится застыванием, символическое значение этого образа заключается в переосмыслении вечного оформления «сырого вещества» самой жизни, разрушения этих форм и появления вновь.

В стихотворении выстраивается смысловой ряд по принципу градации, усиления значения особой ценности, которая превращается, наконец, в высшую ценность сакрально-эстетического плана (*в затейливой чашечке хрупкая снедь – чудесного холода полный сундук – алмазные сливки – божественный лед*).

Все, что связано с едой (точнее, едой как лакомством и развлечением), сферой по определению эфемерного, опредмечено (преобладают метафоры второго типа, акцентирующие предметность не-предметного или же легко уничтожаемого); «усиленная» предметность закономерно связана с формотворчеством, еда выводится за рамки быта и втягивается в культурный универсум. Наблюдается уплотнение пространства, четкость, скульптурность форм. При этом сохраняется баланс эфемерного и прочного, быт и искусство сопрягаются в сложном дуальном единстве. Яркость зрительных образов, подчеркнутая принципами подбора метафор, создает дополнительный эффект зрелищности, театральности. Тропы, усиливающие прямые и переносные, ассоциативные значения стоящих рядом слов, цементируют смысловой контекст, где каждое слово крепко сцеплено с другим.

Поэтический синтаксис

Первая строфа состоит из коротких назывных предложений, состоящих из существительных и существительного с прилагательным (образуют первые две строки), 3 и 4 строки – это одно простое предложение с развернутым обстоятельством места. Вторая строфа представляет собой одно неопределенно-личное предложение с обстоятельством образа действия (деепричастный оборот) и с развернутым обстоятельством места. Третья строфа – также одно предложение, сложносочиненное, состоящее из двух простых. Четвертая строфа – одно предложение, сложносочиненное с подчинением, обстоятельство образа действия выражено деепричастным оборотом.

Инверсии: *И в мир шоколада с румяной зарею; Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть; Подруга шарманки появится вдруг; В чудесного холода полный сундук; Сверкая на солнце, божественный лед*. Инверсии вынесены в самое начало или в конец строфы, тем самым их значение особого смыслового выделения еще более возрастает.

Синтаксическая структура стихотворения отличается разнообразием, вариативностью, инверсии подчеркивают важные смысловые позиции текста.

Лирический субъект. Композиция

Позиция лирического субъекта заключается в сложном совмещении в едином сверх-сознании нескольких сознаний. Автор-повествователь в первом катрене представляет собой «всех и кого

угодно», маскирующуюся фигуру, наделенную даром фантазии, – это может быть и ребенок, и взрослый, вспоминающий свое детство при возгласе «Мороженоно!». Эта фантомная фигура «раздваивается» во втором и третьем катренах на «кого угодно – взрослого», иронически разыгрывающего действие поедания мороженого как театральное (совмещение роли актера и зрителя одновременно), и на конкретного ребенка – мальчишку, искренне переживающего миг появления любимого лакомства. Притом этим мальчишкой также может быть любой, в том числе сам повествователь в пору своего детства.

Позиция повествователя меняется от первой строфы к финальной, четвертой. Бессубъектность сменяется включением в действие-ритуал, где конкретного актанта нет, и его место может занять кто угодно (глаголы в инфинитиве), а затем точка зрения фокусируется на наблюдении за ребенком. В четвертой строфе зрителями сакрального зрелища становятся боги (античный театр), в то время как лирический субъект получает особое сверх-зрение – он видит всю панораму событий и самих богов, ее обзирающих, его ракурс зрения расширяется до «мирового обзора». Боги наблюдают за происходящим, но не знают хода действия (как до этого не знал мальчишка), выбор мороженого превращается в спектакль, сюжет которого связан с глубинным метафизическим смыслом. Именно этому сверх-наблюдателю, где «верхний слой сознания» – это сознание художника, доступно сверх-знание о мире как эстетической данности.

Здесь нет последовательности развития действия или описания эмоции. По принципу монтажа соединены различные сознания в сверх-сознании лирического субъекта, границы которого шире каждого из них (модель «матрешки», где в верхней, самой большой «куколке» находятся несколько меньших). Весь текст как высказывание лирического субъекта представляет собой одновременно переживание-наблюдение-вспоминание, где в одном временном отрезке настоящего спрессовались мгновения прошлого и будущего. В структурном отношении композиция – кольцевая, на что указывает повтор слова «солнце» в первой и в последней строках.

Хронотон. Лирический сюжет

Пространство и локализовано, и условно (мир воображения, ритуала, театра). Действие происходит в декорациях быта (тесная беседка, пыльные акации), затем размыкается вовне – сундук мороженщика, подобный шарманке, обычно появляется на улице, и, наконец, ареной действия становится весь мир, чтобы сжаться в финальной точке «божественного льда». Происходит раздвигание

пространственно-временных рамок от предметной точки до мира – глобальной театральной сцены-арены, а затем его свертывание. Природа маркирована словами «солнце», «пыльные акации», «<божественный> лед», но природа в этом контексте также неотделима от культуры. Все пространственные ориентиры связаны, так или иначе, с искусством.

В тексте все глаголы употреблены только в настоящем времени (и в форме инфинитива), контекстуальное значение настоящего времени здесь включает в себя и прошлое, и будущее. Время «спрессовано», оно разворачивается не-линейно, отдельное мгновение связано с множеством временных линий, согласно «принципу веера» [Эткинд, 1995, с. 477]. Временные «сегменты» сопрягаются между собой по ассоциативному, монтажному принципу. Нужно отметить роль союзных повторов: соединительный союз «и» (3, 6, 11 и 13 строки): *«И в мир шоколада с румяной зарею», «И в тесной беседке, средь пыльных акаций», «И с жадным вниманием смотрит мальчишка», «И боги не ведают – что он возьмет»*. Союзные повторы сопрягают в единую яркую зрелищную картину: мир фантазии, эстетизированного быта, сферу «домашней» сакральности и искусства как вечной ценности бытия. Противительный союз «но» (5 и 15 строки): *«Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть», «Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой, ...»* является сигналом противопоставления – в первом случае воображения и быта, во втором – это сигнал парадоксального апофеоза, кульминации всего стихотворения, где чудо всегда недолговечно. В последней строфе пространство расширяется до всеобъемлющей «сцены» мировой истории, а краткое мгновение содержит в себе потенциал бесконечного временного развертывания. Такая пространственно-временная модель может быть охарактеризована как модель «пульсации», где сжатие сменяется расширением.

Финальный смысловой пуант стихотворения – это последние две строки, где логические акценты расставлены с помощью звука и грамматической инверсии: *«Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой, / Сверкая на солнце, божественный лед»*. Здесь подчеркнут момент «исчезновения как сияния», их слитность, взаимозависимость. Миг слияния «льда и пламени» является высшей точкой создания идеальной формы. Это сияние – апогей чудесного зрелища, где метафорически соединены действия предполагаемого актанта-мальчишки, съдающего мороженое, и солнца, растапливающего «божественный лед». Еда-лакомство становится знаком сакрально-

эстетическим в момент превращения жизни в искусство, в краткий момент «схватывания» формы перед ее неминуемым разрушением.

В целом, стихотворение представляет собой гармоничную во всех отношениях структуру, являющую собой пример формы, где все внутренние противоречия находятся в равновесном единстве, а моменты структурных «колебаний» обеспечивают внутреннюю динамику¹. Строгая ритмическая организация обеспечивает внешний жесткий каркас, но она уравновешена энергетикой сдвига на уровне вариативного синтаксиса, инверсий, отступления от правила альтернанса, нет эффекта монотонности.

Известный тезис, относящийся к эстетике акмеизма: «Слово... обеспечивает чудовищно-уплотненную реальность...» [Левин, Сегал, Тименчик, Топоров, Цивьян, 1974, с. 53], – выдерживается в данном случае в своем классическом варианте. Принцип «уплотнения» выдержан на всех структурных уровнях, включая субъекта высказывания, чье сознание представляет собой «конгломерат» взглядов на мир: детского (непосредственного, искреннего), взрослого (обывательского) и эстетического, взгляда художника. Природа также видится в свете бесконечной формообразующей творческой силы: солнце и лед символизируют неразрывное единство таяния / разрушения – застывания / консервации². Структура вещества самой жизни непрерывно трансформируется в потоке природных изменений, и лишь на время застывает по воле художника. Мировой закон заключается в сложном балансе между жизнью и искусством, где оформление соседствует с разрушением, а истинный миг бытия, его волшебство заключается в способности ожидать и переживать бытие как чудо, то есть сам момент превращения жизни в искусство.

Способ эстетического завершения текста – идиллика, в данном случае слияние границ лирического субъекта (с учетом его «многоликости») с целым миром определяется приятием Красоты как центральной ценности существования. Быт, природа, культура находятся во взаимообусловленном равновесном состоянии, где именно культура представляет собой постоянное гармонизирующее начало.

¹ Здесь наблюдается архитектурное, структурное мышление О.Э. Мандельштама [Гинзбург, 1982, с. 249; Бройтман, 1997, с. 260].

² Метафора холод / лед, означающая творческий процесс формообразования, встречается не только у О.Э. Мандельштама, но и у С.Т. Кольриджа [Халтрин-Халтурина, 2009, с. 124-128].

Литература

- Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М., 1997.
- Гаспаров М.Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001.
- Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л., 1982.
- Давыдов М. «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен...» (Об одном подтексте в стихотворении О.Э. Мандельштама «К немецкой речи») // Записки Мандельштамовского общества. 2008. Вып. 4/2.
- Жолковский А.К. «Я пью за военные астры...»: Поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/bib31.htm>.
- Колотаев В.А. Бабочка – Ка: к визуальной метафизике имени в поэзии О.Э. Мандельштама // Научный электронный журнал «АРТИКУЛЬТ». 2016. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.articult.rshu.ru/articult-24-4-2016/articult-24-4-2016-kolotaev.php>.
- Лахути Д. «Бестолковое, последнее, трамвайное...» // Записки Мандельштамовского общества. 2008. Вып. 4/2.
- Левин Ю.И. Разбор одного стихотворения Мандельштама // Левин Ю.И. Избранные труды. М., 1998.
- Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. 1974. №7/8.
- Фролов Д.В. О стихотворении Мандельштама «В безветрии моих садов...» (1909) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 2.
- Халтрин-Халтурина Е.В. Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма. Романтические суждения о воображении и художественная практика. М., 2009.
- Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969.
- Эткинд Е. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М., 1995.
- Ronen O. A beam upon the axe // Slavica Hierosolymitana. 1977. № 1.

References

- Brojzman S.N. *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki. Sub'ektno-obraznaya struktura* [Russian lyrics of the XIX – early XX century in the light of historical poetics. Subject-image structure]. Moskva, 1997.
- Gasparov M.L. *O russkoj poezii. Analizy. Interpretacii. Harakteristiki* [About Russian Poetry. Analyzes. Interpretations. Specifications]. Sankt-Peterburg, 2001.
- Ginzburg L.Ya. *O starom i novom* [About the Old and the New]. Leningrad, 1982.
- Davydov M. «Ya druzhboj byl, kak vystrelom, razbuzhen...» (Ob odnom podtekste v stihotvorenii O.E. Mandel'shtama «K nemeckoj rechi») [«I was awakened by friendship as by a shot ...» (On one subtext in O. Mandelstam's poem «To German Speech»)]. *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva* [Notes of the Mandelstam Society]. 2008. Iss. 4/2.
- Zholkovskij A.K. «Ya p'yu za voennye astry...»: *Poeticheskij avtoportret Mandel'shtama* [«I drink for military asters ...»: Mandelstam's poetic self-portrait]. *Избранные стат'и о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты* [Selected papers about

Russian poetry: Invariants, structures, strategies, intertexts.]. Moskva, 2005. URL: <http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/bib31.htm> (accessed 30.04.2019).

Kolotaev V.A. *Babochka – Ka: k vizual'noj metafizike imeni v poezii O.E. Mandel'shtama* [Butterfly – Ka: to Visual Metaphysics of the Name in the Poetry of O.E. Mandelstam]. SCI-ARTICULT. 2016. № 4. URL: <http://www.articult.rsuh.ru/articult-24-4-2016/articult-24-4-2016-kolotaev.php> (accessed 29.04.2019).

Lahuti D. «Bestolkovoe, poslednee, tramvajnoe...» [«Stupid, last, tram...»]. *Zapiski Madel'shtamovskogo obshestva* [Notes of the Mandelstam Society]. 2008. Iss. 4/2.

Levin Yu.I. *Razbor odnogo stihotvoreniya Mandel'shtama* [Analysis of One Poem by Mandelstam]. Levin Yu. I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moskva, 1998.

Levin Yu.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Civ'yan T.V. *Russkaya semanticheskaya poetika kak potencial'naya kul'turnaya paradigma* [Russian Semantic Poetics as a Potential Cultural Paradigm]. Russian Literature. 1974. No 7/8.

Frolov D.V. *O stihotvorenii Mandel'shtama «V bezvetrii moih sadov...» (1909)* [About Mandelstam's Poem «In the windlessness of my gardens ...» (1909)]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka* [Proceedings of the RAS. Literature and Language Series]. 2017. Vol. 76. No. 2.

Haltrin-Halturina E.V. *Poetika «ozarenij» v literature anglijskogo romantizma. Romanticheskie suzheniya o voobrazhenii i hudozhestvennaya praktika* [The Poetics of «Insight» in the English Romantic Literature. Romantic Judgments of the Imagination and Artistic Practice]. Moskva, 2009.

Ejhenbaum B. *O poehzii* [About Poetry]. Leningrad, 1969.

Etkind E. *Krizis simbolizma i akmeizm* [The Crisis of Symbolism and Acmeism]. *Istoriya russkoj literatury. XX vek. Serebryanij vek* [The History of Russian Literature. XX century. Silver Age]. Moskva, 1995.

Ronen O. *A beam upon the axe*. Slavica Hierosolymitana. 1977. No 1.

ОБРАЗ АЛТАЯ В РАССКАЗЕ В. БИАНКИ «ОНА»¹

А.И. Куляпин

Ключевые слова: Алтай, локальный текст, образ, метафора, миф.

Keywords: Altai, local text, image, metaphor, myth.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-04

Хрестоматийным примером определения специфики локального текста через гендерную идентификацию стала гоголевская фраза из статьи «Петербургские записки 1836 года»: «Москва женского рода,

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ и правительства Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI веков: культурно-туристический потенциал».

Петербург мужского» (Гоголь, 1978, с. 172)¹. Стремление охарактеризовать индивидуальные особенности геоэтики того или иного региона в терминах пола, вероятно, вполне оправданно. Э. Кассирер убедительно доказал существование пространственно-физического соответствия между миром и человеком: «Тело служит как бы моделью построения мира; в нем человек обладает изначальной системой координат, точкой отсчета» [Свасьян, 1989, с. 127–128]. Немецкий философ ссылается на повсеместно распространенную практику выражения пространственных отношений через слова, «относящиеся к отдельным частям человеческого тела. Внутреннее и внешнее, находящееся впереди и сзади, сверху и снизу, именуется через соотнесение с определенным чувственным субстратом в целом человеческого тела» [Кассирер, 2002, с. 140].

Разумно предположить, что гендерный аспект телесности в процессе такого рода моделирования пространства играет не последнюю роль. Конечно, картина далеко не всегда столь проста как в случае с Москвой и Петербургом. Например, проблему гендерной идентичности Алтая можно решать по-разному.

Мужской облик Алтая генетически связан с древнейшим культом гор. Хан-Алтай «заведует всеми вершинами Алтая. Обитает в пещерах, на ледниках, он посылает в зимнее время ветер, бури, ненастье, разносит юрты, уничтожает скот, насылет волков, охотников лишает добычи, замораживает их насмерть» [Каруновская, 1935, с. 165]. Другой исток подобных представлений – бурханизм. «Духом Алтая» бурханисты объявляют свое верховное божество – «Хозяин Алтая, могущественный Бурхан» [Данилин, 1993, с. 93].

Указанная архаическая топика позже найдет отражение в творчестве Г.И. Чорос-Гуркина, который поставил перед собой цель «быть изобразителем красоты твоей, великий Хан Алтай» (цит. по: [Вяткина, 2002]). Программное произведение Гуркина так и называется – «Хан Алтай» (1907–1910). Это пейзажное полотно обладает ярко выраженной национально-специфической символикой: «Восприятие очеловеченного кедра, могучего орла и верховного духа идет от визуально-достоверных изображений к своим мифопоэтическим образам. Так, облик Хан-Алтая не имеет явных видимых очертаний и узнается с помощью поэтической метафоры, которая широко известна в народной лирике» [Маточкин, 2009, с. 20].

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Не без влияния Г. Гуркина, знакомство с которым состоялось еще в 1925 году [Еремина, Смирнов, 2013, с. 79, 234], к алтайской теме обратился И. Ефремов. В рассказе «Озеро Горных Духов» среди самых значительных полотен художника Чоросова упоминается и «Хан-Алтай». Тайны Алтая в рассказе Ефремова, как и в художественном мире Гуркина, охраняют «горные духи» и духи Дены-Дерь, вызывающие у пришельца «чувство гнетущего страха» (Ефремов, 1986, с. 70).

Альтернатива суровому маскулинизированному образу края была предложена зачинателем природоведческой прозы Алтая А.А. Черкасовым, который противопоставил «Западную Сибирь Восточной, прибегая к архаичному тождеству “страна-женщина”» [Богумил, 2017, с. 28]. Серия очерков «На Алтае» открывается развернутым сравнением двух сестер – Западной и Восточной Сибири: *«Переселяясь на Алтай <...> я воображал, что Западная Сибирь так же богата и красива, как и ее родная сестрица – Восточная. Но – увы! – в них хоть и есть родственное сходство, но есть и большая разница: одна – как красивая брюнетка, а другая – как только миловидная блондинка. В одной огонь, энергия, капризы и страсти Востока, в другой мягкость, ровность, какая-то пухлость и точно малокровие. Даже в одежде заметна немалая разница: одна – как кокетка, одета в более яркие цвета с разными буфами, оборками и коками в роскошной шевелюре, другая – в более мягких одноцветных красках, с небольшими воланами, складками и хотя с взбитой челкой, но как бы с тонкими секущимися волосами и даже не прочь подстричься хоть под гребенку. Что же касается богатства, то одна неприхотлива и одевается большей частью в свои собственные произведения – прелестную мерлушку, белку, лисицу и нередко дорогого соболя, украшая себя местными драгоценными камнями и золотом; другая же таскает преимущественно заводные меха и рядится большей частью в покупные ожерелья»* (Черкасов, 1994, с. 377–378).

Лишь на Юго-Востоке и Юге Алтая природа преображается: *«Тут белорусая сестрица северного плоскогорья Алтая словно перерождается в забайкальскую красавицу брюнетку, и как бы поджидает своего суженого, дескать, пожалуйте, не робейте, а я давно уже созрела и полна той кипучей жизнью, очаровательной красотой, которых ты не встретишь в других местах всей Западной Сибири!..»* (Черкасов, 1994, с. 395).

В. Бианки, точно так же, как Черкасов, предпочитает феминизировать образ Алтая.

Рассказ «Она» строится на сюжетной схеме, инвариантной для алтайского текста: «Ученый, от лица которого ведется рассказ, в ходе научной экспедиции на Алтай вступает в контакт с представителем коренного народа. Возникающий во время общения когнитивный диссонанс приводит в конечном счете к радикальным изменениям мировоззрения героя-рассказчика». Характерно, что в 1944 году, когда Бианки заканчивал работу над своим рассказом, И. Ефремов опубликовал рассказ «Озеро Горных Духов» построенный по той же модели (Ефремов, 1986, с. 63–79).

Герой Бианки – зоолог, причем молодой. Писатель дважды подчеркивает это обстоятельство: подзаголовком «Рассказ молодого ученого» и автохарактеристикой персонажа: *«Молод я был и самонадеян»* (Бианки, 1973, с. 383). Погружению в мистический мир Алтая предшествует встреча героя с *«вещей девушкой-ойроткой»* (Бианки, 1973, с. 388).

«Природа Алтая, особенно Горного Алтая, всегда казалась ему несравненной», – вспоминает дочь Виталия Бианки Елена [Бианки, 1975, с. 371]. В конце жизни в одном из писем В. Бианки признается: *«<...> Могу только в нескольких словах рассказать, какой уголок страны больше всего понравился, пришлось по душе мне <...> Это Алтай. В жизни не видел ничего более прекрасного. Я жил там в юности четыре года – и до сих пор (а мне седьмой десяток) вспоминаю это время, как чудный сон <...>»* (цит. по: [Бианки, 1984, с. 5]). Несмотря на столь восторженные оценки, Алтай в рассказе «Она» скорее ужасает, чем восхищает. Тревожную тональность задает уже эпиграф рассказа, позаимствованный из стихотворения А.С. Хомякова «Киев» (1839):

*Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов.*

Бианки не без умысла вынес в название своего произведения личное местоимение женского рода. Грозное атмосферное явление, описанное в рассказе, по-научному именуется *«фёном»*, в просторечии *«верховкой»*, но рассказчик, как и автор, явно предпочитает неопределенно-загадочное обозначение – *«Она»* (Бианки, 1973, с. 389).

Всех, кто проникся природой Алтая, Бианки наделяет чертами мифологического мышления. Известно, что слово в рамках этого типа сознания тождественно событию. Отсюда запрет на произнесение тех слов, которые отсылают к чему-то недоброму. «Так, например, называние болезни (вслух) может осмысляться именно как призывание ее: болезнь может прийти, услышав свое имя (ср. в этой связи обиходные выражения типа “накликать беду, болезнь” и т.п.)»

[Лотман, Успенский, 1992, с. 61. Разрядка автора]. Наряду с другими примерами Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский анализируют «табуистическое использование местоимений (“он”, “тот” и т.п.), которое наблюдается в различных этнографических ареалах при именовании черта, лешего, домового, <...> – когда местоимение фактически функционирует как собственное имя» [Лотман, Успенский, 1992, с. 65]. Конечно, не зря в рассказе Бианки все собеседники молодого ученого так строго соблюдают табу: *«Но все мои попытки добиться толком, что же такое на самом деле эта “Она”, каждый раз кончались ничем: рассказчик сейчас же многозначительно замолкал или круто переводил разговор на другое, не удостоивая меня ответом на такой бестактный вопрос»* (Бианки, 1973, с. 383).

На первой же странице рассказа «Она» встречается необоснованное смешение грамматической категории рода. Косноязычный начальник экспедиции словно бы пугается при определении рода существительного «сумка»: *«Там ее – это, как его? – и найдете – на кедре»* (Бианки, 1973, с. 381). В отношении названия смертоносного вихря смешение, напротив, вполне обоснованно, так как его обозначают существительными как мужского, так и женского рода. Следовательно, заменой табуированного слова на равных основаниях с местоимением «Она» могло бы стать местоимение «Он».

В русском языке категория рода в большинстве случаев не имеет никакого отношения к семантике биологического пола, но в тексте Бианки мы встречаемся с редким исключением. Писатель четко разделяет акт номинации по гендерному принципу: *«Ученый начальник наш назвал это явление “фёном” <...> Дева Алтая назвала таинственно: “Она”»* (Бианки, 1973, с. 389). Разница лексики эксплицирует разницу ментальности – мужской рационализм контрастно оттеняется в рассказе интуиционистской логикой женщины.

Противоположна и сюжетная функция персонажей. В рискованное путешествие герой-рассказчик вынужден отправиться из-за «ученой рассеянности» гидрометеоролога, а девушка-ойротка пытается его остановить. *«Нельзя. Не ходи», – предупреждает она об опасности* (Бианки, 1973, с. 382).

Заостряя свою мысль, Бианки делает начальника экспедиции поразительно похожим на измерительный прибор: *«Приделай одному из его длинных стеклянных термометров очки да бороду – точь-в-точь будет он сам. Такой же прямой, жесткий, холодный»* (Бианки, 1973, с. 381). В финале рассказчик вновь воспользуется этим сравнением, но уже с неприкрытой иронией: *«Многомудрый наш*

гидролог-метеоролог, холодный, как термометр»; «мудрый, как термометр, гидролог-метеоролог» (Бианки, 1973, с. 389).

Бесстрастная и неподвижная девушка-проводник сначала названа «каменной девой» – «*фигура алтайки казалась изваянной из камня, на котором она сидела*» (Бианки, 1973, с. 382, 383). Однако в конце она, в отличие от гидролога-метеоролога, оживает. Героя удивляет, ему кажется чудом, «*что казавшиеся каменными щеки могут розоветь!*» (Бианки, 1973, с. 389).

Вещая дева не только «*предчувствует взрыв стихии всем своим телом*», она – «*сама стихия*» (Бианки, 1973, с. 389). Полнота слияния героини с природным миром достигается за счет того, что воздушная стихия, в свою очередь, обретает телесность: «*Даже у ветра откуда-то взялась невидимая плоть*», воздух, «*упав вниз, в долину, сжался, стал плотным, телесным*» (Бианки, 1973, с. 388, 389).

Сделавшись телесным, ветер, естественно, обзаводится признаками пола. В мужском обличье он не так уж и страшен:

«Пережитое ночью казалось сном. Я готов был смеяться над собой: и чего испугался, как маленький! Просто внезапный сильный порыв ветра, шквал этак баллов на десять-двенадцать.

Что ему стоит сдуть стог сена и сбросить дерево со скалы? Ураган, бывает, крыши с домов срывает и уносит, дома валит» (Бианки, 1973, с. 387–388).

В женской ипостаси стихия порождает «*безотчетный ужас*» (Бианки, 1973, с. 385), её мощь не измерить баллами, ведь «Она» способна не только крыши с домов срывать, но всех людей «*уничтожить, сдуть с земного шара, как пушинки*» (Бианки, 1973, с. 386).

Могущество урагана ничто по сравнению с «Её» разрушительным потенциалом, и если последствия урагана легко предугадать и просчитать на основе научных данных, то для «Неё» нет закона. «Она», как капризная красавица, не подчиняясь логике, губит и милует без всякой рациональной мотивировки. Наделавши немало бед, «Она» почему-то необычайно благожелательна по отношению к молодому ученому. Возникает ощущение, что вся жутковатая сумятица затеяна с одной целью – избавить рассказчика от утомительного и опасного путешествия. Забытая гидрометеорологом сумка волшебным образом переносится к месту его ночлега:

«Это была наша сумка. Все препараточные инструменты были в ней целы.

Такой сюрприз плохо укладывался у меня в голову: уж не брежу ли я? Но это был очень приятный сюрприз: ведь мне не надо было больше никуда ехать, можно было отдохнуть и возвращаться к своим.

“С доставкой на дом! – подумал я весело. – По отношению ко мне “Она”, во всяком случае, изумительно любезна. Но какова силушка: вырвать из земли столетний кедр и швырнуть его на добрый километр – через тайгу – под гору!”» (Бианки, 1973, с. 387. Разрядка автора).

Внезапный румянец девушки-ойротки при встрече с героем свидетельствует о чувстве более глубоком, чем просто симпатия: *«Увидев меня, она покраснела. И как это показалось мне удивительно, чудесно, что казавшиеся каменными щеки могут розоветь!»* (Бианки, 1973, с. 389). Благосклонность стихии по отношению к молодому ученому также выходит за рамки обыденного. Появляется еще один повод для отождествления «Её» и «каменной девы».

В уральском горнорабочем фольклоре, в сказах П. Бажова Каменную девку, Хозяйку Медной горы, Малахитницу, Золотую бабу и других духов гор, по наблюдению М. Липовецкого, окружают «отчетливые сексуальные мотивы»: «Как правило, все эти волшебные существа, несмотря на связь с миром камня, маркированы мотивами света, тепла и огня, что опять-таки оправдывает сексуальные обертоны. <...> Хозяйка и другие магические героини сказов воплощают Эрос Урала» [Липовецкий, 2014, с. 219, 220].

В охотничьих легендах различных племен Алтая «хозяйева гор» тоже нередко выступают в образе людей. «Они часто посещают охотников в тайге во время промысла. Обычно они являлись охотникам в образе молодой женщины или девицы (у кумандинцев чаще всего рыжей), голой, с большими грудями, закинутыми за плечи или заложенными под мышки. Горные “хозяйки” охотно вступали в половую связь, особенно с холостыми охотниками, делая их за это удачливыми в промысле» [Потапов, 1946].

Бианки создает свой индивидуальный миф явно с оглядкой как на алтайский, так и на уральский контекст, воплотив в своей «каменной деве» Эрос Алтая – влекущий и пугающий одновременно.

Красота алтайской природы таит множество опасностей, восторг героя-рассказчика тут же сменяется страхом:

«Прекрасны были горы, окутанные легкой разноцветной дымкой заката. Прекрасен был Чарыш, синий и прозрачный до дна. Дикой силой, несказанной красотой дышала вокруг меня первобытная природа, рождая в душе тысячу мыслей, видений и безотчетных чувств. <...>

Реку Коргон – бурный приток Чарыша – мне пришлось переезжать уже при луне. Брод здесь серьезный: сильный поток тащит по дну “булки” – камни, обточенные водой и трением о грунт. Может ударить “булкой” коня по ногам. А стоит коню оступиться – стремнина подхватит его, закрутит вместе с всадником и выкинет два размозженных о камни трупы в глубокий Чарыш» (Бианки, 1973, с. 384, 385).

«Все они тут живут в сказке, как дети, – и ойроты, и русские старожилы. Очевидно, первобытная природа так на них действует. Населяют ее какими-то таинственными существами. Вот как эта “Она”», – думает молодой ученый в начале рассказа (Бианки, 1973, с. 383). Пережив ряд потрясений, он в итоге признает: *«Сказочное окончательно спуталось в моем мозгу с реальным»* (Бианки, 1973, с. 388).

Сам того не замечая, герой действительно оказывается в сказке. Даже имя его коня «Воронко» – сказочное. Волшебный конь «Сивко-бурко, вещий воронко» фигурирует, например, в сказке «Сивко-бурко» из сборника А.Н. Афанасьева [Народные русские сказки, 1985, с. 5–7]. Воронко Бианки вещий не в метафорическом, а в самом прямом смысле слова. Подобно «вещей девушке-ойротке» он предчувствует «взрыв стихии»: *«Вдруг Воронко как-то дико подпрыгнул всеми четырьмя ногами, вывал у меня из рук повод и в карьер помчался через елань в тайгу»* (Бианки, 1973, с. 385).

Путь героя рассказа пролетает не в пространстве, а во времени. В выветрившихся камнях скалистого хребта ему последовательно мерещатся химеры собора Парижской божией матери, крылатые львы-грифоны из учебников истории Древней Греции, пещеры-убежища первобытных людей (Бианки, 1973, с. 383–384). Углубляясь все дальше и дальше в историю, молодой ученый в конце концов попадает в мир вечности – в эпитафии блеск снегов Алтая недаром охарактеризован словом «вечен».

Высокомерие героя, воображающего себя человеком науки, ослепляет его. Пусть и запоздало, он осознает, что *«не умел в шелухе суеверий находить зерно точного наблюдения, проверенного многими поколениями, хотя и не объясненного ими. Думал – любое явление природы могу сразу понять, объяснить себе его сущность и*

тем убить в себе всякий суеверный страх перед неведомым. И все, что непонятно, казалось мне суеверием» (Бианки, 1973, с. 383).

Рассказ «Она» писатель закончил летом 1944 года, но только два года спустя посылает его на радио и читает в редакции журнала «Костер». Однако рассказ вызвал возражения. В частном письме Бианки негодует: «<...> как ничего я не могу делать против своей совести, так ничего я не боюсь за сделанное на совесть, <...> ну, как же я могу испугаться обвинений в какой-то “мистике”, когда мистикой в моих рассказах и не пахнет, неоткуда мне ее взять» (Бианки, 1973, с. 427).

Показательно, что это было не первое обвинение Бианки в «мистике». За два десятилетия до инцидента с рассказом «Она» разгорелся похожий конфликт в связи с еще одним «алтайским» рассказом – «Бун». Комиссия Государственного ученого совета в этом рассказе также усмотрела мистику и предложила писателю изменить начало. Бианки отреагировал жестко: «В мистике не повинен ни сном, ни духом и ни на какие переделки не пойду» (Бианки, 1973, с. 422).

В искренности Бианки сомневаться не приходится, в мистике он действительно не повинен – в ней повинен Алтай. Мистика Алтая, может быть даже вопреки намерениям писателя, придает его текстам особый колорит.

Скептически настроенный молодой ученый-зоолог, не получив объяснений, кто такая «Она», решает, что *«это – мистика, чепуха, сказочный какой-то персонаж вроде бабы-яги, разъезжающей по воздуху в ступе с помелом в руках»* (Бианки, 1973, с. 383). Но его скепсис быстро улечучивается, и в самих очертаниях гор он *«невольно угадывает формы <...> то ведьмы верхом на помеле из лиственницы, то крючконосый профиль колдуна»* (Бианки, 1973, с. 383). Герой старается избавиться от наваждения, остановить поток фантазий: *«Черт знает что! – выругался я про себя. – Вот, кажется, уж и мне начинает невесть что чудиться, как нашей ойротке»* (Бианки, 1973, с. 384). Впрочем, это уже не спасает, поскольку ограниченность научного рационализма слишком очевидна.

Перед мистикой Алтая пасует не только герой рассказа «Она», но и сам автор – такой же молодой ученый-зоолог. Бианки в начале 1920-х годов принимает твердое решение «стать чем-нибудь в чем-нибудь»: «Прежде всего мне необходимо хотя бы в одной сравнительно узкой области углубить свои познания, во всем весьма <...> поверхностные. Областью этой я намерен избрать узко – орнитологию <...>, широко – биологию. В зависимости от этого определяется и моя жизненная программа» (цит. по: [Бианки, 1984, с. 11]). Вскоре, однако, «планы

переработать орнитологическую коллекцию и дневники о птицах Алтая в научный труд трансформировались в создание художественных произведений», Бианки «обнаружил свое истинное призвание – быть не ученым, как отец и братья, а писателем-натуралистом» [Богумил, 2018, с. 98]. Соответственно кардинальным образом поменялась и жизненная программа в целом: «Боюсь поверить себе, но, наверное, я все-таки поэт. Влюбленный в этот прекрасный (и страшный) мир, но я хочу проникнуть во все его тайны» (цит. по: [Бианки, 1984, с. 14]).

Алтай – это, конечно, и есть эталонное воплощение того прекрасного и страшного мира, в который влюблен и в тайны которого мечтает проникнуть Бианки.

Литература

Бианки Е. Краткая биография Виталия Валентиновича Бианки // Бианки В.В. Собрание сочинений: в 4-х тт. Л., 1975. Т. 4.

Бианки Е. «Я бы выбрал Алтай...» // Бианки В.В. Удивительные тайны: Повести, рассказы. Барнаул, 1984.

Богумил Т.А. Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. Барнаул, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.altspu.ru/items/show/84>.

Богумил Т.А. Виталий Валентинович Бианки // Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена. Барнаул, 2018.

Вяткина Г.В. О влиянии русской духовной культуры на становление художника // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2002/index.html>.

Данилин А.Г. Бурханнизм. Горно-Алтайск, 1993.

Ерёмина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М., 2013.

Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о Вселенной // Советская этнография. 1935. № 4–5.

Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб., 2002. Т. 1. Язык.

Липовецкий М. Зловещее в сказах Бажова // Quaestio Rossica. 2014. № 2.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-и тт. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры

Маточкин Е.П. Визуальные образы фольклора в творчестве художников Горного Алтая // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х тт. М., 1985. Т. 2.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ELibrary.html>

Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ. Ереван, 1989.

Список источников

Бианки В.В. Собрание сочинений: в 4-х тт.. Л., 1973. Т. 2. Повести и рассказы.

Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7-и тт. М., 1978. Т. 6.

Ефремов И.А. Озеро Горных Духов // Ефремов И.А. Собрание сочинений: в 5-и тт. М., 1986. Т. 1.

Черкасов А.А. Из записок сибирского охотника. М., 1994.

References

Bianki E. *Kratkaya biografiya Vitaliya Valentinovicha Bianki* [Short biography of Vitaly Valentinovich Bianki]. In: Bianki V.V. *Sobranie sochineniy: v 4-h tt. T. 4* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 4]. Leningrad, 1975.

Bianki E. «*Ya by vybral Altay...*» [«I would choose Altai...»]. Bianki V.V. *Udivitel'nye tayny: Povesti, rasskazy* [Amazing Secrets: Stories, short stories]. Barnaul, 1984.

Bogumil T.A. *Regional'naya literatura: Sibir', Altay, Barnaul* [Regional literature: Siberia, Altai, Barnaul]. Barnaul, 2017. URL: <http://books.altspu.ru/items/show/84>.

Bogumil T.A. *Vitaliy Valentinovich Bianki* [Vitaly Valentinovich Bianki]. *Literaturno-turisticheskiy Altay: toposy – mify – imena* [Literary and Tourist Altai: Topos – Myths – Names]. Barnaul, 2018.

Vyatkina G.V. *O vliyaniy russkoy dukhovnoy kul'tury na stanovleniye khudozhnika* [On the Influence of Russian Spiritual Culture on the Formation of the Artist]. *Makar'yevskiy chteniya* [Makarievskie reading]. Gorno-Altaysk, 2002. URL: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2002/index.html>.

Danilin A.G. *Burkhanizm* [Burkhanism]. Gorno-Altaysk, 1993.

Erëmina O.A., Smirnov N.N. *Ivan Yefremov* [Ivan Efremov]. Moskva, 2013.

Karunovskaya L.E. *Predstavleniya altaytsev o Vselennoy* [The Altaians' Ideas about the Universe]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1935. No 4–5.

Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2002.

Lipovetskiy M. *Zloveshchee v skazakh Bazhova* [Sinister in Bazhov's Tales]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. 2014. No 2.

Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. *Mif – imya – kul'tura* [Myth – Name – Culture]. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3-h tt. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in 3 vols. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, 1992.

Matochkin E.P. *Vizual'nye obrazy fol'klora v tvorchestve khudozhnikov Gornogo Altaya* [Visual Images of Folklore in the Works of Artists of Gorny Altai]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2009. No 4.

Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3-h tt. T. 2 [Folk Russian Fairy Tales by A.N. Afanasyev: in 3 vols. Vol. 2]. Moskva, 1985.

Potapov L.P. *Kul't gor na Altaye* [The Cult of the Mountains in Altai]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1946. No 2. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/ELibrary.html>

Svas'yan K.A. *Filosofiya simvolicheskikh form E. Cassirera: Kriticheskiy analiz* [Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms: A Critical Analysis.]. Erevan, 1989.

List of sources

Bianki V.V. *Sobranie sochineniy: v 4-h tt. T. 2. Povesti i rasskazy* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 2. Stories and short stories]. Leningrad, 1973.

Gogol' N.V. *Peterburgskie zapiski 1836 goda* [The Petersburg Notes of 1836]. Gogol' N.V. *Sobranie sochineniy: v 7-i tt. T. 6* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 6]. Moskva, 1978.

Efremov I.A. *Ozero Gornykh Dukhov* [Lake of Mountain Spirits]. Efremov I. A. *Sobranie sochineniy: v 5-i tt. T. 1* [Collected Works: in 5 vols. Vol. 1]. Moskva, 1986.

Cherkasov A.A. *Iz zapisok sibirskogo okhotnika* [From the Notes of the Siberian Hunter]. Moskva, 1994.

СУЖДЕНИЯ О ПОЭЗИИ В МЕМУАРНОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ В. ШАЛАМОВА

Д.В. Кротова

Ключевые слова: русская литература, Шаламов, мемуары, письма, поэзия.

Keywords: Russian literature, Shalamov, memoirs, letters, poetry.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-05

Мемуаристика и письма В. Шаламова представляют собой интереснейший пласт его наследия, на сегодняшний день пока еще далеко не в полной мере изученный, а между тем глубоко отражающий представления Шаламова о литературе и ее задачах, о собственном творчестве. Основной корпус мемуарной прозы Шаламова – это очерки «Моя жизнь – несколько моих жизней», «Двадцатые годы», «Москва 20-30-х годов», воспоминания о Колыме и др. К мемуаристике Шаламова примыкают и его зарисовки о современниках, например, «Ахматова», «Маяковский мой и всеобщий» и др. Все эти тексты имеют огромную ценность, поскольку проливают свет на мироощущение Шаламова, раскрывают художественные и интеллектуальные интересы поэта и писателя и, кроме того, представляют собой уникальные документы литературной, культурной и общественной жизни. Не меньшую ценность имеют письма Шаламова: его эпистолярное наследие, охватывающее 1952-1979 годы, обращено к широкому кругу корреспондентов, среди которых Б. Пастернак, А. Солженицын, А. Ахматова, О. Михайлов, В. Кожинов и др.

В настоящей статье центральным объектом рассмотрения являются высказанные в мемуарах и письмах Шаламова суждения о поэзии – о предназначении и сути поэтического творчества, о миссии

поэта, о тех или иных направлениях и течениях в лирике XX столетия (в частности, особенно пристального внимания заслуживают размышления Шаламова об акмеизме).

Одно из ключевых суждений Шаламова, которое красной нитью проходит через всё его творчество, – это утверждение о **нравственной миссии поэзии**, о том, что поэзия несет в себе прежде всего этические смыслы. Подобное представление непосредственно выражено Шаламовым в его лирике, например, в таких стихотворениях, как «Поэзии», «Я много лет дробил каменья...» и мн. др. Но и в мемуарах и письмах Шаламова читатель находит многогранное выражение этой идеи. В письме к Пастернаку от 28 марта 1953 года читаем: *«Задача поэзии – это нравственное совершенствование человека – та, та самая задача, которая стоит в программе всех социальных учений, спокон веков лежит в программе всех наук и всех религий. Никакой другой задачи ни у каких поэтов, хотя бы и Виллонов – нет»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 25)¹. Цель искусства, как отмечает Шаламов в заметке «Таблица умножения для молодых поэтов», *«одинакова с религией, с наукой, с политическим учением – сделать человека лучше, добиться, чтобы нравственный климат мира стал чуть-чуть лучше...»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 11-12). Сходным суждением Шаламов начинает и свои мемуарные очерки о Колыме, утверждая уже в первом абзаце предисловия: *«...в этической ценности вижу я единственный подлинный критерий искусства»* (Шаламов, 2013, т. 4, с. 439).

Подобное представление об искусстве и его задачах диктует и особое видение Шаламовым **творческой личности**, особенно личности поэта. Шаламов был убежден, что поэт должен быть для современников этическим образцом. Подлинный поэт обладает не только талантом, но и особой моральной силой. В мемуарном очерке «Двадцатые годы» Шаламов отмечает: *«...> поэт должен быть большой нравственной величиной»* (Шаламов, 2013, т. 4, с. 351). Эта же мысль постоянно звучит в переписке Шаламова. Например, в письмах к Пастернаку Шаламов признается, что видит в личности и облике Пастернака прежде всего высокий моральный образец. Подобное восприятие отражено и в лирике Шаламова, например, в одном из стихотворений, посвященных памяти Пастернака (в этом тексте Е. Гофман справедливо усматривает *«черты авторской духовной декларации»*) [Гофман, 2015, с. 200]:

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

*Орудье высшего начала,
Он шел по жизни среди нас,
Чтоб маяки, огни, причалы
Не скрылись навсегда из глаз.*

*Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг
(Шаламов, 2013, т. 3, с. 383).*

Здесь появляется красноречивый образ живого Будды – то есть нравственного эталона, которому люди должны следовать. Масштаб личности Пастернака Шаламов здесь связывает не только с собственно поэтическими достижениями и творческим новаторством, но и, в первую очередь, с нравственным величием поэта.

Именно этическое начало для Шаламова оказывается важнейшим в оценке личности и творчества А. Ахматовой – Шаламов неоднократно подчеркивал ее духовную стойкость и внутреннюю силу. В мемуарном очерке «Ахматова» Шаламов отмечает: *«Это – великий нравственный пример верности своим поэтическим идеалам, своим художественным принципам <...> Анна Андреевна много пережила, много приняла горя, не выпуская своего поэтического знамени»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 193-194). При размышлении о личности Ахматовой (как и в связи с Пастернаком) Шаламов обращается к метафоре живого Будды. Так, в записке, которую Шаламов отправил Ахматовой в Боткинскую больницу в 1965 году, читаем: *«В жизни нужны живые Будды, люди нравственного примера, полные в то же время творческой силы»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 408). Эти слова являются в определенном смысле квинтэссенцией понимания Шаламовым личности поэта: ее определяет прежде всего исключительный этический масштаб, поэт – это человек «нравственного примера», наделенный «творческой силой».

По Шаламову, поэт (и вообще художник) всегда несет моральную ответственность за свой дар. Шаламов имеет в виду ответственность поэта перед своей эпохой, перед современниками и потомками. Поэт должен правдиво отразить время, не солгать, не сломаться. *«Талант, – говорит Шаламов в одном из писем Солженицыну, – это очень серьезная ответственность»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 302). По Шаламову, истинно талантливый человек органически не способен лгать в своем творчестве, для него ложь будет в принципе невозможна. В переписке с Солженицыным Шаламов высказывается о писателях,

которые искажают историческую современность. Он называет их лжецами и утверждает: «*Все они лжецы как раз потому – что они бездарны*» (Шаламов, 2013, т. 6, с. 302). С точки зрения Шаламова, суть таланта заключается в способности и готовности говорить правду. Сам Шаламов никогда и ни в чем «*не мог отойти от своего основного принципа – предельной достоверности*» [Есипов, 2017, с. 12].

В мемуаристике и письмах Шаламова мы встречаем много размышлений **о природе поэтического творчества**. Что такое подлинная поэзия? Каковы источники поэтического вдохновения? Как рождается стихотворение?

У Шаламова и в лирике, и в мемуарно-очерковом наследии неоднократно звучит следующая максима: «*Поэзия – это судьба, а не ремесло*» (Шаламов, 2013, т. 5, с. 11). Шаламов утверждает, что суть поэзии – не в овладении техникой, не в умении и мастерстве (хотя значимость этих категорий он ни в коем случае не отрицает). Суть поэзии – в осмыслении пережитого опыта. Шаламов нередко повторял и в своих стихах, и в прозе, что единственно возможный подлинный источник творчества – это судьба поэта.

*Стихи – это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений, даже самых точных,*

*И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире взрывы тишины
И к горлу подступающие слезы*
(Шаламов, 2013, т. 3, с. 388).

«*Без чистой крови нет стихотворений, нет стихотворений без судьбы, без малой трагедии*», – формулирует Шаламов в эссе «Кое-что о моих стихах» (Шаламов, 2013, т. 5, с. 111). Пока человек не столкнулся с серьезными жизненными перипетиями – он не стал поэтом. По мнению Шаламова, «*в лицейском Пушкине еще нет поэта, и напрасно школьников заставляют учить “Воспоминания в Царском селе”*» (Шаламов, 2013, т. 5, с. 11).

Если подлинная основа поэзии – это опыт, то отсюда закономерно следует еще одно принципиальное утверждение Шаламова: **поэзия – «дело седых»**. Это суждение много раз повторяется и в мемуарном наследии Шаламова, и в его письмах, и в лирике. Одно из стихотворений Шаламова начинается с этой строчки:

*Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.*

*Сто жизней проживших сполна,
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.*

*Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия – вызревший плод
И белое пламя седин*
(Шаламов, 2013, т. 3, с. 389).

Настоящая поэзия – это прежде всего «душевный опыт», плод личностной зрелости. У Шаламова есть небольшая заметка, которая так и называется: «Стихи – это опыт». Шаламов утверждает: *«Совершенно несерьезно говорить – поэзия всегда была делом молодости. Напротив, поэзия всегда была делом седых, делом людей большого душевного опыта. Действительно, есть такое выражение «поэзия молодости». Но для того, чтобы описать, выразить это чувство, необходима душевная зрелость, огромный душевный опыт, личный опыт»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 54).

Заслуживают пристального внимания суждения Шаламова **о ходе творческого процесса, о работе поэта**. В своей мемуарной и эпистолярной прозе Шаламов часто размышляет о том, как рождается стихотворение, как складывается поэтический замысел. *«Поэта, – утверждает Шаламов, – преследует не тема, а ощущение. Душевное состояние <поэта> определяется именно ощущением, знобящим и немым. Оно возникает внутри в каком-то ритме, данном самой природой ощущения <...> Тревожность ощущения нарастает, поэт торопится ощущение свести в слово, когда и мыслей-то ясных по этому поводу у него еще нет, а в мозгу скользят только намеки, обмолвки, догадки – а ощущение совершенно ясное, определенное»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 25-26). *«Поэзия, – резюмирует Шаламов, – это особым образом отфильтрованное ощущение», а создание стихотворения – не что иное, как «работа по отбору ощущений»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 26).

Продуктивным будет сравнение творческого процесса Шаламова и других поэтов – тех, чье художественное сознание было ему близко,

чьим наследником он себя ощущал. Речь идет прежде всего о поэтах Серебряного века. Например, Ахматова, размышляя о творческом процессе, ставила иные акценты, нежели Шаламов. Судя по ряду ее поэтических высказываний, для нее определяющим становилось не столько ощущение, сколько некое звуковое впечатление. В стихотворении «Творчество» из цикла «Тайны ремесла» Ахматова описывает зарождение стихотворения как «слышание». Стихотворение воссоздает многообразный звуковой поток, который поэтом остро воспринимается и переживается: бой часов, раскат стихающего грома, «неузнанных и пленных голосов // Мне чудятся и жалобы, и стоны...». Из этого звукового массива постепенно кристаллизуется главная, важнейшая нота: «Но в этой бездне шепотов и звонов // Встает один, все победивший звук» (Ахматова, 2016, с. 187). Рождение стихотворения – это прежде всего рождение звука. Поэтом является тот, кто способен слышать, – и тот звук, который порождает стихотворение, и тишину вокруг него, слышать даже «как в лесу растет трава», «как по земле идет с котомкой лихо». Именно звуковой аспект творческого процесса Ахматова подчеркивает и в стихотворении «Поэт» из этого же цикла: «Подслушать у музыки что-то / И выдать шутя за свое». И вновь здесь возникает образ поэта, слышащего тишину: «Налево беру и направо / И даже, без чувства вины, / Немного у жизни лукавой / И все – у ночной тишины» (Ахматова, 2016, с. 188). Б. Кац справедливо утверждает: «Не подлежит сомнению, что Ахматова твердо убеждена в звуковой природе поэтического творчества» [Кац, 1929, с. 157].

Именно звуковая основа создания стихотворения зачастую акцентировалась и О. Мандельштамом. Уже стихотворение, открывающее сборник «Камень», можно истолковать как художественный анализ самого процесса творчества: «Звук осторожный и глухой / Плода, сорвавшегося с дерева, / Среди немолчного напева / Глубокой тишины лесной...» (Мандельштам, 2016, с. 7). Поэт прежде всего слышит мир – и даже тишина представляется ему «немолчным напевом». Звук «плода, сорвавшегося с дерева», можно воспринять как символический образ рождения стихотворения – и здесь вновь на первом плане оказывается именно слуховое впечатление. При том, что слово мыслится Мандельштамом в контексте архитектурных параллелей и зачастую уподобляется камню («Утро акмеизма» и др.), в самом процессе создания стихотворения звуковой компонент играет принципиально значимую роль. Сказанное подтверждается и теоретическими размышлениями самого поэта. В очерке «Слово и культура» читаем: «Стихотворение живо

внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это осязает слух поэта» (Мандельштам, 2016, с. 495).

Иные основы творчества акцентировал Андрей Белый. Так, вспоминая в книге «Начало века» о создании «Симфоний», Белый говорит: «...много писалось о моей “мистике”; но ее генезис для меня – верховая езда; ведь сцены симфоний писал я на лошади <...> Мускулы как бы увядали зимой; бега – не было; была – трусца; верховая езда заменялась корпением в лаборатории; и увядали все образы. Я привык писать на ходу; так пишу и доселе; и в 30 году я, старик, писал “Маски”, роман, добывая себе мускул фразы в работе над снегом, в прогулках по лесу, где лучшие записывались отдельные сцены, то в беге по дворику; и – в непрерывной гимнастике. Форма “Симфоний” сложилась в особых условиях: в беге, в седле, в пульсе, в поле» (Белый, 1990, с. 137). Для Белого, таким образом, важнейшим источником, «двигателем» творческого процесса оказывалась моторика, движение, мускульная работа.

Сравнение тех представлений о творческом процессе, которые высказывают Шаламов (ощущение как первоисток стихотворения), Ахматова и Мандельштам (роль звукового, слухового компонента), А. Белый (мускульная активность как источник художественного мышления), – является продуктивным направлением исследовательской работы, поскольку позволяет заглянуть в «лабораторию» поэта, более детально осмыслить его понимание творчества в целом. И это направление исследования было бы невозможно реализовать без обращения к мемуарному, эпистолярному, литературно-критическому наследию того или иного автора.

В письмах и воспоминаниях Шаламова большой интерес представляют те оценки, которые касаются не только поэзии в целом, но и отдельных ее направлений и течений. В частности, особенно значимыми оказываются высказывания Шаламова об **акмеизме**. «Я думаю, – отмечает Шаламов в письме к Н.Я. Мандельштам от 29 июня 1965 года, – что судьба акмеизма есть тема особенная, важнейшая для любого исследователя – для прозаика, для мемуариста, для историка и литературоведа» (Шаламов, 2013, т. 6, с. 409). Воздействие акмеистических принципов на поэтику Шаламова – это вопрос, который нуждается в специальном изучении. Преломление в творчестве Шаламова художественных закономерностей акмеизма несомненно. В то же время у Шаламова можно найти и декларативное отрицание этого факта, достаточно вспомнить фразу из его очерка

«Блок и Ахматова»: *«Возвращается сила Блока в мое сердце, которое не могли отравить никакие акмеистические яды»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 202) (хотя это высказывание, безусловно, имеет утрированный, гротесковый характер). Наиболее ярко отношение Шаламова к акмеизму, восприятие им акмеистической эстетики раскрывается именно в мемуарах и письмах. В переписке с Н.Я. Мандельштам Шаламов развивает мысль о том, что акмеизм был не просто направлением в русской поэзии – это была мировоззренческая система, подлинное жизненное учение. Размышляя о трагических судьбах Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, Шаламов утверждает: *«Доктрина, принципы акмеизма были такими верными и сильными, в них было угадано что-то такое важное для поэзии, что они дали силу на жизнь и на смерть, на героическую жизнь и на трагическую смерть»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 409). В очерке о Мандельштаме Шаламов отмечает, что в акмеизме были *«какие-то особые жизненные силы, которые дали стихам – бессмертие, а авторам – твердость в перенесении жизненных испытаний, волю на смерть и на жизнь»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 210).

Шаламов подчеркивал, что акмеизм – не отвлеченная, сугубо теоретически сконструированная система, а земная, жизненная эстетика. *«Акмеизм, – формулировал Шаламов в письме к Н. Мандельштам, – родился, пришел в жизнь в борьбе с символизмом, с загробщиной, с мистикой – за живую жизнь и земной мир <...> стихи Мандельштама, Ахматовой, Гумилева, Нарбута остались живыми стихами в русской поэзии. Люди, которые писали эти стихи, оставались вполне земными в каждом своем движении, в каждом своем чувстве, несмотря на самые грозные, смертные испытания»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 409). В одном из писем к Н. Столяровой (1965 года) Шаламов охарактеризовал акмеизм как *«земную веру»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 377). В то же время, Шаламов не склонен был абсолютизировать акмеистические художественные принципы и не наделял акмеизм универсальным значением. Так, в завершении очерка «Ахматова» Шаламов назвал акмеизм *«узенькой тропой русской поэзии, где не удержались ни Ахматова, ни Мандельштам, ни Гумилев, ни Зенкевич, ни Нарбут»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 198).

Мемуарное и эпистолярное наследие Шаламова несет в себе мощнейший внутренний импульс. Д.С. Московская, анализируя мемуары Н.П. Анциферова, отмечает: *«...читатель находит в них высокий смысл духовного завещания-напутствия грядущим поколениям, где устами множества страстотерпцев произнесено*

нечто очень существенное, что было познано ими в опыте страдания, о подлинном содержании и смысле человеческой жизни» [Московская, 2017, с. 56]. Эти слова могут быть в полной мере отнесены и к наследию Шаламова, которое представляет собой, наряду со свидетельствами современников, нравственный документ эпохи.

У исследователей мемуарной прозы и писем Шаламова с неизбежностью возникают вопросы в связи с некоторыми поздними высказываниями автора, которые, казалось бы, противоречат нравственному пафосу его суждений предшествующего периода. Речь идет, в частности, о черновых записях Шаламова 1970-х годов: *«Я не верю в литературу. Не верю в ее возможность по исправлению человека. Опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами»* (Шаламов, 1989, с. 57). Как объяснить появление подобных идей в контексте приведенных выше высказываний Шаламова о нравственной миссии литературы? Может быть, Шаламов ближе к 70-м годам переменял свои убеждения и отрекся от веры в искусство? Подобное предположение надлежит отсечь как заведомо ошибочное, потому что если бы это было так, то Шаламов отказался бы от творчества, он уничтожил бы свои рассказы и стихотворения как ненужные, незначительные. В действительности же, как известно, Шаламов до последних дней своей жизни продолжал творить, и даже находясь в Доме инвалидов и престарелых, будучи уже тяжело больным, незрячим человеком, диктовал свои стихотворения тем, кто приходил к нему. Следовательно, он до конца жизни верил в творчество, и оно оставалось для Шаламова опорой и оплотом.

Может быть, приведенные записи из черновиков 70-х годов – это некая случайность? Возможно, Шаламов сделал эти записи под влиянием минутного настроения, ощущения разочарованности, которое он испытал в тот или иной момент? И этот вариант истолкования приходится отвергнуть. Ведь с этими высказываниями коррелируют и некоторые фразы Шаламова из письма к И.П. Сиротинской того же периода: *«Крах ее (литературы – Д.К.) гуманистических идей, историческое преступление, приведшее к сталинским лагерям, к печам Освенцима, – доказали, что искусство и литература – нуль»* (Шаламов, 2013, т. 6, с. 490). Если Шаламов повторяет свою мысль о бессилии искусства неоднократно, к тому же высказывает ее в письме к Сиротинской – человеку, которому он по-настоящему

доверял, – это означает, что суждение родилось вовсе не под влиянием минутного негативного расположения духа.

Пытаясь понять, как в сознании Шаламова уживались противоположные (казалось бы) представления об искусстве, исследователь наверняка может прийти к выводу о том, что Шаламов впал в противоречие, что он исповедовал взаимоисключающие взгляды. Но и это предположение оказывается неубедительным. Шаламов был человеком сильным и внутренне достаточно цельным. Если бы он был личностью, раздираемой противоречиями, он просто не смог бы пережить нечеловеческий лагерный опыт, он был бы сломлен, раздавлен. Поэтому заподозрить его в острых мировоззренческих нестыковках сложно.

Объяснение кажущегося «противоречия» можно предложить следующее (в статьях предшествующих лет нам уже приходилось размышлять о том, каким образом столь различные высказывания Шаламова согласуются друг с другом [Кротова, 2016]). Шаламов действительно не доверял некоторым концепциям, сформированным русской литературной традицией (например, возможности достижения общественного блага по Чернышевскому, представлениям о русском национальном характере, выраженным в творчестве Достоевского и др.). Кроме того, Шаламов полагал, судя по его высказываниям, что литература и искусство вряд ли могут непосредственно изменить к лучшему социальную жизнь, Шаламов не склонен был видеть в литературе и искусстве политический инструмент. И. Сиротинская, размышляя о мировоззрении Шаламова, замечает: *«Он верил, что поэт, художник <...> не подручный политиков»* (Шаламов, 2013, т. 5, с. 8). При этом воздействие искусства на личностное, персональное сознание Шаламовым не подвергалось сомнению, и наиболее ярко и очевидно это доказывается его собственной поэзией и прозой.

Мемуаристика и письма Шаламова представляют собой богатейшее поле для исследования, поскольку раскрывают воззрения поэта и писателя на многообразные аспекты искусства и творчества, демонстрируют восприятие Шаламовым целого ряда литературных явлений того времени. Интересны высказывания Шаламова в письмах и мемуарных текстах о творчестве Блока и Цветаевой, Пастернака и Есенина, Маяковского и Северянина, о преломлении модернистской эстетики в своем собственном творчестве. Воспоминания и письма Шаламова – это и ценное историческое свидетельство, они весьма важны для постижения эпохи, для осмысления литературного и культурного процесса его

времени. По утверждению В.В. Есипова, «*чисто эстетический анализ его произведений <...> не может, в конце концов, не соединиться с внимательным анализом исторической реальности, в которой жил и работал писатель*» [Есипов, 2012, с. 339]. Наконец, мемуары и письма – неопенимый материал для проникновения во внутренний мир поэта и писателя, для постижения его личности, специфики его миропонимания.

Литература

- Гофман Е. «Видны царапины рояля...» // Знамя. 2015. № 3.
Есипов В.В. «Вы будете гордостью России...» // Шаламов В.Т. Четвертая Вологда: повесть, рассказы, стихи. Вологда, 2017.
Есипов В.В. Шаламов. М., 2012.
Кац Б. Звук и искусство звука среди мотивов ахматовской поэзии // Анна Ахматова и музыка: исследовательские очерки. Л., 1929.
Кротова Д.В. Назначение искусства: концепция В.Т. Шаламова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1.
Московская Д.С. «Я нашел в жизни то, что искал». Судьба и наследие Н.П. Анциферова // Мир русского слова. 2017. № 2.

Список источников

- Ахматова А. Малое собрание сочинений. СПб., 2016.
Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. М., 1990. Кн. 2
Мандельштам О. Малое собрание сочинений. СПб., 2016.
Шаламов В.Т. «Новая проза». Из черновых записей 70-х годов // Новый мир. 1989. № 12.
Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 7-и тт. М., 2013.

References

- Gofman E. «*Vidny carapiny rojalja...*» [«Piano Scratches are visible...»]. *Znamya* [The Banner]. 2015. No 3.
Esipov V.V. «*Vy budete gordost'yu Rossii...*» [«You will be the Pride of Russia...»]. *Shalamov V.T. Chetvertaya Vologda: povest', rasskazy, stihi* [Shalamov V.T. The Fourth Vologda: Novels, Stories, Lyrics]. Vologda, 2017.
Esipov V.V. *Shalamov* [Shalamov]. Moskva, 2012.
Kac B. *Zvuk i iskusstvo zvuka sredi motivov ahmatovskoj poezii* [The Sound and the Art of Sound among the Motives of Akhmatova's Lyrics]. *Anna Akhmatova i muzyka, issledovatel'skie ocherki* [Anna Akhmatova and Music, Research Sketches]. Leningrad, 1929.
Krotova D.V. *Naznachenie iskusstva: koncepciya V.T. Shalamova* [Destination of Art: V. Shalamov's Concept]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya:*

Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism]. 2016. No 1.

Moskovskaya D.S. «*Ia nashel v zhizni to, chto iskal*». *Sud'ba i nasledie N.P. Anciferova* [«I have found in My Life what I looked for». N.P. Anciferov's Fate and Heritage]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word Journal]. 2017. No 2.

List of sources

Akhmatova A. *Maloe sobranie sochinenij* [Small Collected Works]. Sankt Peterburg, 2016.

Belyj A. *Nachalo veka. Vospominaniya. V 3-h kn. Kn. 2* [The Beginning of the Age. Memoirs. In 3 vols. Vol. 2]. Moskva, 1990.

Mandelstam O. *Maloe sobranie sochinenij* [Small Collected Works]. Sankt-Peterburg, 2016.

Shalamov V.T. «*Novaya proza*». *Iz chernovyh zapisej 70-h godov* [«The New Proze». From the Drafts of the 1970s]. *Novyi mir* [The New World]. 1989. No 12.

Shalamov V.T. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 7 vols. Moskva, 2013.

МОТИВ СИРОТСТВА В ПОВЕСТИ КЮГЕЯ ТЕЛЕСОВА «КАЙДА ОЛ ЈОЛ?» («ГДЕ ТА ДОРОГА?»)¹

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Кюгей Телесов, мотив, автобиография, сиротство, повесть, образ.

Keywords: Altai literature, Kugei Telesov, motif, autobiography, orphanacy, story, image.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-06

Мотив сиротства не стал предметом специального исследования в алтайском литературоведении, несмотря на то, что в алтайском фольклоре и в литературе он является одним из постоянных мотивов. Как и ряд других алтайских писателей, относящихся к поколению «детей войны», К. Телесов регулярно обращается к темам детства и сиротства. Весь творческий путь писателя пронизывает тема одиночества, часто его постоянным героем становится ребенок-сирота.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» и Правительства Республики Алтай в рамках научного проекта № 18-412-040008 а (р)

Личная сиротская судьба К. Телесова, как и весь комплекс психологических проблем, связанных с ней, наложили отпечаток как на его дальнейшую жизнь, так и на ощущение, осмысление и отражение окружающего его пространства. С самого раннего периода своего творчества он постоянно обращается к фактам собственной жизни и осмысливает их на всех уровнях авторского самовыражения: в автобиографических заметках, в публицистике, в художественных произведениях, а в центре мировосприятия писателя всегда присутствует ощущение обездоленности и обиженности на судьбу.

К первому изданию повести *«Кайда ол жол?»* («Где та дорога?» 1968), автор пишет предисловие – *«Автобиографиянын оордына»* («Вместо автобиографии») (Телесов, 1968)¹. Свою автобиографию К. Телесов писал три раза: в 1968, 1993 и в 1997 годах. Каждый раз он начинает повествование с упоминания о роковом стечении обстоятельств, связанных с его рождением, – он родился в 1937 году, во время Большого террора. Если в первом варианте автобиографии от 1968 года это обстоятельство передано через диалог бабушки и дедушки писателя, то в 1993 году он четко прописывает, подчеркивает эту мысль: *«Албатыга көп тубек, ый-сык эжелген 1937 жылда чыккам»* («Я родился в принесшем много горя и слез 1937 году») (Телесов, 2001, с. 179; смысл. пер. наш.).

В автобиографической заметке от 1968 года писатель обозначил те эпизоды из своего детства, которые позже станут тематической основой многих его произведений. К примеру, он вспоминает, как мать привела однажды в дом цыганку, которая разложила карты и «увидела», что вернется ее муж с фронта живым; об эпизоде возвращения солдат в село с войны, когда он, маленький мальчик, стоял около каждого из них в надежде на то, что отец узнает его (сам его не помнил, слишком мал был, когда тот уходил на войну). Эти воспоминания станут основным тематическим предикатом рассказа писателя *«Таныбаган»* («Не узнал», 1980).

Воспоминания писателя о снежных зимах, когда старшая сестра уходила в школу, а мать на работу, легли в основу рассказов из цикла «Наше село». Через всю жизнь писатель пронес боль, связанную с воспоминаниями 1946 года, когда он, восьмилетний, первый раз пошел в школу, а спустя одиннадцать дней, в сентябре, он шагал с похоронной процессией, провожая в последний путь мать. Важно то, что те ощущения, которые он впервые почувствовал в момент

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

погребения матери, сохраняются у него на всю жизнь. В автобиографической заметке от 1968 года читаем: *«Когда стали с шумом сгребать землю на гроб моей матери, вдруг в моем горле встал какой-то ком. И теперь, когда я стал уже отцом троих детей, когда случается со мной что-то трагическое, чувствую все тот же ком»* (Телесов, 1968, с. 5; смысл. пер. наш). Позже, в автобиографической заметке, датированной 1997 годом, опубликованной в сборнике *«Кубал баскан от јанында санаалар» («Мысли у костра, покрытого пеплом»)*, он публикует эту же автобиографию, но переработанную. Здесь нет уже воспоминаний ни о гадании цыганки, ни о зимних днях, когда без обуви приходилось сидеть у окна, любуясь на свой любимый огород, но сохраняется мысль о боли, связанной с уходом матери и о том коме в горле. Теперь же он поправляет себя и пишет: *«Эмди бу 6–7 баланын адазы да болуп калган тужымда, је шыралу-күч неме корүп ийгемде, ол ло болчок неме катап ла кејириме тура берер...» («Теперь когда я стал отцом 6–7 детей, если вдруг мне встречается что-либо мучительное и тяжелое, опять у меня в горле встает все тот же комок...»)* (Телесов, 1998, с. 5; смысл. пер. наш).

В автобиографической заметке 1968 года писатель сформулировал основную цель своего творчества: отразить образы своего времени и своих современников: *«<...> 37 жылда чыкканчам, бу ойлордд чыккан болзом, јүрүмниг шыралу, ыйлу јанын байла, бир де бичибес болорым. Керек дезе фотокарточказын да артырып салбаан, эмди јер-теннис болуп калган энемди, кандый бир јурукчыга чырайын айдып берзем, кеберин јурап берер деп, јаантайын иженип јүрбес эдим. Је энемниг сүрин јурадып албазам да, энеме тўгей: өлгн чабатан, уй саайтан, кунукчылду кожондор кожондоп билетен, балдарын эркеледип окшойтон Алтайдын ичинде көп јакишынак улустын јүрүмин бойымнын бичижим ажыра көргүзерим» («Если бы я родился не в 37 году, а в современное время, может быть я и не писал бы о той стороне жизни, которая полна слез и боли. Не жил бы с надеждой рассказать о своей матери (не оставившей даже своей фотокарточки) какому-нибудь художнику, чтобы он нарисовал ее портрет. Но даже если и не смогу воссоздать образ матери, то смогу изобразить в своих произведениях похожих на нее, косящих траву, доящих коров, умеющих петь грустные песни, ласкающих своих детей, живущих на Алтае женщин»)* (Телесов, 1968, с. 6; пер. наш).

Повесть «Где та дорога?», таким образом, стала рефлексией писателя на трагическое событие в его жизни (смерть матери) и средством художественного осмысления философских проблем жизни, смерти и судьбы. В центре повествования образ ребенка-сироты, рано

лишившегося матери, не знающего и не помнящего отца, который ушел на войну и погиб в жестоких сражениях за Родину.

Композиционно повесть разделена на три части и в каждой доминирует образ одного героя, описано его внутреннее мироощущение. В первой части повести главным героем стал шестилетний мальчик по прозвищу – *Янтык-Курт*¹. Повествование начинается с лирического монолога рассказчика, жителя этого же села, который вспоминает о некоем мальчике, имя которого он уже и не помнил. *«Бистинг журтта сүүнчилү жакшы уулчак өскөн. Ол уулчак кайда барганын, нени эдип жүргенин билбесим. Же кайда ла жүрзе, нени ле этсе, ол алдындагы ла бойы – шулмус, сүүнчилү болор. Ол уулчактын чын адын ундып салдым. Же беш-алты жашка једип келерде, улус ого Јантык-Јурт деп чоло ат адагылаган эди»* («В нашем селе рос веселый хороший мальчик. Что с ним стало, кем он сейчас стал – я не знаю. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, наверняка, он все такой же смысленый и задорный. Я забыл его имя. Но когда ему было пять-шесть лет люди дали ему прозвище Дянтых-Курт») (Телесов, 1968, с. 7; смысл. пер. наш). Рассказчик отмечает, что *«прозвище человеку дается отнюдь не случайно»* (Телесов, 1968, с. 7; пер. наш).

Автор нарочито тщательно прописывает образ ребенка, выделяя своего героя среди других детей. Это наблюдается, прежде всего, во внешности мальчика: *«Алтай балдар кап-кара көстөрлү, кап-кара чачтарлу болотон эди. Же Јантык-Курттын чачтары сап-сары, саамайлары сап-сары, костөри чап-чанкыр болгон. Көстөринде бир де кедер јок, бир де өчөш јок, бир де төгүн јок – ап-ару»* (Телесов, 1968, с. 8) («Алтайские дети обычно черноглазые, черноволосые. У Дянтых-Курта же волосы были желтые, а глаза голубые и чистые: ни озорства в них, ни хитрости, ни лукавства») (Телесов, 1977, с. 4; пер. Я. Мустафина). Всем своим видом, своим мягким и послушным характером он притягивал к себе людей, становясь, таким образом, «всеобщим» ребенком, дитем рода. *«Мындый сөсуккур јакшынак баланы улус бойына теп-тегине ле, јүк көзин де көрүп аларга кычырып алатан эди»* (Телесов, 1968, с. 8). («Нередко люди подзывали его к себе просто так, чтобы полюбоваться его глазами») (Телесов, 1977, с. 8; пер. Я. Мустафина).

¹ *Јантык-Курт* (Дянтых-Курт) с алтайского языка переводится как «бокоплав» – мелкое ракообразное членистоногое животное, обитающее в пресноводных источниках). Если рассматривать лексическое значение имени, то «*јантык*» – в одном из лексических вариантов значения рассматривается как «косой, кособокий, скривившийся набок» [Алтайско-русский словарь, 2018, с. 184], а «*курт*» – это «червяк».

Эту идиллическую картину безоблачного детства прерывает внезапная беда – тяжело заболела, слегла и умерла мать Дантык-Курта. От ребенка скрывают правду и говорят, что его мать уехала гостить к своим родственникам в далекую деревню. С одной стороны, здесь отражены традиционные народные ритуально-похоронные табу: *«По традиционным представлениям алтайцев со смертью заканчивается жизнь только в этом мире, но она продолжается в мире предков. Информанты называют его как “ада-оббөкөниг жери” – “мир предков”, “айлу-күндү ол Алтай” – “луно-солнечный тот Алтай”, “ол жер” – “та земля”»* (Тадышева, 2017, с. 103–104). С другой – и это автором вложено в уста бабушки мальчика – здесь присутствует и понимание того, что это горе может нанести непоправимый вред неокрепшей психике ребенка. Бабушка Динди в своем обращении-монологе к умершей невестке проговаривает свою тревогу и боль: *«Јаш тужсында жүрегин шыркалазанг, бала јажына кенеп калар ине. Онынг учун сени сакызын, энем бар деп сүүнип, көөрөп жүрзин»* (Телесов, 1968, с. 16). *«Хорошо ли это, плохо – пусть рассудит бог. Поранишь маленькому сердцу, искалечишь всю жизнь. Пусть лучше ждет тебя, радуется и надеется, что есть у него мама»* (Телесов, 1977, с. 20; пер. Я. Мустафина)).

Ребенок скучает по матери, и это чувство, испытанное самим автором в детстве, вдруг оживает в ощущениях его героя. Что бы ни делал Дянтык-Курт – все ему напоминает о матери:

«Эмди Јантык-Курттынг көзине не ле көрүнзе, јангыс ла энези сагыжына кирет. Туку кырландагы ажып брааткан койлорын көрөлд: “Койлорын ырагалакта барып бажын јандыркый, балам” – деген, энезинин эрмеги де угулат ошкош. Буулап салган бозузын көрөлд: мойчозынанг энем тудатан эди. Уйдөбөн кирерге эжиктинг тутказын тудуп: мынанг энем тудатан эди. Терге-кирге карарып калган эжик тумчугынынг јанына једеле: эмеш-эмеш энезининг јыды бар ошкош» (*«Что бы не увидел Дянтык-Курт, все ему напоминает о матери. Посмотрев вон на тех овечек, переходящих за холм, он будто слышит слова матери: “Иди поверни овечек, сынок, пока они далеко не ушли”. Смотря на привязанного теленка, думает: его веревку на шее держала мать. Взявшись за ручку коровьего хлева, вдруг понимает: за эту ручку бралась мать. Приблизив нос к почерневшей от жира двери, он будто чувствует запах матери»*) (Телесов, 1968, с. 11; смысл. пер. наш).

«Эмди Јантык-Курт чамказынынг үстүне чалкойто јадып алган, кендирдинг бажын макалу чайнап јадыры. Бу мындыј јакшынак өйдө ло бойынынг чайнаган табыжын угуп ийди. “Энем арба куурганда,

кыдырт-кыдыр этире чарак чайнайтан эдим” («Теперь Дянтък-Курт, лежа на своей рубашке, с удовольствием жует семена конопли. В такой прекрасный момент он, услышав потрескивание зерен на своих зубах, он вдруг вспоминает: “Когда мама жарила ячмень, я так жевал чарак!”» (Телесов, 1968, с. 14; смысл. пер. наш).

Или:

«Жожон адын јырс берип ийерге камчызын өрө көдүрүп ле жүргенче, төжиндеги өрүлү тискин күнге жалтырт эде берди. “Энем бажсын јунала, өрүп алганда, база ла мынайда мызылдап туратан эди. Энемниг јыды да јытанатан”. Јантык-Курт мынайда сананып ла ийеле, эки колдоп тискинди туткалакта ла эдегиндеги кендирбаши јылангаши буттарына черткилеп, таркырай берди. Ол анайда токпок ошкош адынын үстүне уза-ак – уза-ак турды. Кере түжүне иштейле, арып-чылап калган улус атттын үстүне канайып корчойо отуруп алатан эди. Је бот Јантык-Курт бажсын тыртыйтып ийген, эки көзин өрүлү “тискиннег” албай, араай јортуп ийди». («Только он хотел ударить плеткой своего нерадивого “коня”, как вдруг блеснули у того на “зруды” плетенные удила. “Когда мама помоеет голову, так же блестящие ее волосы. И запах ее слышался”. Только он так подумал и не успел взяться двумя руками за удила, как с шумом посыпались из подола рубашки на его босые ноги зерна конопли. Он до-олго – до-олго сидел на своем деревянном коне. Так, немного скорчившись, сидят люди, работавшие целый день и уставшие. Ну вот, наконец, немного скосив голову на бок, не сводя глаз с удил, Дянтък-Курт тронулся в путь» (Телесов, 1968, с. 14; смысл. пер. наш).

Повсюду ему видится мать, все о ней напоминает. Он живет у бабушки Динди, но постоянно возвращается домой, осматривает хозяйство, заботится о сохранности огорода... Тем трагичнее становится отъезд Дантык-Курта, этого всеми любимого мальчика, в детский дом. *«Јантык-Куртты үйдешкен улус баштарын түжүргилеп алган јолдын ичинде тургулап калды. А Јантык-Курттын јангыган күски теректинг јалбырагы ошкош алаканы тардайдын үстинен кызгандап-кызандап калды» (Телесов, 1968, с. 18). («Провожавшие Дянтък-Курта остались стоять на дороге, опустив головы. Мальчонка, улыбаясь, махал им рукой. Ладонь Дянтък-Курта долго трепетала в воздухе, как одинокий красный листок на осеннем тополе» (Телесов, 1977, с. 22; пер. Я. Мустафина).*

Автор-рассказчик постоянно прерывает свое повествование лирическими отступлениями. И на этот раз, обращаясь к своему

¹ Чарак – жареное зерно.

маленькому герою, он говорит: *«Кару, экем, мен билбезим оны. Бу карарып јаткан јол – ол ончобыстын јолы. Та ырыс экелер, та шыра экелер – билбезим, экем. Је сеге сок јангыс күүнзегеним: бир де кедер јок, бир де өчөш јок, бир де төгүн јок, шил ошкош ап-ару көстөрүнг артабызын, экем. Өскөн јеринди јажыл јайдын ичинде јынкылдаган күүктин үнин ундыбай јүр, экем. Бу јолды, јалакај јаашка карарып калган бугулдарды салган улусты база ундыба, экем. Јүрүмде индигип јыгылзан – ыйлаба, озор сеге ачынар. Јакшы болзын, јакшы јүр, кару экем! / Ундыба, ундыба, ундыба!!!»* (Телесов, 1968, с. 18). (*«...Милый, дорогой мой мальчик! Эта черная дорога – наша общая дорога. Счастье или горе она тебе принесет – не знаю. Одно у меня пожелание тебе, мой милый: пусть ничего не замутит твои чистые, как роса, глаза, в которых нет ни хитрости, ни лукавства. Но никогда не забывай, мой милый, звонкого голоса кукушки в середине зеленого лета в родном краю. Помни эту дорогу, где бы ты ни был, помни тех людей, которые собрали от ласкового дождя почерневшие конны сена, не забывай и неба, хотя оно и одно, но родней, чем над твоим домом нет, мой милый. Споткнешься в жизни не плачь, тебе всегда подадут руку участия добрые люди, но если в славе будешь купаться, то не зазнавайся, этим ты оттолкнешь близких тебе людей. До свидания, счастливой тебе дороги, мой милый! Не забывай, не забывай, не забывай!!!»*) (Телесов, 1977, с. 23; пер. Я. Мустафина).

Основной темой повести становится поиск дороги, восходящий к мотиву пути. В ранних повестях для К. Телесова характерно понимание пути как бездорожья. Бездорожье у него символизирует недетерминированный индивидуальный выбор, разрушающий вековые устои. Например, в повести «Следы на камне» Урмат, как и Дянтък-Курт в повести «Где та дорога», уходит по большой черной дороге, что у К. Телесова всегда понимается как движение навстречу к новой жизни. Дорога присутствует здесь в амбивалентном значении: во-первых, это реальная дорога, связывающая конкретные точки линейного пространства, во-вторых, это мифологический путь.

Герой К. Телесова всегда на перепутье, в поиске своего, наиболее верного пути. Эта мысль автора в повести «Где та дорога?» проговорена автором-рассказчиком через обращение к своему герою: *«Милый, дорогой мой мальчик! Эта черная дорога – наша общая дорога. Счастье или горе она тебе принесет – не знаю <...> Помни эту дорогу, где бы ты ни был; помни тех людей, которые провожали тебя, малыша, в дальний путь; не забывай и неба, хотя оно и одно, но родней, чем над твоим домом, нет, мой милый...»* (Телесов, 1977, с. 34). «Не забывай» – вот основная мысль писателя, которая станет

доминантой всего его творчества. Дорога в большую жизнь из своего родного пространства, называющегося малой родиной, ведет к большой жизни, такой незнакомой и разной. Большое пространство для людей малого социума чуждо, но не враждебно – оно непредсказуемо, способно изменить человека в любую сторону. Основным критерий для сохранения живой человеческой души – это память. Утративший связь с родной землей и людьми, по мысли писателя, не может быть полноценным человеком» [Дедина, 2016, с. 187].

Отправившая в детский дом внука Динди, оставшись одна, понимает, что совершила роковую ошибку. Тот факт, что она не решилась оставить своего любимого внука, во-первых, объясняет и пытается оправдать она сама. Она жалуется на свое здоровье и говорит, что не может взять на себя такую ответственность. Во-вторых, объяснение этому поступку Динди, возможно, прописано в уже упомянутом автобиографическом предисловии автора, где он вспоминал, что живя в интернате, он даже радовался, что был сиротой: *«Ол тужунда мен өскүс болгоньма коркушту сүүнип туратан эдим. “Өскүс балдар” деп, биске жангы кийим берер. А яс келгенде, будыска жангы ботинкалар кемјип туратаньс. Ада-эзелү деп турган балдар көм өдүктү кургак јер бедиреп басканда, а бис өкүстөр агып јаткан јаскы суунын үстиле шайтылдада базьп, сүүнчилү барьп јадатан эдис»* («В то время я очень радовался, что был сиротой. Нам, как “детям-сиротам” давали новую одежду. А с приходом весны мы примеряли новые ботинки. В то время, пока дети, у которых были родители, в кожаных самодельных сапогах искали сухое место, чтобы не промочить ноги, мы, сироты, весело шагали прямо по весенним ручейкам») (Телесов, 1968, с. 6; смысл. пер. наш). В послевоенное время материальное обеспечение ребенка, отданного на попечение государства, было хорошим, и, возможно, бабушка Динди пожелала лучшей доли своему внуку. Однако все же отъезд Дантык-Курта в детский дом становится событием трагическим не только для нее, но и для всего села, все чувствуют свою вину перед этим несчастным ребенком.

В традиционном мировоззрении алтайцев отсутствие детей в семье считалось большим несчастьем, и с этим связан ряд обычаев и обрядов, направленных на их выпрашивание. *«В народе бытует убеждение, что когда супруги долгое время не могут иметь детей, то они должны взять на воспитание детей. Раньше брали у многодетных родственников, сейчас из детских домов, следствием этого было рождение у них собственных детей»* [Тадышева, 2011, с. 103]. Кроме

того, в повести Дантык-Курт является единственным ребенком в семье, и у алтайцев к таким детям было особое отношение. *«К единственным в семье детям окружающие относились благоговейно, обычно ни в чем им не отказывали, не ругали, редко подвергали наказаниям»* [Дьяконова, 2001, с. 150]

В этом контексте отказ от воспитания внука и отправка его в детский дом становится событием, идущим вразрез с традиционными представлениями народа. Автор не осуждает Динди за данный поступок, поскольку здесь, безусловно, необходимо учитывать исторический контекст, когда в послевоенное время было очень много сирот, воспитывающихся в детских домах. Интересно, что, когда Динди отдавала внука в детский дом, сын ее был жив и воевал на фронте.

Для Динди одиночество становится нестерпимым испытанием, она безуспешно пытается восполнить эту пустоту. Если днем еще как-то можно «убить время», то с приходом ночи ощущение тоски усиливается, и до рассвета она не смыкает глаз, ожидая утра, чтобы отправится в гости к кому-нибудь из односельчан. Потерю вкуса к жизни писатель описывает через несколько деталей, психологически очень точно передающих состояние Динди. Это нечесаные месяц волосы, переполненная перекишим чегенем¹ фляга. Раньше Динди считалась одной из лучших хозяек, у которых емкость с чегенем всегда была идеально ухожена, а напиток всегда был вовремя обработан. Никто не умел с большим умением принимать и угощать своей арачкой² гостей. *«А ведь было время, когда она одной спичкой могла разжечь любые дрова, могла оседлать любую лошадь. А чеген она готовила лучшие и быстрее всех на селе. Арака в ее доме была самая крепкая и приятная. Легкая на руку, быстрая на ногу – такая была бабушка»* (Телесов, 1977, с. 24–25; пер. Я. Мустафина).

Событием в ее безрадостной жизни становится письмо, пришедшее умершей невестке от ее сына с фронта. Здесь она проявляет себя как психолог: мать тонко чувствует состояние сына-солдата, воюющего на фронте. Она в очередной раз идет на компромисс со своей совестью, на обман, и пишет сыну от имени его умершей жены и сына, отправленного в детский дом. Не может она сообщить ему о страшной беде, случившейся в его доме, о том, что нет у него больше семьи. Она просит написать письмо Амыра, местного учетчика (мало было в селе грамотных), якобы жена Чылбака, Кара,

¹ Чеген – кисломолочный напиток.

² Арака – молочная водка.

научилась грамоте (ведь природная скромность не давала возможности продиктовать чужому человеку всего, о чем хотелось сказать) и написала сама своему мужу о том, как она его любит, как скучает и как ждет. В конце письма Динди рисует ладошку соседской девочки – Далбырак, якобы это ручка Дянтък-Курта. С этим обманом и погибает сын, внезапно настигнутый пулей снайпера, с письмом в руке и со счастливым чувством мира и покоя в своем доме.

После получения похоронки на сына Динди будто прозревает, она понимает, что осталась совсем одна – осиротела. Последняя надежда на то, что вернется сын и восполнит ту ненавистную пустоту в ее жалком существовании, исчезла и она решается на последний отчаянный шаг – вернуть внука. Писатель точно и тонко рисует ее психологическое состояние, близкое к отчаянию, и возможно, возвращение внука стало бы для нее спасением. Как она уговаривала ямщиков, совала им меховой тулуп и просила их, завернув в него, привезти Дянтък-Курта. И мы видим ее ожидание, такое мучительно долгое, длившееся три дня. Наконец, она, на четвертый день сварила картошки, сделала быштак¹ и долго стояла у дороги, встречая обоз ямщиков. В переводе Я. Мустафина это звучит так: *«Прошло уже три дня, а мужики все не возвращались. На четвертый день бабушка Динди приготовила творог, нажарила картошку и пошла на дорогу. Уже в сумерках закрипели телеги, послышалось фырканье усталых лошадей. Промерзшая, но счастливая бабушка Динди встала на обочине дороги, попустила первую, вторую, третью, и только пятая таратайка остановилась и рябой мужик молча бросил бабушке под ноги шубу»* (Телесов, 1977, с. 33, пер. Я. Мустафина). Внука увезли не то в Ойрот-Туру, не то в Барнаул (для бабушки, никогда не покидавшей своего села, это недосыгаемое пространство, непостижимая даль). Чуда не произошло и дальше жить сил у нее больше нет. Её глубокое одиночество писатель подчеркивает только одной фразой: *«Јолдын кырында артып калган некейи эмес болзо, бир де неде ле киж и кѳрбѳй, бууда турар эди»* («Если бы не шуба, оставшаяся у дороги, и неделю бы провисел человек на веревке») (Телесов, 1968, с. 26, смысл., пер. наш).

В третьей части повести, которая отсутствует на русском языке в переводном варианте, центральным становится образ маленького мальчика Койонока². Он тоже сирота, но в отличие от Дянтък-Курта, бабушка его не отдала в детский дом, и воспитывает после трагической

¹ Быштак – пресный жирный сыр.

² Койонок – букв. «зайчик».

гибели дочери сама. Писатель подчеркивает сходство этого ребенка с Дяntyк-Куртом, оно наблюдается как в судьбе, так и во внешности. Односельчане прозвали Койонока Агрономом из-за того, что он не мог справиться со своей лошадей, которая, не считаясь во всадником, повадилась забредать на колхозное поле лакомиться яровым овсом. Дяntyк-Курт в этой же части повести возвращается в родное село после обучения в институте, приобретя профессию агронома.

Писатель не случайно в третьей части повести вводит лирическое отступление о том, как поменялась жизнь в деревне. Теперь самыми главными, уважаемыми людьми стали учителя и врачи, а агроном – это врач земли. Когда-то беспомощный осиротевший Дяntyк-Курт, сначала потерявший мать, а затем и свой род, нашел свою дорогу в большой жизни и вернулся к себе на родину уже в другом статусе. Он агроном, взрослый и серьезный человек, однако в его душе живет все тот же ребенок, и боль от утраты оставила отпечаток на всей его жизни. А судьба Койонока будет совсем другой, поскольку, по мысли, писателя, он изначально счастливее Дяntyк-Курта. И прежде всего важно то, что ему посчастливилось родиться в другое время и судьба его, пусть и жестокая, оставившая его сиротой, обязательно сложится иначе, чем у нового агронома, Дяntyк-Курта. Койонок – это, как подчеркивает К. Телесов, человек нового времени.

Итак, в повести «Где та дорога?» К. Телесов осмысливает тему судьбы. В его повести, как и в его творчестве в целом, основой стали автобиографические детали, предопределившие концептуальную идею художественного мира писателя. Центральным камертоном его повести, а позже и большинства произведений, стал мотив сиротства, а тональность всему его творчеству придало ощущение обездоленности и обиды на судьбу.

Литература

Грязнова А.Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова. Воронеж, 2014.

Дедина М.С. Основные способы миромоделирования в прозе Кюгея Телесова // Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития. Горно-Алтайск, 2016.

Дьяконова В.П. Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2011.

Тадышева Н.О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев) архаические культы и новации // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18).

Список источников

- Алтайские писатели: Юбилейные материалы и автобиографии. Горно-Алтайск, 2001.
- Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.
- Телесов К.Ч. В этюдах мои знакомые. Горно-Алтайск, 1993.
- Телесов К.Ч. Девушка из голубой долины. М., 1977.
- Телесов К.Ч. Кайда ол жол? (Где та дорога?). Горно-Алтайск, 1968.
- Телесов К.Ч. Кубал баскан от жанында санаалар. Горно-Алтайск, 1997.

References

- Gryaznova A.Yu. «*Iskat' dorogi drug k drugu*»: *sirotstvo i rodstvo v proze Andreya Platonova* [«Search for ways to each other»: Orphanhood and Kinship in the Prose of Andrey Platonov]. Voronezh, 2014.
- Dedina M.S. *Osnovnye sposoby miromodelirovaniya v proze Kyugeya Telesova* [The Main Ways of World Modeling in the Prose of Kyugay Telesov] *Yazyk i kul'tura altaytsev: sovremennye tendentsii razvitiya* [The Language and Culture of the Altaians: Current Trends]. Gorno-Altaysk, 2016.
- D'yakonova V.P. *Altaytsy : Materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya*. [Altaians (Materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk, 2001.
- Tadysheva N.O. *Vliyaniye khristianizatsii na semeynyuyu obryadnost' koremnogo naseleniya Gornogo Altaya* [Influence of Christianization on the Family Rituals of the Indigenous Population of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 2011.
- Tadysheva N.O. *Sovremennyy pokhoronno-pominal'nyy obryad tyurkov Sayano-Altaya (altaytsev, khakasov i tuvintsev) arkhaischeskie kul'ty i novatsii* [Modern Funeral and Memorial Rites of the Sayan-Altai Turks (Altaians, Khakas and Tuvans) archaic cults and innovations] *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2017. № 4 (18).

List of sources

- Altayskie pisateli: Yubileynye materialy i avtobiografii* [Altai writers: Anniversary materials and autobiographies]. Gorno-Altaysk, 2001.
- Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018.
- Telesov K.Ch. *V etyudakh moi znakomye* [In Sketches, My Friends]. Gorno-Altaysk, 1993.
- Telesov K.Ch. *Devushka iz goluboy doliny* [The Girl from the Blue Valley]. Moskva, 1977.
- Telesov K.Ch. *Kayda ol jol? (Gde ta doroga?)* [Where is That Road?]. Gorno-Altaysk, 1968.
- Telesov K.Ch. *Kubal baskan ot janynda sanaalar (Misli w ognia, pokritogo peplum)* [Thoughts by a Fire Covered in Ash]. Gorno-Altaysk, 1997.

ОБРАЗЫ ЛЮДОЕДОВ *ДЕВУПКИ* И *ЧУЛУГДЫ* В ФОЛЬКЛОРЕ ЭВЕНКОВ

Г.И. Варламова

Ключевые слова: эвенкийский язык и фольклор, мифы, мифологические предания, героические сказания.

Keywords: the Evenki language and folklore, myths, mythological legends, heroic folk tales.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-07

В пространство российских названий входят как имена собственные эвенкийских божеств, так и имена нарицательные (апеллятивы) других персонажей фольклора эвенков. К примеру, некоторые из них приведены в специализированном энциклопедическом словаре «Мифология» под редакцией Е.М. Мелетинского: *Агды* – божество по имени Гром, повелевающее молниями и грозами [МБЭС, с. 14]; *Буга* – божество, управляющее силами природы, жизнью тайги, животными и людьми [МБЭС, с. 102]; *Сэвэки* – творец земли, человека и всего, что существует на ней [МБЭС, с. 333]; *Маин* – богиня, владеющая и управляющая судьбами людей [МБЭС, с. 520-521]; *Харги* – брат и антипод творца Сэвэки [МБЭС, с. 585]. В него же включены и другие наименования отдельных фольклорных персонажей эвенков – *манги*, *кори* (*корэндо*) [МБЭС, с. 338, 295].

В указанном словаре как энциклопедическом источнике дана лишь общая краткая характеристика эвенкийских объектов, приведено пять имен собственных эвенкийских божеств и два наименования с нарицательным значением. Вместе с тем типические персонажи эвенкийского фольклора многочисленны, их роль и значимость для культуры эвенков (статус именуемых, их конкретные функции, перечень сюжетов и мотивов, связанных с этими образами) важны, знакомство с характеристикой отдельных персонажей фольклора эвенков должно быть интересно для специалистов гуманитарных дисциплин, и особенно для фольклористов. Небольшим коллективом исследователей фольклора эвенков Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) ведется работа по составлению словаря-указателя «Мифологические персонажи эвенкийского фольклора». Это первый опыт систематизации мифологических персонажей в многоуровневом фольклоре эвенков. Систематика мифологических персонажей основана на привлечении как

лингвистических, так и фольклористических знаний. Таким образом, впервые осуществляется классификация мифологических персонажей эвенкийского фольклора в виде словаря-указателя.

Источниками служат опубликованные издания эвенкийского фольклора: сборники «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» [МЭТФ], «Исторический фольклор эвенков» [ИФЭ], «Фольклор эвенков Якутии» [ФЭЯ], издания отдельных жанров: «Эвенкийские героические сказания» [ЭГС], «Обрядовая поэзия и песни эвенков» [ОППЭ], «Типы героических сказаний эвенков» [ТГСЭ], «Сказания восточных эвенков» [СВЭ] и др. Составители также привлекают неопубликованные архивные материалы из различных источников и собственные записи фольклорных текстов из полевых материалов. Таким образом, в научный оборот вводятся новые мифологические тексты, демонстрирующие типы мифических персонажей эвенков.

В данной статье речь идет о мифологическом образе людоеда, который представляет собой некое человекоподобное существо. Этот фольклорный типаж (образ) в устном наследии эвенков представлен двумя видами. Первый именуется *девупки* (его локально-территориальные варианты – *девултэ*, *депнэде*) и является многоголовым великаном, обладающим огромной силой и особыми магическими способностями. Второй тип мифических людоедов именуется в эвенкийском фольклоре *чулугды* (локальное наименование – *чулуру*). Человек одерживает над ними победу благодаря своему уму, смекалке и хитрости.

Образы людоедов *девупки* и *чулугды* имеют следующие общие характеристики:

- человекоподобные существа;
- они, как и люди, имеют семьи;
- имеют некоторое оружие и отдельные орудия труда;
- ведут жизнь, подобную человеческой (охотятся, имеют жилища);
- уступают человеку в умственном развитии.

Два упомянутых фольклорных типажа имеют следующие различия:

- *девупки* являются многоголовыми великанами, имеющими уязвимое физическое тело, как у человека;
- *чулугды* имеют железное тело, они одноруки, одноноги и одноглазы, имеют лишь одно уязвимое место – глаз, который может лопнуть только в огне, и только тогда *чулугды* погибают;
- *чулугды* могут утонуть в воде (из-за своего железного тела).

Первый тип мифического людоеда именуется словами, образованными от глагола *депми* (*деври*) – есть, съесть что-либо [Мыреева 2004, с. 194]. Значение «людоед» приобретается при образовании нового слова с помощью нескольких суффиксов: *-нки*, *-тэ*, *-де*. Указанные суффиксы в эвенкийском языке придают образованным с их помощью словам значения постоянства и повторяемости действия, а также необычности и экстраординарности действия – любитель есть что-то необычное, то есть не принятое употреблять в пищу людьми; любитель есть запретное для людей. Семантика слова *девулки* и его локально-территориальных вариантов *девултэ*, *депнэде* подразумевает, что этот фольклорный персонаж имеет обыкновение поедать людей, то есть любитель человечины. Термин *девулки* употребителен в говорах тунгирских, подкаменно-тунгусских, ербогаченских и сахалинских эвенков [Мыреева 2004, с. 194]. Наименование *девултэ* – буквально: пожиратель (людей) – характерно для токминских эвенков Якутии [Мыреева 2004, с. 194]. Существительное *девултэ* в мифологических и других повествованиях эвенков часто выступает в роли имени собственного: *Тариңуас егин дьлличи Девултэ, вакса, хурурун. Перевод: 'Его девятиглавый Девультэ убив, скрылся'*.

Приведем традиционные сюжеты повествований о *девулки* / *девултэ* / *депнэде*) и рассмотрим их характеристику как типажа людоеда в эвенкийском фольклоре.

Традиционный сюжет: Эвенк встречает *девулки*, просит великана показать ему его нож-пальму *кото* (колюще-режущее оружие на длинном древке), затем хитростью завладевает оружием *девулки*, чтоб тот не смог убить его. Герой предлагает присмотреть за детьми великана-людоеда, когда тот должен отлучиться по делам. В отсутствие *девулки* убивает детей людоеда, варит в котле их тела, головы же укладывает на постель, прикрыв одеялом, будто те спят, а сам прячется. Вернувшийся домой *девулки* видит детей спящими, ест из котла мясо, хваля своих детей, что те сами приготовили ему человечину (то есть убили и сварили эвенка). Тут наш человек отрубает отобранным оружием головы людоеда (*девулки* могут иметь до 10 голов).

Изложенный сюжет традиционен. Например, находим его в сборнике «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» [МЭТФ, с. 72–73]. Подобный сюжет может дополняться эпизодами игры в прятки с людоедом (кто кого найдет, тот того и съест), загадывания загадок (кто не отгадает загадку, тот и будет съеден). Так, эпизод игры в прятки героя *Муривуля* с *девулки* имеется в указанном сборнике под № 46 – Муривуль [МЭТФ, с. 59–64].

В повествованиях о встрече человека с *девушки* общая канва сюжета сохраняется: встреча героя с великаном-людоедом, применение человеком различных хитростей для того, чтобы завладеть оружием великана; убийство детей великана, кормление людоеда его собственными детьми вместо себя и победа человека. Характеристика образа *девушки* остается общей для мифологических повествований эвенков. Это многоголовый человекоподобный великан, одна лишь пятка которого, к примеру, величиной с большой эвенкийский круглый меховой коврик *кумалан*. Великан имеет семью (в текстах о *девушки* фигурируют дети, жена людоеда), оружие (например, нож – *пурта*). По умственному развитию уступает человеку, так как легко поддается на хитрые уловки (обман) эвенка. Человек справляется с людоедом благодаря своему уму, смекалке и хитрости.

Мифические образы многоголовых великанов-людоедов характерны и для сказаний эвенков. Таким нам представлен персонаж *Девултэ*, богатырь Нижнего мира из сказания *Путоной-эдекун и Мэнгултэ-эден* 'Богатыри Путоной и Мэнгултэ из рода Эдянов' [ФЭЯ, с. 20–23; 35–38]. Сюжетная линия персонажа Девултэ в этом сказании: убил в бою юного богатыря *Мэнгултэ-Эдена* и скрылся. *Путоной-Эдекун*, старший брат *Мэнгултэ*, воскресил его с помощью своего коня и пошел на поиски врага – людоеда *Девултэ*. Встретившись, богатыри вступают в бой. *Путоной-Эдекун погибает*. Когда *Девултэ* ест тело *Путоной*, приходит воскресший *Мэнгултэ* и сшибает обыкновенной сосновой шишкой все его девять голов. Так *Девултэ* погибает.

Девултэ как эпический персонаж имеет полное, распространенное эпическое имя – *Егин дьличи Девултэ*, что дословно переводится как 'Имеющий девять голов (Девятиглавый) Девултэ'. Как и все эпические персонажи эвенкийских сказаний, он имеет личный запов в своих монологах-речах: *Герол, герол, герол! Сэбилбэв чукчачинни. Налал солдивар кухилделлэн!* [ФЭЯ, с. 22]. Перевод: 'Герол, герол, герол! Мое боевое оружие ты разломал. Теперь же давай будем биться врукопашную!' [ФЭЯ, с. 37].

Общая характеристика Девултэ-людоеда по тексту: Девултэ не молод (как могут быть и люди), так как эвенк-богатырь говорит ему: *Кэ, нонокол, сагды бэе комойдёнос, кейивми* [ФЭЯ, с. 22]. Перевод: 'Ладно, начинай, ведь ты старый человек, обидишься, если окажешься побежденным' [ФЭЯ, с. 38]. Девултэ физически очень силен: *Умун ануанива кухилчэл. Арай егин дьличи Девултэ Путонойво бутоктолчо* [ФЭЯ, с. 22]. Перевод: 'Целый год бились они. Девятиглавый Девултэ начал одолевать Путоной' [ФЭЯ, с. 37]. Девултэ обладает магической способностью самовосстановления: *Путоной колтовки, Девултэ*

дулиндуливи ехиргэридин. Тариңкунин билэ билэдуви нян намаралдыквил [ФЭЯ, с. 22]. Перевод: 'Ударил Путоной кулаком наотмашь так, что Девултэ раскололся пополам. Но снова склеились обе его половинки' [ФЭЯ, с. 37]. Девултэ имеет девять голов: *Тадук богототти умнокочон егин дылбан тонурогор бориктэчэ* [ФЭЯ, с. 22]. Перевод: 'Тут наш богатырь швырнул кедровую шишку так сильно, что разом сшиб все его девять голов' [ФЭЯ, с. 38].

Иногда традиционный сюжет мифологических повествований о борьбе эвенка с людоедом-великаном включается как эпизод в героические сказания эвенков. К примеру, в сказание о Чарчикане, фрагмент которого опубликован нами в приложении к монографии «Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора» [Варламова, 2002, с. 212-217].

Образы людоедов в эпических сказаниях эвенков (где они также являются мифическими многоголовыми великанами) представляют собой врагов, пришедших на среднюю землю с главной целью – уничтожить (съесть) все людское племя. В отличие от образов великанов-людоедов в различных мифологических повествованиях, здесь образ людоеда формируется по законам эпического жанра: он является представителем враждебного, чаще всего иноэтнического племени и несет в себе угрозу для всего эвенкийского этноса (не только для отдельного героя). Таким образом, мифический типаж великана-людоеда получает свое дальнейшее развитие в эпических произведениях эвенков.

Второй тип чудовищ-людоедов обозначен в эвенкийском фольклоре наименованием *чулугды* (реже *чулуоро*). Как фольклорные персонажи они встречаются в различных мифологических повествованиях, характерны и для мифологических преданий эвенков. Общий тип *чулугды* представляет собой мифического людоеда как одноногого, однорукого и одноглазого человекоподобного существа. Слова *чулугды* и *чулуоро* по «Сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков» имеют следующие значения:

- злой дух;
- злое одноное (часто однорукое и одноглазое) человекоподобное существо;
- племя врагов-людоедов;
- племя западных эвенков-металлургов.

В этом же словаре к словам *чулугды* и *чулуоро* приведено в сравнительно-сопоставительном плане древнетюркское *çolaq*, означающее «однорукый, безрукый, калека» [ССТМЯ 1975, с. 413].

По эвенкийским фольклорным сюжетам женщины *чулугды* хотят выйти замуж за эвенка, чтоб потом съесть его (и наоборот: *чулугды*-мужчина хочет с той же целью жениться на эвенкийке). Типичный облик *чулугды* характеризуется неуязвимым железным телом. Наименование-термин *чулугды* часто становится именем собственным персонажа людоеда. К примеру, в одном из повествований указывается: «<...> если глаз Чулугды не сгорит, не лопнет, тогда не может Чулугды умереть. Все его тело железное, один глаз как у человека» [МЭТФ, с. 65–66].

Повествования о *чулугды*-людоедах имеют два типа традиционных сюжетов о том, как эвенки избавляются от *чулугды*-женщины и *чулугды*-мужчины. Приведем их.

Сюжет 1: В отсутствие мужа в жилище эвенка приходит женщина *чулугды*, съедает жену, переодевается в ее одежду, ребенка же оставляет в живых. Начинает якобы заниматься хозяйством, но ничего не умеет делать по-человечески. Мужчина, вернувшись с охоты, делает вид, что не замечает подмены, утром уходит на охоту, приказав *чулугды* кочевать за ним следом. Эвенк приходит к родственникам, и они обсуждают, как расправиться с *чулугды*. Собравшись кочевать, женщина *чулугды* кое-как запрягает и навьючивает оленей, ребенка усаживает на оленя задом наперед и с горем пополам приводит караван в условленное место. Эвенки же к ее приезду разжигают большой костер, роняют в костер железный крюк *оллон* (для подвешивания котла на костре), и мужчины намеренно начинают между собой спорить о том, чья жена проворнее и быстрее достанет *оллон* из огня. *Чулугды* рада выслужиться перед человеком-мужем, быстро скачет к костру на одной ноге, начинает доставать *оллон*. Тут ее и сталкивают в костер. Глаз *чулугды* лопается в огне, и она умирает.

Сюжет 2: *Чулугды*-мужчина находит тропу эвенкийской семьи и приходит к ним. Эвенки прорубают во льду полынью, скрывают ее снегом, а сами убегают. *Чулугды* идет за ними следом и тонет в реке. Таким же образом эвенки избавляются и от жены *чулугды*, пришедшей к эвенкам вслед за своим мужем.

Сюжеты о людоедах *чулугды* могут дополняться эпизодами о том, как мужчина-эвенк узнает о подмене жены (либо эвенкийка догадывается о подмене мужа): железные когти на ногах *чулугды* продырявливают кожу унтов, высовываясь из них; *чулугды* не знает названий предметов домашнего обихода эвенков; не умеет упаковывать вьюки, вьючить оленя и правильно садиться на него. Кроме того, *чулугды* не ведают о главнейшей традиции эвенков иметь в своем стаде табуированного оленя, не знают о правилах обращения с ними, что обнаруживается при подготовке к кочевью. *Чулугды* обуздывают

священного оленя не той уздой (у табуированного не только особая ритуальная узда, но и свое специальное снаряжение, которое перед каждой кочевкой следует окуривать дымом багульника), грузят на оленя не его седло и не те вьюки. Они, по незнанию, садятся на него, что считается у эвенков самым большим грехом и нарушением запрета *одё*.

Персонажи *чулугды* как определенные фольклорные типажи (образы) не являются героями эпических произведений эвенков, их характерные черты (к примеру, однорукость или одноглазость) могут быть лишь отдельными характеристиками эпических врагов эвенков.

Таким образом, типаж мифических *чулугды* не вышел за рамки жанровых характеристик мифологических повествований эвенков, но нашел отражение в их общем культурном наследии. К примеру, существовала традиционная игра-соревнование в прыжках на одной ноге среди взрослых и детей, которая называлась «*чулугдыми*» (буквально: скакать на одной ноге).

Фольклорист А.Н. Варламов, опираясь на труды Н.В. Кюнера и Г.М. Василевич, возникновение образов мифических *чулугды* (и их названия) связывает с реальными историческими личностями: западно-тюркским каганом Чуло и военачальником восточной части тюркского каганата Чулохоу, нападавших на тунгусов в VI–VII веках [Варламов, с. 82–86].

Образ мифических *чулугды* имеется и в фольклоре близкородственного эвенкам этноса – эвенов, они называют их *чолэрэ / чулэрэ / чолорон*. В приложении к монографии В.Д. Лебедева «Язык эвенов Якутии» [Лебедев, 1978, с. 112-121] находим фольклорный текст сказания «Нелтэк». В сюжет сказания вплетен как эпизод миф о появлении солнца и луны на небе, о смене дня и ночи на земле, где одним из персонажей является одноногая *Чолэрэнг*. Сюжет мифа: В мифологически неопределенное время (когда еще мир полностью не был сотворен) живут одинокие сестры, одну зовут *Мэнгун*, вторую – *Хятак*. К ним приходит девушка с легким и изгибающимся станом, вся плавно покачивающаяся, имя ее *Чолэрэнг*, в переводе В.Д. Лебедева – Одноногая. *Чолэрэнг* образовано от эвенского *чолэрэ (чулэрэ)* – злое одноглазое, однорукое и одноногое существо в образе человека [ССТМЯ, 1977, с. 413]. Она вызывает сестер на игру-поединок в мяч, называемую эвенами *байкун*. *Байкун* – старинная игра, когда мяч (сшитый из выделанной кожи парнокопытного и набитый шерстью дикого оленя) или небольшую деревянную чурочку гоняют и подкидывают палкой [ССТМЯ, 1975, с. 66]. Сестры побеждают *Чолэрэнг*. Но шарик-мяч *Мэнгун* теряется в небесном пространстве, она уходит на небо за своим серебряным

шариком и становится Солнцем. *Хятак* остается на земле, а ее забытый на небе шарик становится Луной.

В мифе *Чолэрэнг* противопоставляется людям-сестрам тем, что имеет не вполне человеческий вид и ассоциируется с темнотой и ночью. Имя собственное *Мэнгун* ассоциируется с солнцем и светом, так как эвенское *мэун* имеет значения «золото», «серебро» [ССТМЯ, 1975, с. 570]. Имя собственное *Хятак* ассоциируется с землей, так как в переводе означает *Тальничок*. Таким образом, игра в мяч с мифической людоедкой *Чолэрэнг* преобразует мир – мифологический мотив, объясняющий смену сезонов – зимы и лета, появление на небе Солнца и Луны.

Образы великанов как группы мифических антропоморфных существ присущи фольклору большинства народов. Людоеды *девулки* (*девултэ, депнэде*) и *чулугды* в мифологических повествованиях эвенков имеют сходство с подобными образами у других народов. Категории мифических героев эвенкийского фольклора обычно отражены через персонажей, имеющих в большинстве случаев имена нарицательные (реже имена собственные, образованные от нарицательных, – *Сэвэки, Харги* и др.). Мифотворчество эвенков – важная составляющая истории и культуры как этноса, так и всего человечества.

Литература

- Варламов А.Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. Новосибирск, 2009.
- Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск, 2002.
- Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978.
- Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004.

Источники

- ИФЭ – Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1966.
- МБЭС – Мифология. Большой энциклопедический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1998.
- МЭТФ – Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1936.
- ОППЭ – Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост.: Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. Новосибирск, 2014.
- СВЭ – Сказания восточных эвенков / Сост. Г.И. Варламова, А.Н. Варламов. Якутск, 2004.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. Л., 1975.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 2. Л., 1977.

ТГСЭ – Типы героических сказаний эвенков / сост. Г.И. Варламова, А.Н.Мыреева. Новосибирск, 2008.

ФЭЯ – Фольклор эвенков Якутии / Сост. А.В. Романова, А.Н. Мыреева. Л., 1971.

ЭГС – Эвенкийские героические сказания / Сост. А.Н. Мыреева. Новосибирск, 1990.

References

Varlamov A.N. *Istoricheskie obrazy v evenkiiskom folklore* [Historical Images in the Evenki's Folklore]. Novosibirsk, 2009.

Varlamova G.I. *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkiiskogo folklor*a [Epic and Ceremonial Genres of the Evenki's Folklore]. Novosibirsk, 2002.

Lebedev V.D. *Yazyk evenov Yakutii* [Language of the Evens of Yakutia]. Leningrad, 1978.

Myreeva A.N. *Evenkijsko-russkij slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2004.

List of sources

ИФЭ – *Historical folklore of the Evenks. Legends and tales* [Historical Folklore of the Evenki. Tales and Legends / Comp. by Vasilevich G.M.] Leningrad, 1966.

МБЭС – *Mifologiya. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Mythology: encyclopedia, edited by Meletiskiy E.M.]. Moskva, 1998.

МЭТФ – *Materialy po evenkiyskomu (tungusskomu) folkloru* [Materials on the Evenki (Tungus) Folklore / Comp. by Vasilevich G.M.]. Leningrad, 1936.

ОППЭ – *Obryadovaya poeziya i pesni evenkov* [Ritual poetry and songs of the Evenki. / Comp. by G.I. Varlamova, I. Sheikin]. Novosibirsk, 2014.

СВЭ – *Skazaniya vostochnykh evenkov* [Tales of the Eastern Evenki / Comp. by G.I. Varlamova, A.N. Varlamov]. Yakutsk, 2004.

ССТМЯ – *Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov* [Comparative Dictionary Tungus Languages / Editor V I. Tsintsius]. Vol. 1. Leningrad, 1975.

ССТМЯ – *Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov* [Comparative Dictionary Tungus Languages / Editor V I. Tsintsius]. Vol. 2. L., 1977.

ТГСЭ – *Tipy heroicheskikh skazaniy evenkov* [Types of the Heroic Tales of the Evenki / comp. by G.I. Varlamova, A.N. Myreeva]. Novosibirsk, 2008.

ФЭЯ – *Folklor evenkov Yakutii* [The Folklore of the Evens of Yakutia / Comp. by A.V. Romanova, A.N. Myreeva]. Leningrad, 1971.

ЭГС – *Evenkiyskiye heroicheskije skazaniya* [Evenki's Heroic Legends / Comp. by A.N. Myreeva]. Novosibirsk, 1990.

МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЯТЫЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИРЫ ЯКШИБАЕВОЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИИ И ФОЛЬКЛОРА

Г.М. Набиуллина

Ключевые слова: Аулия, память народа, фольклорные жанры, караматы, народный целитель.

Keywords: Avliya, people's remembrance, folklore genres, Karamats, folk healer.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-08

Введение. Степень изученности проблемы

К началу XXI века Ли́ра Якшибаева (род. 1947) состоялась как прозаик. В течение последних 15 лет она работала очень плодотворно, опубликованные ею книги «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир Хазрет» (2008, 2011), «Габдулла Саиди» (2011), «Заветы святых», «Зайнулла Ишан. На пути к Истине. От Истины в Вечность» (2016), «Святые нашего народа» (2014), «Святой из рода Табын», также спектакль Сибайского драматического театра им. А. Мубарякова «Провидец», поставленный по мотивам повести «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир Хазрет» принесли ей известность и признание, в первую очередь как автору произведений, посвященных мусульманским святым – «авлия».

Прежде уточним смысл слова «аулияф», «авлия», «святой», то есть «вали». *«Вали (от араб. «валийа») – стоять рядом, быть близким; мн.ч. «авлия») – подвижник, которого Аллах за особые заслуги перед исламом наделил своим покровительством и чудотворной силой. Вали сродни христианскому святому»*¹.

В народе считалось, что *«святость – это обладание тайными знаниями, которые не даются обычному человеку, и данная оценка сегодня также не утратила свою значимость»* [Шарипова, 2008, с. 184]. Добавим, что в башкирском фольклоре, особенно в эпосах, легендах и преданиях, образ «авлии» *«увекочен» как «в письменных памятниках литературы у многих мусульманских народов»* [Шарафутдинова, 2007, с. 22]. Об этом свидетельствуют серия статей Ф.Ф. Гайсиной в газете «Йэшлек» (2012), книга «Башкортостан – страна святых» (2012), подготовленная коллективом авторов. Труды

¹ Гогихеридзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д, 2009.

Р.Х. Насырова, И.Р. Насырова, С. Ярмуллина и статьи Г.Б. Хусаинова, Г.С. Кунафина, Л. Ямаевой, К. Аралбаева, С. Ильясова, А.Г. Утябая были значительными в плане раскрытия сведений о религиозном деятеле, ишане Зайнулле Расулеве, о его святости, *«которые были известны до этого из записей В. Бартольда, Р. Фахретдинова»*¹.

«Не только сами аулия, но и земли, на которые наступала их нога, источники, из которых они пили, их могилы также считаются святыми и бережно хранятся» [Шарипова, 2008, с. 184]. Известные учёные фольклористы, историки и этнографы Г.Р. Хусаинова, Ф.Ф. Гайсина, А.Б. Юнусова, З.Г. Аминев, М.Н. Фархшатов, З.И. Минибаева, Ю.А. Абсалямова отметили, что в топонимических названиях Башкортостана часто встречаются имена святых. В самом деле, в районах республики имеется множество гор, источников и могил аулия. Весной не зарастает тропа к святому источнику на горе Уау диуана (Вахит) около деревни Аушево Учалинского района, где расположена могила Рамазан аулия. *«О совершении мусульманскими богомольцами и больными паломничества к этой могиле и проводимых ими здесь ритуалах оставил свои записи известный дореволюционный краевед Р. Игнатъев»* [Аминев, 2008, с. 10].

В последние тридцать лет рост числа паломников, посещающих могилу Мужавира хазрета, доказывает пробуждение внимания населения к его личности. Нам известно, что биографией Мужавира хазрата *«интересовались краеведы»* [Сулейманов, 2017]. Статьи Ю.А. Абсалямовой «Мусульманские паломничества», З.И. Хабибовой «О целительстве и караматах святого Мужауира», Ф.М. Сулейманова «Биография и родословная известного табиба и мусульманского деятеля Мужавира Сиражетдинова», Г.И. Давлетбаева «Религиозная и просветительская деятельность Абдуллы Саиди», книги Гариф-хаджи Габдрахманова «Шейх Габдуллах ишан Муллакайский» (2012), «Жизнь и деятельность шейха Габдуллы Саиди аль-Булгари аль-Бурзяни аль-Сакмари Муллакайского-Нурмухаметова» (2018) и статья «Неутомимый деятель и просветитель» свидетельствуют о значительных исследованиях данной проблемы в области исторической науки. Кроме того, некоторые аспекты прозы Л. Якшибаевой были изучены в диссертационной работе Л.Р. Шарафутдиновой «Традиции суфизма в башкирской литературе» (2007), книге Г.М. Буляковой «Әзибәнең әйтер һүзе» («Слово писательницы», 2009), статье Р.З. Шакурова «Рухиәтебез мирасы»

¹ См. об этом подробнее: Набиуллина Г.М. Биография Зайнуллы-ишана Расулева в романе Муслима Абсалямова «Хальфа» // Исламоведение. 2015. № 3.

(«Наследие духовности», 2011) и рецензии А. Кульмухаметовой «Сказание о Мужавире-хазрате. По следам великого целителя» (2007).

Стало быть, в контексте заметного роста интереса к религии исследование прозы современной писательницы Л. Якшибаевой востребовано современной литературоведческой наукой. Исходя из этого, нами поставлена цель: проанализировать место и роль святых – Мужавира хазрата и Габдуллы Саиди – в повестях прозаика через призму фольклора и религии, уловить лейтмотив и глубинный смысл творческого послания писательницы в аспекте традиций суфизма.

Основная часть. Образ Авлии в прозе Л. Якшибаевой

Книга «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» и художественно-документальная повесть «Габдулла Саиди» Лиры-Ахмет Якшибаевой являются значительными произведениями в её творчестве. С точки зрения художественной общности и построения сюжета их можно объединить в единый цикл. Первая из них «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» по композиционно-сюжетному построению соответствует повести, хотя жанр произведения автором не обозначен. Жанр второй книги, посвящённой учёному, просветителю, религиозному деятелю, народному целителю и ясновидцу шейху, имам-хатибу мечети Муллакай Габдулле Саиди хажи, Лиры Якшибаева указала как литературно-документальная повесть. В предисловии своей первой книги прозаик знакомит читателя с предысторией своих произведений, разъясняя, что несколько лет тому назад у неё было видение, и оно предшествовало их появлению.

«В поляне во время утреннего намаза на зелёной траве в белом одеянии, в белой чалме сидели в кругу 12 солидных мужчин. Автор хотя в жизни их никогда не видела, почему-то всех сразу узнала. В середине сидел великий шейх Зайнулла Расулев, справа от него Мансур хазрет Халиков, рядом с ним Хатип хазрет, Сабир хазрет, мулла Абзелил, слева от Зайнуллы ишана его верный друг Гатаулла ишан, затем Байым ишан, Габдулла Саиди аулия из Муллакай, Халил мулла, Мужавир хазрет – аулия из Манхира, Буранбай сэсэн, Шамигул хальфа. Они попросили Лиру Ахмет Якшибаеву, чтобы она написала про жизни святых» (Якшибаева, 2011, с. 3)¹.

Вещий сон писательницы определил направление её дальнейшего творчества, она серьёзно увлеклась религиозной темой. Проникновение в мир религии потребовало от прозаика углубленного многопланового исследования. Вот что она пишет об этом:

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

«Участвовала во всех мероприятиях и научно-практических конференциях, посвященных Зайнулла Ишану Расулеву, изучала тарикат суфизма, навеждала могилы святых в Самарканде, Бухаре, Дагестане» [Якшибаева, 2015].

В итоге она сама совершила хадж – паломничество в Мекку. Интерес к исламу сказался в ряде её произведений, написанных в начале новой эпохи, где центральными героями были мусульманские святые, связанные в первую очередь с суфизмом. В своих выступлениях и записях Лира Якшибаева и раньше часто обращалась к религиозной теме, поэтому влияние идеи суфизма на её творчество закономерно. *«Мусульмане утверждают, что суфизм возник при жизни Мухаммада и что все суфийские религиозные ордена возводят свое происхождение именно к нему»* [Джон А. Субхан, 2005, с. 11].

Нельзя сказать, что на фоне достижений современной башкирской прозы повести Л. Якшибаевой воспринимаются как что-то оригинальное по композиции, по выбору изобразительных средств. И всё же умение соединить народные легенды и предания с жизнью реальных личностей, совмещая романтический дух с религиозным откровением, исторически достоверная жизненная биография святых в современной интерпретации делает выбранную тему уникальной, привлекает внимание читателя. Именно образ «авлия» принципиален для творчества прозаика, соответствует её духовным запросам и поискам нового героя. Исходя из этого Л. Якшибаеву можно причислить к новаторам современной башкирской прозы. Она возродила утраченные традиции агиографической литературы, занимавшие *«огромное место в истории древней и средневековой культуры Востока»* [Хусаинов, 1996, с. 71], которые, начиная с XIII века, *«на протяжении семи-восьми веков <...> то затухая, то снова входя в силу, продолжали свою жизнь в литературе Урало-Поволжья»* [Хусаинов, 1996, с. 73-74].

Образы святых, созданные Л. Якшибаевой, приближены к своим прототипам. Почерпнутые из реальной жизни моменты позволяют писательнице рассказать о непостижимых тайнах святых и сакральности, о масштабе и силе религиозных учений. Из многочисленных событий, произошедших в жизни персонажей, содержащих в себе религиозную, историческую, художественную правду, вырастает характер героев повести, которые неразрывно связаны со своим народом и прослеживаются в динамике, то есть в их действиях и поступках. Именно религиозная аксиология, на наш взгляд, помогла во всей глубине раскрыть талант писателя и выявить

её видение ислама как особой структуры мышления в решении фундаментальных проблем бытия.

Надо подчеркнуть, что Лира Якшибаева сумела раскрыть сверхъестественные возможности героев, оперируя почти всеми жанрами фольклора. На первый взгляд сюжет произведений, построенный на основе легенд, бытующих среди башкирского народа, повествующих о жизни святых, покажется знакомым. Это сюжет о сироте или же полусироте, который присутствует в том или ином виде в мифологической легенде «Девушка на Луне» (Зухра), сказке «Падчерица Гульбика» (Гульбика), имеет место также и в трилогии «У Большого Ика» народной писательницы З. Бишевой (Емеш), и в повести «Долгое-долгое детство» (Фарида) народного поэта М. Карима.

Это и мифы о всевозможных джиннах, предупредивших Мужавира об обвале шахты, о гневе духа-хозяина (эйэ) золота, отнимающего человеческий разум; и сказ о Хызыр Ильясе, странствующем в одежде нищего, подвергая людей испытаниям; и мунажаты или баиты о Сюмбели – умершей жене Мужавира; и топонимические легенды – о камне пророка около деревни Кадырша, могиле святого шейха на горе Ауштау; и предания о Брагине, восстании 1755 года, названии деревни Шурале, судьбе пророка Аюпа, силе Иблиса. Кроме того, автором тонко используется народная медицина, она описывает обряд заклинания змея, осоклау (лечение) и отливание кот (лечение испуга), выполненное тетей Габдуллы Шамсикамар.

Вместе с фольклорными жанрами, обрядами в повестях художественное освоение имён исторических личностей, оставивших добрые дела в истории народа, таких как Мифтахитдин Акмулла, Заки Валиди, Зайнулла ишан Расулев, Закир и Шакир Рамиевы, Хажиахмет Унасов, Риза Фахретдинов, Гали Сокорой, Шамситдин Заки, Фатих Карим, Шариф Камал способствует расширению духовных возможностей героев, пониманию философско-мистической основы суфизма.

Лира Якшибаева дает начало глубокому образу святого, совмещающего в себе религиозное учение, дар исцеления и просветителя, на фоне великолепного башкирского пейзажа. Она углубленно размышляет о роли религиозных деятелей-авлии в жизни башкирского народа и человеческом мире. Писатель пытается понять и раскрыть духовный мир святых, для неё важнее всего возможность

осмыслить, прочувствовать истоки святости героев и трактовать способы их воплощения.

В повестях есть эпизоды, подробно описывающие, как к героям приходит «внутреннее духовное видение». К примеру, Габдулла Саиди *«прочитал “Аятел Курси”, затем дунул вперед, назад, вверх, вниз, направо, налево и последний, седьмой вдох проглотил внутрь. Затем прочитал свой любимый “Кунут”. После этого его сердце полностью открылось, он с раскрытой душой совершил зикр и вошел состояние ясновидения»* (Якшибаева, 2011, с. 51).

Другой пример – Мужавир хазрет читает 11 раз «Аль-Хамду» (Вся хвала Богу), Аят аль-Курси (255-й аят суры «Корова»), Куль ху Аллаху (сура «Искренность»), 59-й аят суры «Скот», 14-й аят суры «Власть», в двух ракаатах молитвы он обращается «Аль-Хамду», «Неверные» («Ал-Кафирун»), «Предопределение» («Ал-Кадр»), «Искренность» («Ал-Ихлас»), и заканчивает свой намаз сурами «Послеполуденное время» («Ал-Аср»), «Хулитель» («Ал-Хумаза»), «Сотрясение» («Аз-Залзалья»). В конце своего ритуала сжигает, смешав, иван-чай, можжевельник¹, чабрец, и распространяет их запахи в доме. Здесь отпугивание нечисти, на наш взгляд, связано с древним верованием народа.

Писательница стремится к созданию портрета своего героя не только внутренне, но и внешне схожего с исторической личностью: он высокий, наделен физической мощью. Внимание сконцентрировано на глазах Мужавира, пронизывающий взгляд и необычайно светящиеся глаза показывают его внутреннюю силу. Как человек предельной искренности и сильной волевой энергии, он следовал по пути, предначертанном ему Зайнуллой Расулевым для духовного совершенства ещё в детстве. Слова ишана – *«Когда вырастешь, ты, сын мой, будешь обладать могущественной силой. Но применяй её только ради добра и справедливости. Не рвись к материальным благам. Будь ближе к Богу. Вместе с силой на тебя налагается и большая ответственность за судьбы людские»* (Якшибаева, 2011, с. 22) – определили его судьбу.

Путь восхождения своих героев Мужавира и Габдуллы к святости автор представила в виде четырёх ступеней развития суфизма: шариата (соблюдения норм ислама) – тариката (пути) – магрифата (знания) и хакиката (истины). Достигнув конечной цели хакиката, герои обрели *«состояние богочеловека, святого человека («авлия»), через которого*

¹ Можжевельник – священное дерево. Его используют для отпугивания джиннов и шайтанов, в лечебных целях и из-за запаха (Башкирское народное творчество, 1995, с. 489).

«просвечивает» Бог, словами которого говорит Господь» [Рахматуллин, 2013, с. 72].

В произведениях подвластные Богу природные силы и сверхъестественные возможности человека сливаются в единое целое, регулируемое таинственными знаниями суфизма. *«Суфийство – это святость и не отсталость, и не реакционное явление, а наоборот духовная сила, которая охраняла башкирскую землю»* [Шакур, 2011]. В повестях Лиры Якшибаевой раскрыто, что именно суфизм дал толчок развитию сверхспособностей человека, заложенных уже с рождения, *«духовный и интеллектуальный вакуум заполняется “чистым” осознанием Бога, которое исключает каких-либо посторонних мыслей и ощущений»* [Кныш, 2004, с. 360]. И Мужавир хазрет, и Габдулла Саиди, и Зайнулла Ишан – все они были последователями суфийского тариката Накшбандия суннитского толка, с малых лет получили образование в медресе. Герои Лиры Якшибаевой *«верят, что они принимают участие в высших формах эволюции человечества»* [Идрис Шах, 1994, с. 39]. Как суфийские старцы, Габдулла Саиди мог *«ходить по воде»* [Идрис Шах, 1994, с. 40]. В образе Мужаира хазрата и Габдуллы Саиди *«вплочены черты суфийских миссионеров, сыгравших огромную роль в исламизации многих народов, в том числе и башкир, с другой стороны в нем можно увидеть продолжение традицией культа святых»* [Шарафутдинова, 2007, с. 24].

Мужавир хазрат вступает в сокровенный диалог со Всевышним в том числе и через такие элементы природы, как травы, леса, поля, родники, реки, в этом раскрывается его трепетное отношение и привязанность к родной земле. *«Границы представляются не непреодолимыми барьерами на пути культурного диалога, но местом его осуществления. Культуры, будучи отвлеченными от границ, утрачивают почву»* [Шайтанов, 2018, с. 26].

Действительно, истоками гуманности, доброты и человеколюбия в характере святого выступают, в первую очередь, его родная земля, народная мудрость и религиозное учение.

Глубокое символическое значение приобретает художественная деталь – радуга, обрамляющая жизненный путь Мужавира авлии. Будучи девятилетним мальчиком, он, когда пас отару у подножья горы Иманай, вызвал дождь, и *«радуга, протянувшаяся свысока, другим концом нисходила прямо на голову Мужавира»* (Якшибаева, 2011, с. 17). И в конце жизни он видит радугу на горе Иманай. С малых лет до конца своей жизни, как у Габдуллы Саиди, у него было очень много караматов (сверхъестественных деяний), которые обобщены в отдельных главах повести. Это, например, предупреждение обвала шахты в золотом

прииске Закира Рамиева, предвидение Империалистической войны, Октябрьской революции, голода, своего ареста. Когда арестантов гнали из Зилаирской тюрьмы в Уфимскую, Мужавир с помощью своих возможностей заставил конвоиров посадить его на сани. В Уфимской тюрьме с помощью молитв он вылечил дочку судьи, у которой отказали ноги, в деревне вернул дар речи девочке, испугавшейся змеи и зрение ослепшей юной пианистке из Москвы. По дороге домой предвидел судьбу мальчика, что он неожиданно станет сиротой; подсказал чабану Миннигулу место пропавшей отары овец, спас трёхлетних мальчиков-близнецов, оставшихся на улице из-за непристойного поведения пьяного отца. Пророчески предвидев свою судьбу, готовился к своей смерти, завещая своим односельчанам, не трогать гору Кынгырташ, предупреждая о залежах радиоактивных элементов. Тенденция к аналитическому осознанию жизни святых обозначает не показ быта религиозных деятелей, а попытку определить их роль в жизни народа в атмосфере напряженности.

Русская революция отложила трагической вехой в сознании религиозных деятелей, человек, вступив в новый век, утратил связь с корнями. Хазрат, достигший духовной кульминации, с глубокой душевной болью реагировал на лишение народа веры в бога, его самого объявили «врагом народа» и арестовали. Утешало одно, что духовный наставник Мужавира Габдулла Саиди не видел этих дней.

В повестях появляется религиозный характер-тип, исторически правдиво выразивший в себе аксиологические черты ученого богослова, беззаветно служившего предписаниям Священного Корана и защитившего их в противостоянии антигуманным силам. Описанные прозаиком события из жизни башкирских святых приобрели в серии её произведений масштабный характер, они открывают читателям художественное миропонимание автора. Как было отмечено нами, созданию образов святых предшествовал сон писательницы. Затем Лира Якшибаева обратилась к памяти земляков Мужавира хазрета и Габдуллы ишана. В повести «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрат» четко вырисовывается образ башкирского народа. Кто сталкивался с ним, чьи жизненные пути пересеклись с маленьким Мужавиром – все протягивают ему руки помощи. И знаменитый ишан Зайнулла Расулев, и Фахретдин хазрат с абыстаем, и Габдулла Саиди, и Закир Рамиев, и шейх Шамсетдин. Особенно оберегала своего внука бабушка Мужавира, и всех предупреждала, особенно после смерти его матери: *«Не смейте трогать моего меченого сыночка ни руками, ни словами. Мой сын – будущий хальфа <...> Разве не видите, как лучисто его лицо, одухотворенные глаза? Он подобен пророку Юсуфу»* (Якшибаева, 2011,

с. 15). Слова его бабушки подтвердил знаменитый ишан Троицкого медресе «Расулия» Зайнулла Расулев, назвав Мужавира «*будущий авлия XX века*» (Якшибаева, 2011, с. 26).

Вынесенная на первый план глубокая религиозность героев способствует более содержательной и полной передаче роли авлия в жизни народа, вместе с сохранением этнической принадлежности это придаёт повестям Л. Якшибаевой оригинальность. Впоследствии религиозное учение выступает в творчестве Л. Якшибаевой лейтмотивом, определяющим дальнейшее духовное совершенство человечества как прогресс. Это один из аспектов её художественных поисков, которые находятся на границе литературы и теологии. Повести Лилы Ахметовны, роднящие её образы святых с народным творчеством, обусловлены поиском гармоничных взаимоотношений людей между собой и природой, которая является, как и человек, Божьим творением. Во время жизненных тревог, в поисках ответов герои по три-семь дней совершают зикр, обращаясь к Всевышнему. В состоянии внутреннего духовного видения Мужавир и его мударис Габдулла Саиди, используя свой дар, с особым усердием помогают людям, независимо от их вероисповедания, призывая жить по законам божьим, которым следуют они сами. Случаются моменты, когда, по словам Ахнафа Харисова, «*гражданский долг берёт перевес над религиозно-суфийским отношением к миру и социальным явлениям*» [Харисов, 2007, с. 282-283], но это никак не умаляет телесное и духовное начало в образе святых.

Заключение

Таким образом, замысел повестей «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» и «Габдулла Саиди» Л. Якшибаевой совпадает с его исполнением, в них писатель стремится передать в точности биографические и историко-культурные данные, хотя характер повествования и манера изложения очень близки фольклору.

Фактической основой аргументации своих героев автор выбрала истории, сохранённые в памяти земляков святых, подчинённые определенной логике. Окружающие люди с детства замечали помеченность героев, они были особыми: маленький Мужавир рос без матери, в 9 лет мог повлиять на природные явления и прославился как будущий авлия, Габдулла осиротел в 9 лет и также проявился как необычный ребенок, в течении 23-х дней во сне видел «*Дуа для счастья*», которые сопутствовали ему на протяжении всей жизни. Во взрослой жизни свой дар и знание они использовали только во благо окружающих их людей.

Караматы Мужавира хазрета и Габдуллы Саиди художественно выверены и обоснованы, поскольку они шаг за шагом закрепляются

сурами Священного Корана, которые передаются отдельными мотивами, показывая осведомленность автора в религиозном учении. Создавая образы святых, описывая их жизни, писатель подчёркивает и социальное начало – у Мужавира хазрета и Габдуллы Саиди были свои медресе, они обучали детей, занимались врачеванием, были не только духовной опорой, но и настоящими руководителями. Посредством образов святых писательница проповедует необходимость познания секретов религиозных учений, выражает идею о том, что синтез интеллекта и гуманизма во взаимодействии приближает человечество к Всевышнему, отказ от них приводит в итоге к духовному кризису. Это, как нам кажется, является ключевым моментом творческой мысли писателя и составляет основу её творчества. Повести Лиры Якшибаевой сочетают конкретное и условное; эту особенность в книге «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрат» также выделял Ф.М. Сулейманов [Сулейманов, 2017].

Ценностные ориентиры автора очевидны: религиозное образование, чистые помыслы, духовная жизнь на лоне природы. Нельзя сказать, что повести безупречны, можно выделить спорные, недостаточно продуманные ситуации, когда в жизни религиозных деятелей вторгаются мифологические персонажи. В конце повести поступок Мужавира хазрета напоминает о знаменитом Урал батыре из эпоса «Урал-батыр». В главах повестей появляются повторяющиеся события. К примеру, глава повести «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» присутствует и в повести «Габдулла Саиди».

В целом, повести насыщены реминисценциями, именами исторических личностей, фольклорными сюжетами, неразрывно связаны с народными преданиями и легендами. Возвращение к знакомым мотивам башкирского фольклора, древнетюркской литературы и обогащение изобразительными средствами превращают их в настоящее художественное произведение, где автор стремится познать глубинные законы бытия. В своих повестях Л. Якшибаева воплотила память народа, обогатив их знанием суфизма, особенно тариката ветви Накшбандия, что во многом обусловило значительность произведений, их непреходящую ценность.

Литература

Аминев З.Г. О поклонении башкирами-мусульманами могилам святых (әүлиә). Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель – философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Уфа, 2008.

Джон А. Субхан. Суфизм. Его святые и святыни. Спб., 2005.

Идрис Шах. Суфизм. Москва, 1994.

- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история / пер. с англ. М.Г. Романов. Спб., 2004.
- Рахматуллин Р.Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1.
- Сулейманов Ф.М. Биография и родословная известного табиба и мусульманского деятеля Мужавира Сиражетдинова // Проблемы Востоковедения. 2017. № 1.
- Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX века). Уфа, 2007.
- Хусаинов Г.Б. Башкирская литература XI–XVIII веков. Уфа, 1996.
- Шайтанов И.О. «Мировая литература» как проблема и вызов // Вопросы литературы. 2018. № 6.
- Шакур Р.З. Рухиэтэбез мирасы (Наследие духовности) // Башкортостан. 2011. № 130.
- Шарафутдинова Л.Р. Традиции суфизма в башкирской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
- Шарипова З.Я. Башкорт эзэби фекере (Башкирская литературная мысль). Уфа, 2008.
- Якшибаева Л.А. Ырысыларга калыр ошо йырым, комарткыга калыр Корьәнем (Песня моя останется певцам, реликвией будет мой Коран) // Башкортостан. 2015.

Список источников

- Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Уфа, 1995
- Гогиберидзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д., 2009.
- Якшибаева Л.А. Сказание о целителе Мужавире. Мужавир Хазрет. Уфа, 2011.
- Якшибаева Л.А. Габдулла Саиди. Уфа, 2011.

References

- Aminev Z.G. *O poklonenii bashkirami-musul'manami mogilam svyatyh (əyliä)* [On the Worship of Muslim Bashkirs to the Graves of Saints (auliya)]. *Zajnulla Rasulev – vydayushchijysya bashkirskij myslitel' – filosof, teolog i pedagog-prosvetitel' musul'manskogo mira* [Zainulla Rasulev – an outstanding Bashkir thinker – philosopher, theologian and teacher-educator of the Muslim world]. Ufa, 2008.
- Jhon A. Subhan. *Sufizm. Ego svyatyje i svyatyjni* [Sufism. Its Saints and Shrines]. Sankt-Peterburg, 2005.
- Idris Shah. *Sufizm* [Sufism]. Moskva, 1994.
- Knysh A.D. *Musul'manskiy mistitsizm. Kratkaya istoriya* [Muslim Mysticism. A Brief History]. *Per. s angl. M.G. Romanov* [Tr. from English by M.G. Romanov]. Sankt-Peterburg, 2004.
- Rahmatullin R.Yu. *Sufijskaya antropologiya* [Sufi Anthropology]. *Islamovedenie* [Islamic studies]. 2013. No. 1.
- Sulejmanov F.M. *Biografiya i rodoslovnaya izvestnogo tabiba i musul'manskogo deyatelya Muzhavira Sirazhetdinova* [On the Biography and Genealogy of the Famous Bashkir Healer and Muslim Figure Muzhahir Sirazhetdinov]. *Problemy Vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2017. No. 1.
- Harisov A.I. *Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda (XVIII – XIX vv.)* [Literary Heritage of the Bashkir People (XVIII – XIX centuries)]. Ufa, 2007.
- Husainov. G.B. *Bashkirskeya literatura XI – XVIII vv.* [Bashkir Literature XI – XVIII centuries]. Ufa, 1996.
- Shaytanov I.O. *«Mirovaya literatura» kak problema i vyzov* [«World literature» as a Problem and Challenge]. *Voprosy literatury* [Literature Questions]. 2018. No. 6.
- Shakur R.Z. *Nasledie duhovnosti* [Heritage of spirituality]. Bashkortostan. 2011. No. 130.

Sharafutdinova L.R. *Tradicii sufizma v bashkirskoj literature* [Sufi Traditions in Bashkir Literature]. Cand. of Philol. Diss. Ufa, 2007.

Sharipova Z.Ya. *Bashkirsкая literaturnaya mysl'* [Bashkir Literary Thought]. Ufa, 2008.

Yakshibaeva L.A. *Pesnya moya ostanetsya pevcam, relikviej budet moj Koran* [My Song Will Remain to Singers, My Koran Will Be a Relic]. Bashkortostan. 2015.

List of sources

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Obryadovyy fol'klor [Bashkir Folk Art. Ritual Folklore]. Ufa, 1995.

Gogiberidze G.M. *Islamskij tolkovyj slovar'*. [Islamic Explanatory Dictionary] Rostov na Donu, 2009.

Yakshibaeva L.A. *Skazanie o celitele Muzhavire. Muzhavir Hazret* [The Legend of the Healer Muzhavir. Muzhavir Hazret]. Ufa, 2011.

Yakshibaeva L.A. *Gabdulla Saidi* [Gabdulla Saidi]. Ufa, 2011.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖАНРА ДЕЛОВОГО ПИСЬМА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ, СТРУКТУРНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Ю.В. Трубникова

Ключевые слова: деловая коммуникация, официально-деловой стиль, документ, деловое письмо, эффективность коммуникации, ошибки.

Keywords: business communication, official business style, document, business letter, communication effectiveness, errors.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-09

По мнению многих современных исследователей, русский литературный язык переживает сейчас очередной период серьезных изменений, которые обусловлены экстралингвистическими факторами (см., например, [Костомаров, 2005]). Как отмечает М.А. Кормилицына, «в стране произошли и продолжают происходить большие перемены в общественно-политической, экономической, нравственно-психологической, культурной жизни общества. Меняется коммуникативная парадигма современного общества: носители языка все больше осознают свое важное место в общественно-политической жизни, формируют собственные оценки происходящих событий, ведут

себя в процессе коммуникации в соответствии с собственными целями, мотивами и интересами» [Кормилицына, 2009, с. 186]. Анализ процессов, происходящих в современном языке, ведется прежде всего на материале публицистических и рекламных тестов, что вполне справедливо: эти дискурсы активнее используют языковые новшества, не всегда, правда, экспрессивно нагруженные. Однако языковая ситуация сейчас такова, что изменения затрагивают и самую консервативную часть языка – официально-деловой стиль. Поэтому осмысление языковых проблем современного делового общения, рассмотрение особенностей функционирования делового текста позволит представить динамику развития официально-делового стиля, а следовательно, и литературного языка в целом.

Целью данной работы и является анализ современных деловых текстов в аспекте выявления их соответствия коммуникативной ситуации, трансформации жанровых особенностей и языковой формы. Подобный анализ уже проводился нами для жанра договора (см., например, [Трубникова, 2013]), сейчас же материалом исследования стало деловое письмо. Эти жанры, договора и делового письма, приходится признать наиболее подверженными всякого рода трансформациям именно потому, что авторами их зачастую становятся люди, не обладающие необходимыми профессиональными навыками.

Деловые отношения – самый массовый вид социального общения, сферы коммерческих и административно-правовых, экономико-правовых и дипломатических отношений. Их особенностями являются чёткая регламентированность и направленность на достижение конкретной цели. При этом, как правило, с реализацией таких отношений связаны крупные риски: имущественные, финансовые и другие. От умения строить коммуникацию, располагать к себе собеседника, фиксировать достигнутые позиции зависит конечный результат.

Как показывают лингвистические исследования, деловой тип письменного языка сложился «еще в древнерусский период на народной основе». «Уже в грамотах (договорных, купчих, жалованных) отчетливо прослеживаются стилевые черты деловой речи: стандартизованность формул, которыми начинаются и заканчиваются тексты, точность изложения, создаваемая специфической лексикой» [Дускаева, 2011, с. 104]. С тех пор сформировались и окончательно закрепились в текстах такие стилеобразующие признаки официально-деловой речи, как директивность, краткость, точность, объективность (безличность) изложения и стандартизованность формы и частично содержания.

Деловой стиль используется для коммуникативного обслуживания правовой сферы как системы общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения. Назначение делового стиля – обеспечивать правовую регламентацию общественных отношений; эта задача достигается через регулирование отношений в обществе, действий и поведения людей, функционирования объединений и государственных органов [Дускаева, 2011, с. 66]. Указанный стиль обслуживает коммуникативные ситуации, в которых складываются иерархические отношения между автором и адресатом делового текста. Коммуникативная иерархия накладывается на степень определенности адресата (неопределенный, массовый или конкретное лицо), его социальный статус (симметричность / несимметричность иерархических отношений вне и внутри текста), степень обязательности для адресата исполнения действий, к которым побуждает документ. Всё это и определяет языковые и стилистические особенности делового текста.

Письменное деловое общение – особый тип взаимодействия людей ради социально значимых целей. Поэтому общение складывается не на основе личностных пристрастий и предпочтений, а на основе социальных интересов. Это объясняет отличительную особенность письменного делового общения – его формализованный характер. В основе письменных отношений физических и юридических лиц, не связанных в реальной действительности иерархическими отношениями, лежит обмен информацией, представленной в документированной форме – в виде деловых писем.

Для жанра делового письма текст имеет большое значение прежде всего в коммуникативном аспекте, так как оно должно быть в первую очередь информативным. Составление текста, не соответствующего требованиям языка, стиля и коммуникативной ситуации, может помешать делу, отразиться на престиже организации и «привести к крайне нежелательной реакции со стороны адресата» [Янковая, 2011, с. 70]. Поэтому язык деловой переписки должен использовать речевые средства, которые бы помогли конкретнее, лаконичнее и понятнее выразить мысль, исключить двусмысленность и вариативность документного текста. Смысловая точность деловой речи – одно из главных условий, обеспечивающих практическую, а нередко и правовую ценность делового письма. Неправильно выбранное слово может существенно исказить смысл такого письма, дать возможность двоякого толкования той или иной фразы или может придать тексту нежелательную модальность.

Анализируя такой компонент акта деловой коммуникации, как обстоятельства, можно обнаружить одну из важных особенностей делового письма: выступая в качестве инструмента делового общения, письмо обеспечивает сам ход коммуникативного взаимодействия; посредством писем ведутся переговоры, выясняются отношения между юридическими и физическими лицами, излагаются претензии и т.п. Таким образом, коммуникативные цели делового письма заключаются в установлении и поддержании контакта: передавая необходимую информацию, письмо инициирует начало общения и обеспечивает диалогичность коммуникации.

Одним из общих оснований оценки документа является такой критерий, как его эффективность, под которой понимается «практический результат в сфере обращения документа: в управлении, экономике, правовых отношениях или администрировании» [Кушнерук, 1999, с. 64]. Эффективность делового текста оценивается с учетом экстралингвистических и лингвистических принципов. К экстралингвистическим С.П. Кушнерук относит сферу функционирования документов (основной критерий); уровень полномочий и ответственности; место составления и сферу обращения, технические характеристики документа, темпоральные характеристики (время действия, содержательные особенности, форма документа) [Кушнерук, 1999, с. 65–69]. Собственно лингвистические принципы включают описание композиционных особенностей текста, его лексико-фразеологические и морфолого-синтаксические характеристики. По мнению исследователя, лингвистическая оценка документов (качественная и количественная их интерпретация) должна опираться на лингвистический анализ таких составляющих текста, как точность, полнота, логичность, связность и диалогичность: «Юридически правомочный, определенный в жанровом отношении, соответствующий ситуации и путям ее разрешения грамотный документ – оптимальное условие коммуникативной составляющей любой практической деятельности» [Кушнерук, 1999, с. 69–70].

При анализе текстов деловых писем были выявлены наиболее частотные отклонения от рассмотренных структуры и содержания. Наиболее объёмную группу таких отклонений можно назвать **ошибками структурирования**.

Очевидно, что текст письма должен иметь чёткую, ясную структуру, чтобы удовлетворять одному из основных требований ситуации – скорости обработки информации. Кроме того, ясная структура даёт гарантию прочтения письма адресатом и правильного понимания его сути. Поскольку письмо должно представлять из себя

связный текст, относящийся к конкретному вопросу, текст письма (не включая заголовок) должен иметь следующую структуру: введение (обращение и преамбула), основная часть (основной информационный повод и выводы) и заключение (его роль может играть языковая формула вежливости).

При анализе реальных документов было выявлено, что наиболее частые отклонения от «идеальной» структуры состоят либо в нецелесообразном увеличении объёма одного из структурных компонентов, либо в исключении отдельных компонентов. Это выражается чаще всего в неоправданном увеличении объёма преамбулы за счёт введения избыточной информации, «информационного шума». Стремление придать письму большую «солидность» заставляет его составителя включать в текст сведения, не имеющие прямого отношения к делу, а только отвлекающие и даже раздражающие тех, кому такое письмо адресовано. Пропуск же характерен для такого структурного компонента, как вывод в основной части. Зачастую письмо не содержит никаких предложений или заключений.

В качестве примера, иллюстрирующего описанные недочёты, рассмотрим следующее деловое письмо:

Уважаемый Иван Иванович!

Доводим до Вашего сведения, что ООО «У» является органом по сертификации продукции и услуг в Системе добровольной сертификации на автомобильном транспорте, уполномочено на право проведения экспертной деятельности в соответствии с приказом <...>.

Одновременно сообщаем, что структурные подразделения ООО «У»: ООО «Х» (аттестат аккредитации №...) и Испытательная лаборатория ООО «Z» (аттестат аккредитации №...) аккредитованы на проведение работ по оценке соответствия требованиям безопасности в полном объёме.

Так же сообщаем о том, что в г. Барнаул у нашего предприятия имеется представитель ООО «У-Алтай», который уполномочен осуществлять данные виды работ.

С уважением,

директор

Подпись

Текст письма начинается с личного обращения, что требуется в данной коммуникативной ситуации. Автор письма знает имя и отчество адресата и использует это при установлении контакта. Однако все три следующих абзаца рассматриваемого письма являются по сути преамбулой и обосновывают причину написания письма. При этом используются и речевые конструкции, характерные именно для

преамбулы: «Доводим до Вашего сведения, что...», «...сообщаем, что...». В целом же письмо не содержит конкретных выводов и предложений. Делать предположения о возможностях использования полученной информации предложено самому адресату. С большой долей вероятности можно говорить о том, что автор намеревался предложить читателю сотрудничество или услуги. Обоснования того, что выгодно пользоваться услугами именно этой организации, рассредоточены по тексту и заключаются, по всей видимости, в том, что предприятие и его структурные подразделения имеют государственную аккредитацию на проведение соответствующих работ. Сообщая о наличии своего представителя в Барнауле, автор, очевидно, намекает на то, что читателю стоит воспользоваться предлагаемыми услугами через этого представителя, однако напрямую такого предложения не делает, что заставляет считать сомнительной саму необходимость написания данного письма.

Вторую группу ошибок составляют стилистические ошибки, например, использование профессионализмов и специальной лексики, что не всегда понятно адресату (*в связи с невозможностью проведения обваловки периметра бакового хозяйства*). К таким ошибкам примыкает избыточность текста на синтаксическом уровне (*В области кадрового обеспечения сельскохозяйственного производства будет создана необходимая база для преодоления негативных тенденций в кадровом обеспечении сельскохозяйственного производства, привлечения и закрепления в сельском хозяйстве профессионально подготовленной молодежи, а также для формирования в отрасли стабильного, высококвалифицированного кадрового потенциала, способного к освоению высокоэффективных технологий – данный контекст «насквозь» тавтологичен, в нем наблюдается не только повтор лексических компонентов, но и общее дублирование смысла фрагментов предложения*). Иногда подобные нарушения встречаются одновременно. Так, в контексте *Характеристика повреждений и что сделано аварийно-диспетчерской службой: при вскрытии системы водопровода ковшом экскаватора затронут газопровод, проложенный подземно параллельно водопроводу, с последующим **скомкованием** стенок газопровода, герметичность газопровода не нарушена, аварийно-диспетчерской службой газового участка по отключению **групповой установки СУГ** от потребителя перекрыты отключающие устройства на вводах в подъезды жилых домов* не вполне мотивированно используется специальная лексика (выделено жирным шрифтом), кроме того, содержится избыточная для адресата

информация (не будем забывать, что это деловое письмо, а не докладная записка или другой «отчетный» жанр).

Такие разнородные, на первый взгляд, ошибки объединяет то, что они появляются в тексте как результат процесса официализации / деперсонализации и противоположного ему процесса деофициализации / персонализации. Официализацию О.П. Сологуб определяет как «процесс вхождения естественного языка в деловой язык, формирование на основе естественного языка сущностных свойств делового языка (такими свойствами являются выработанные стереотипы деловой речи, выступающие в качестве ее канонов)» [Сологуб, 2008, с. 32]. Под деофициализацией исследователь предлагает понимать утрату или ослабление официального начала «при дальнейшем употреблении деловых текстов-образцов, их функционировании под воздействием традиций неофициального языка (он связан с обратными процессами – процессами вхождения делового языка в язык обыденный, художественный, научный и т.д.)» [Сологуб, 2008, с. 32]. Приведенные выше примеры характеризуют процессы официализации речи (так, как ее понимают авторы текстов). Деофициализация речи в деловых письмах приводит к появлению разговорных элементов, эмоциональности и т.п., как, например, в следующем контексте: *Документы, переданные инициативной группе, не дают полного представления о хозяйственной деятельности компании по нашему дому. Часть из них вызывают сомнения, др. без подписей и не являются документами. Например, площадь кровли 1290м², это площадь жилого помещения плюс четырех магазинов. Мы, собственники квартир, платим полностью за содержание крыши и инженерных сетей. Где оплата магазинов? Просим ознакомить нас с **Вашими договорами с магазинами.*** Ошибочными в данном случае будут использование слова *плюс*, ситуативное изменение значения слова *где*, введение вопросительной конструкции, повышающее эмоциональность изложения, дающее тот же эффект шрифтовое выделение фрагмента, общее ослабление логичности, характерное обычно для разговорной речи, и неоправданное использование сокращения. С деофициализацией связано и появление в деловых текстах сложных предложений с придаточными определительными (например, в рассмотренном выше письме: <...> в г. Барнаул у нашего предприятия имеется представитель ООО «У-Алтай», **который уполномочен осуществлять данные виды работ**), разговорными по стилевой окраске.

В целом по поводу ошибок второй группы следует заметить, что абсолютизация норм делового письма или, наоборот, отказ от них и нежелание авторов текста учитывать такие важные факторы, обеспечивающие эффективное функционирование деловых текстов, как фактор адресата, целеустановку, область применения, уровень официальности и, соответственно, степень жесткости применяемых к составлению деловых текстов требований и т.п., приводит к затрудненному восприятию текстов адресатом и, следовательно, к общему снижению их эффективности.

Все ошибки первой и второй групп, как представляется, связаны с неумением авторов строить текст, с непониманием ими сущности деловой коммуникации и с их неспособностью самостоятельно порождать ситуативно и стилистически корректный текст.

Третья группа ошибок, причем достаточно многочисленных, – собственно нарушение языковых норм. Нельзя не принять во внимание мнение некоторых современных исследователей о том, что «не всегда при оценке деловых текстов можно руководствоваться только правилами и нормами литературного языка, поскольку лингвостилистические параметры деловой речи во многом отличаются от соответствующих параметров “естественного” языка. Этому во многом способствует “официализация”» [Чернышова, 2016, с. 185]. Тем не менее, полагаем, что нарушение норм литературного языка в деловом тексте недопустимо и должно рассматриваться как проявление непрофессионализма.

В современных деловых текстах ошибки, к сожалению, частотны, не являются исключением и деловые письма. Часто встречаются в них грамматические ошибки, связанные с нарушением норм управления (*согласно закона «О теплоснабжении»; согласно графика работы; производить оплату за тепловую энергию; в случае отказа от оплаты за жилое помещение; поставщик холодной воды на котельную; информация по исполнению п.16 протокола... и т.п.*). Нередко наблюдается нарушение лексической сочетаемости, ведущее к искажению значения слова (*гарантированный поставщик*) или, в случае речевой недостаточности, даже смысла предложения (*вопрос перерасчета за услугу «Отопление»*). Типичными нарушениями являются и пунктуационные ошибки (непостановка необходимого знака препинания или «лишние» запятые). Причиной подобных ошибок является индивидуальное невладение нормами языка.

Проанализируем ещё одно деловое письмо:

ОАО «Алтайские коммунальные системы» является теплосетевой организацией, осуществляющей доставку тепловой энергии, вырабатываемой ОАО «Кузбассэнерго».

На основании федерального закона «О теплоснабжении» ОАО «Алтайские коммунальные системы» обеспечивает поддержание технических устройств тепловых сетей в состоянии, соответствующем установленным техническими регламентами **требованиями**, преобразование тепловой энергии в центральных тепловых пунктах и передачу тепловой энергии с использованием теплоносителя от точки приёма тепловой энергии, теплоносителя до точки передачи тепловой энергии, теплоносителя. Стоимость услуг по передаче Вам тепловой энергии включена в тариф ОАО «Кузбассэнерго» по которому Вы производите **оплату за тепловую энергию**.

Согласно **закона** «О теплоснабжении», Постановления Правительства РФ «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам», ОАО «Алтайские коммунальные системы» вправе знать объемы тепловой энергии, доставленной нашей организацией до потребителей.

На основании изложенного, прошу в срок до 28 февраля 2017 года представить копии счетов-фактур и актов выполненных работ (оказанных услуг) за 2016 год ежемесячно, выставленных Вашей организации ОАО «Кузбассэнерго». Копии документов прошу заверить печатью организации и подписью руководителя организации.

В связи с необходимостью получения запрашиваемых документов в кратчайшие сроки, просьба сообщить в ОАО «Алтайские коммунальные системы» о готовности копий документов по тел. 36-79-32, 65-82-05.

Благодарю за сотрудничество.

С уважением,

Главный управляющий директор

Подпись

В данном тексте можно обнаружить ошибки всех трех выделяемых нами типов.

Ошибки структурирования. Первое, о чём необходимо сказать при оценивании структуры, – это отсутствие личного обращения, хотя автору известно имя читателя (указано в реквизите «адресат», который здесь не приведён). Без сомнения, нужно использовать возможность лично обратиться к собеседнику, тем более что в тексте использована форма Вы-обращения.

Дальнейший текст в целом выдержан структурно верно, хотя заключительные выводы в основной части (*необходимо представить копии, сообщить об их готовности*) разделены на два абзаца и представлены как две отдельные просьбы, несмотря на то что эти два действия прямо связаны друг с другом.

В заключении использованы две формулы вежливости: «*Благодарю Вас за сотрудничество*» и «*С уважением...*». На первый взгляд, формулы информативно различны: первая – выражение благодарности (хотя в данном случае эта благодарность является проспективной), вторая заменяет прощание. Однако в официально-деловом стиле обе эти формулы являются именно сигналом окончания коммуникации, так что одновременное их использование можно считать избыточным.

К *ошибкам официализации* в данном тексте можно отнести, во-первых, довольно подробное описание во введении того, в чём заключается доставка тепловой энергии до потребителей. Для адресата технологические детали передачи тепла не важны и являются избыточной информацией, которая, тем не менее, требует времени и усилий на обработку. Так как обязанности ОАО «Алтайские коммунальные системы» можно сформулировать короткой фразой «доставка тепловой энергии», подробности следовало бы опустить. Кроме того, этот фрагмент еще и тавтологичен (*от точки приёма тепловой энергии, теплоносителя до точки передачи тепловой энергии, теплоносителя*), что объясняется, по-видимому, ложным в данном случае стремлением к точности отражения ситуации. Во-вторых, в тексте превышен допустимый уровень директивности: формулировка *в кратчайшие сроки* допустима только в тех жанрах документов, в которых коммуникативная иерархия совпадает с социальной. Как результат *деофициализации* в тексте возникает разговорное выражение *просьба сообщить*, нарушающее стилистическое единство текста.

Нарушение языковых норм. В письме содержатся примеры одной из самых распространённых грамматических ошибок – неправильного употребления падежной формы существительного. Во втором абзаце читаем: *в состоянии, соответствующем установленным техническими регламентами требованиями*. Вместо формы дательного падежа используется форма творительного падежа существительного *требования*. Скорее всего, это результат невнимательности и форма появляется под влиянием соседнего *регламентами*. А вот остальные ошибки – результат невладения литературной нормой. В том же втором абзаце находим

предложное управление *оплату за тепловую энергию* вместо беспредложного *оплату энергии*. А в третьем абзаце вместо правильного варианта *согласно закону <...>, Постановлению* (дательный падеж) использован родительный (*согласно закона <...>, Постановления...*). Обе ошибки относятся к разряду типичных для деловой речи.

Есть в тексте и ошибки пунктуационные. Так, не поставлена запятая в последнем предложении второго абзаца (*в тариф ОАО «Кузбассэнерго» по которому...*). Сомнительна для читающего и постановка знаков в первом предложении этого же абзаца, так как не помогает устанавливать связи и отношения (в частности, насколько адекватны для контекста отношения соединения: *от точки приёма тепловой энергии, теплоносителя до точки передачи тепловой энергии, теплоносителя*).

Таким образом, анализ деловых писем не только позволяет еще раз на новом материале подтвердить вывод о снижении «численности реальных носителей литературной нормы по сравнению с возрастанием количества пользователей данного языкового феномена» [Нещименко, 2001, с. 114], но и обоснованно говорить о существенных трансформациях современного делового письма по сравнению с нормой: а) коммуникативной (нарушение максим информативности, релевантности, ясности); б) жанровой (изменения композиционной структуры; отклонения от заданных жанром отношений автора и адресата); в) стилистической (проникновение в деловой текст профессиональных и просторечных элементов) и г) языковой (многочисленные нарушения грамматических норм, норм словоупотребления и т.п.). Относительно новые экономические и социальные условия привели к участию в коммерческой и организаторской деятельности самых разных слоев населения. Это обстоятельство заставляет вспомнить, что деловая речь, сопровождающая названные виды деятельности, характеризуется повышенной облигаторностью, что делает необходимым для коммуникантов владение языковыми нормами и нормами делового общения. А значит, лицам, вступающим в социально-правовые отношения, следует повышать свою лингвистическую и коммуникативную компетентность.

Литература

Дускаева Л.Р. Стилистика официально-деловой речи. М., 2011.

Кормилицына М.А. О двух разнонаправленных процессах в дискурсе современной прессы // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация. М.–Ярославль, 2009.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии. М., 2005.

Кушнерук С.П. Документная лингвистика. М., 2010.

Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1.

Сологуб О.П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск, 2008.

Трубникова Ю.В. Региональный узус современной деловой коммуникации: жанр договора // Региональные варианты национального языка. Улан-Удэ, 2013.

Чернышова Т.В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов // Филология и человек. 2016. №2

Янковая В.Ф. Документная лингвистика. М., 2011.

References

Duskaeva L.R. *Stilistika oficial'no-delovoj rechi* [The Style of the Official Business Speech]. Moskva, 2011.

Kormilicyna M. A. *O dvuh raznonapravlennyh processah v diskurse sovremennoj pressy* [About Two Differently Directed Processes in the Discourse of the Modern Press]. *Aktivnye processy v razlichnyh tipah diskursov: politicheskij, medijnyj, reklamnyj diskursy i Internet-kommunikaciya* [Active Processes in Various Types of Discourses: Political, Media, Advertising Discourses and Internet Communication]. Moskva–Yaroslavl', 2009.

Kostomarov V.G. *Nash yazyk v dejstvii* [Our Language is in Action]. Moskva, 2005.

Kushneruk S.P. *Dokumentnaya lingvistika* [Documentary Linguistics]. Moskva, 2010.

Neshchimenko G.P. *Dinamika rechevogo standarta sovremennoj publichnoj verbal'noj kommunikacii: problemy, tendencii razvitiya* [Dynamics of the Speech Standard of Modern Public Verbal Communication: Problems, Development Trends]. *Voprosy yazykoznaviya* [Questions of Linguistics]. 2001. No. 1.

Sologub O.P. *Russkij delovoj tekst v funkcional'no-geneticheskom aspekte* [Russian Business Text in the Functional and Genetic Aspect]. Novosibirsk, 2008.

Trubnikova Yu.V. *Regional'nyj uzus sovremennoj delovoj kommunikacii: zhanr dogovora* [Regional Usus of Modern Business Communication: the Treaty Genre]. *Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Ulan-Ude, 2013.

Chernyshova T.V. *Prikladnye aspekty izucheniya oficial'no-delovoj kommunikacii: principy ocenki delovyh tekstov* [Applied Aspects of the Study of Official Business Communication: Principles for Evaluating Business Texts]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2016. No. 2

Yankovaya V.F. *Dokumentnaya lingvistika* [Documentary Linguistics]. Moskva, 2011.

ОБРАЗ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНА¹

Д.М. Герасимчук, Н.В. Мельник

Ключевые слова: обыденное языковое сознание, внешний имидж региона, внутренний имидж региона, Кемеровская область.

Keywords: everyday language consciousness, external image of a region, internal image of a region, Kemerovo region.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-10

Формирование имиджа – одна из актуальных задач современности, возникшая в результате быстрого развития высоких технологий, увеличения объема потока информации, а, следовательно, необходимости создания как конкурентоспособной личности, так и конкурентоспособной страны. В связи с этим в различных научных направлениях (от экономики до психологии) все чаще появляются работы, целью которых является изучение имиджа регионов России. Сложность объективного восприятия места и роли России и ее отдельных территорий в мире (в том числе и Сибирского федерального округа) исходит из укоренившихся стереотипов, транслируемых СМИ не только на ее территории, но и за рубежом. Для изменения ситуации активно ведется работа в сфере политического позиционирования. Чтобы сделать этот процесс более эффективным, необходимо определить сложившийся имидж страны, выявить его сильные и слабые стороны. Имидж более крупного региона закономерно складывается из образов входящих в него субъектов, соответственно, имидж Кемеровской области активно влияет на имидж как Сибирского федерального округа, так и России в целом, то есть для изучения проблемы имиджирования страны актуальным становится изучение с этой позиции ее регионов.

Следует обратить внимание, что «имидж» в словарных статьях в основном определяется через «образ» [Солганик, 2002, с. 252; Крысин,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Кемеровской области, проект № 18-412-420003 р_а «Кузбасс: Комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».

1998, с. 266], но понятие образа не синонимично ему. Подтверждением тому являются попытки их разграничения, предпринимаемые в лингвистических исследованиях. Е.С. Кубряковой подмечается искусственность и наличие определенной целевой установки, присущей имиджу: «это то, кем или чем хочет выглядеть (казаться) объект в глазах окружающих, это специально и даже нередко искусственно создаваемый образ, необходимый его носителю по тем или иным причинам и отвечающий стереотипным или прототипическим представлениям о том, кем или чем должен являться этот объект на самом деле» [Кубрякова, 2008, с. 10]. С точки зрения Д.Н. Замятина, имидж есть «совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений» [Замятин, 2003, с. 48], соответственно, формирование имиджа территории – процесс актуализации и популяризации её наиболее ярких и привлекательных качеств. Лингвисты изучают имидж в разных аспектах, например Т.А. Морозова [Морозова, 2010] рассматривает различные подходы к типологии имиджа городов, а также имидж как продукт информационной политики.

Целью данного исследования является сравнение ассоциативного восприятия жителями Кемеровской области и других субъектов России словосочетания «Кемеровская область».

Понятие «ассоциативное восприятие территории» требует расшифровки. В словаре С.А. Кузнецова «ассоциация» определяется как связь между отдельными психическими актами (представлениями, мыслями, чувствами), при которой один вызывает другой, другими словами – это взаимосвязь между отдельными событиями, явлениями или предметами, которые отражены в сознании человека и закреплены в его памяти [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 46]. С.А. Гуров и В.А. Корцыгина трактуют восприятие территории как «процесс отражения определенного географического пространства в сознании человека, формирующий образ данного пространства» [Гуров, 2016, с. 5] и предлагают его схематичное изображение:

ОБЪЕКТ → ВОСПРИЯТИЕ → ОБРАБОТКА → ОБРАЗ.

Из этого следует, что «восприятие является первым этапом на пути формирования определенного взгляда, эмоций и представлений относительно территории» [Гуров, 2016, с. 5]. Следовательно, ассоциативное восприятие территории – это процесс, при котором какой-либо элемент географического пространства в определенных условиях вызывает образ другого элемента, связанного с ним, формируя при этом образ данного пространства в целом.

Образ выступает в роли основы формирования имиджа, который, в свою очередь, является инструментом конкурентоспособности региона. Влияние на конструирование имиджа может оказывать политическая власть, СМИ, население как изучаемого региона, так и других населенных пунктов страны. В работе внимание акцентируется именно на влиянии политической власти, так как остро стоит вопрос соответствия имиджа действительности ввиду нередкого несовпадения между представлениями, внедряемыми в сознание людей, и тем, с чем в действительности сталкивается общество.

Наиболее частым объектом исследования выступает медиасфера, однако важным, на наш взгляд, является изучение образа региона в обыденном языковом сознании, трактуемом Н.Д. Голевым как *совокупность в разной степени осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях* [Обыденное..., 2009], исследование образа Кузбасса в данном аспекте было проведено на материале сочинений школьников [Макрушина, 2018]. С этой целью нами был проведен эксперимент¹, в рамках которого жителям Кемеровской области и других регионов страны было предложено пройти анкетирование и ответить на вопросы, составленные на основе методов психолингвистических исследований:

1. Какие ассоциации у Вас возникают при восприятии словосочетания «Кемеровская область»? (метод свободного ассоциативного эксперимента).

2. Продолжите: «Кемеровская область – это...» (метод субъективных дефиниций).

3. Напишите фразу со словосочетанием «Кемеровская область», которая сразу приходит Вам на ум (метод направленного ассоциативного эксперимента).

Участниками анкетирования стали 150 человек в возрасте от 17 до 65 лет с разным уровнем образования: высшее образование, неполное / неоконченное высшее, среднее профессиональное. В соответствии с территорией проживания респондентов анализ материала проводился по двум основным направлениям: внутренний имидж (группа 1 – ответы жителей региона) и внешний имидж (группа 2 – ответы жителей других регионов) Кемеровской области.

Реакции респондентов были разделены на тематические блоки на основе составляющих, влияющих на имидж региона и наиболее полно

¹ Подобный эксперимент с опорным словом «Кузбасс» был проведен О.Н. Кондратьевой и Т.И. Фроловой [Кондратьева, Фролова, 2018].

отражающих сложившееся в сознании жителей страны представление о нем:

1) население (демографические характеристики, этническое и конфессиональное разнообразие);

2) экономика (экономические показатели, такие как уровень зарплаты, коммунальное и транспортное хозяйство);

3) образование, культура, наука (мировоззрение, мораль, индустрия развлечений, архитектурный облик, эстетическое восприятие, историческое прошлое, средства массовой информации и прочее);

4) здравоохранение, спорт;

5) политика, властные структуры (политические лидеры, действия властей, нормативно-правовая база);

6) географические особенности (климат, ландшафт, флора, фауна, наличие полезных ископаемых, соседство с другими регионами, экология);

7) личное отношение: значимые события, родственные и прочие связи, отношение к региону.

Внутренний имидж Кемеровской области

Вопрос 1.

Население (8): шорцы (1), шахтеры (7); **экономика (44):** развивающаяся и погибающая в долгах одновременно (1), коррупция (1), нищета (3), безработица (1), работа (1), хорошие дороги (3), плохие дороги (2), промышленность (2), разрез (7), металл (1), индустрия (3), шахты/шахта (19); **образование, культура, наука (1):** творчество (1); **здравоохранение, спорт (2):** СПИД (1), манеж спортивной гимнастики (1); **политика, властные структуры (9):** Тулеев (4), новый губернатор (2), Цивилев (2), столица Кузбасса (1); **географические особенности (68):** Кузбасс (11), уголь (30), Кия (1), Кемерово (1), удаленный (1), холод/резкий климат/морозы (4), кедр/кедровые орешки (2), снег (3), Кузнецкий Алатау (2), Горная Шория (1), природа (1), зима (1), плохая экология (1), пыль (2), грязный воздух (1), грязь (1), дым (1), смог (3), чисто (1); **личное отношение (30):** дом (9), место жительства (1), мой край (1), родина (8), любимая область (1), малая родина (1), боль (1), гордость (1), шведы (1), «Зимняя вишня» (5), уютно (1).

Реакция *бедные пенсионеры (1)* по семантике может быть отнесена одновременно к двум категориям: с одной стороны, «бедные» – социально-экономическая характеристика, с другой – «пенсионеры» являются гражданами, соответственно, относятся к категории

«население», выделение доминантной части затруднительно ввиду того, что названа именно определенная категория жителей.

«Шахты» и «шахтеры» намеренно не были объединены в блок, так как несут разное значение: промышленное предприятие и человеческий фактор соответственно.

Основная часть слов-реакций имеет устойчивую положительную / нейтральную коннотацию, однако уже в ответах на первый вопрос проступает противоречивость образа Кемеровской области, выражающаяся в антонимичных словосочетаниях: «развивающаяся и погибающая в долгах одновременно», «смог» / «чисто», «боль» / «гордость».

Вопрос 2.

Население (3): люди сильные духом с доброй душой (1), край крепких духом людей (1), многонациональное место (1); **экономика (7):** развивающийся субъект (4), один из самых благоустроенных субъектов России (1), загибающийся край (1), умирающая территория (1); **политика, властные структуры (18):** субъект РФ (9), шахтерский край (3), индустриальный регион (1), шахтерский регион (5); **образование, культура, наука (2):** красивый край (1), субъект Российской Федерации, входит в состав Сибирского федерального округа. Кемеровская область образована 26 января 1943 (1); **географические особенности (23):** небольшая территория в Сибири (1), уголь (2), Сибирь (4), угольное сердце России (1), Кузбасс (4), родина угля (1), сердце Кузбасса (2), жемчужина Сибири (1), регион, где добывают уголь (2), российский регион, богатый полезными ископаемыми (1), угольный край (1), уголь (2), угольная область (1); **личное отношение (21):** родные места, куда всегда вернешься (1), земля, где я родился (1), не самое лучшее место для жизни (1), дом (3), место для комфортной семейной жизни (1), мои просторы (1), такое родное место и такое порой отталкивающее (1), место жительства (1), родина (1), край родной (3), область для комфортного проживания (1), мой дом (6).

Тренд (1), в широком смысле определяемый как преобладающая тенденция, направление развития, течение чего-либо [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 1342], может характеризовать практически все представленные категории, следовательно, его невозможно отнести к одной из них.

Реакция *субъект Российской Федерации, входит в состав Сибирского федерального округа. Кемеровская область образована 26 января 1943 (1)* является неделимой, так как была зафиксирована одним респондентом. В данном случае, вероятно, первая часть

«*субъект Российской Федерации, входит в состав Сибирского федерального округа*» употребляется именно в связи с историческим, а не политическим подтекстом, на что указывает вторая часть высказывания «*Кемеровская область образована 26 января 1943*».

Реакции *угольный край (1)*, *угольная область (1)* намеренно вынесены в категорию «географические особенности» ввиду того, что характеризуются с точки зрения наличия в нем конкретного полезного ископаемого – угля.

Словосочетания со словом «Кузбасс» вызывают особый интерес: происходит неразличение понятий «Кузбасский угольный бассейн» (Кузбасс) и «Кемеровская область». Политическая власть использует данные слова в качестве синонимов, употребляя их наравне при выстраивании концепции имиджа региона.

Вопрос 3 (в некоторых конструкциях, начинающихся с «Кемеровская область – это...», первая часть опущена).

Население (2): *воспитывает сильных людей (1), в Кемеровской области живут сильные люди (1); экономика (9): развивающийся регион (1), нет работы в Кемеровской области (1), угольный край (1), шахтерский край (1), угольная столица (1), угледобывающий регион России (1), бывший шахтерский край (1), добыча угля (1), угольная промышленность Кемеровской области (1); здравоохранение, спорт (1): Кемеровская область занимает не последнее место по числу зараженных СПИДом в России (1); политика, властные структуры (6): Кемеровской областью много лет правил один губернатор, не меняя свой пост (1), новая власть (1), один из регионов Сибирского федерального округа (1), субъект РФ (1), одна из областей страны (1), никому неизвестная область (1); географические особенности (13): это Кузбасс (1), сердце Сибири (1), угольная долина (1), Сибирь (1), Кемерово, Кузбасс (1), сибирские просторы (1), угольное подземелье (1), уголь (1), далеко в Сибири (1), угольный край (1), Красная Книга КО (1), энергетическая отрасль (2); образование, культура, наука (8): Кемеровская область образовалась во время войны в 1943 году, когда многие промышленные предприятия переехали в Сибирь (1), была образована в 1943 году (1) сегодня в Кемеровской области...(1), по инициативе губернатора Кемеровской области...(1); Кузбасс – время быть первыми (3), Кузбасс – первый за Уралом (1); личное отношение (14): край, в котором я живу (1), любимый дом (1), мой родной край (1), место, где я родилась (1), родина моя (2), мой дом (2), наше все (1), возможность встретить здесь приключения (1), СССР (1), место для жизни (1), трагедия в Кемеровской области (1), В КО загорелся ТЦ (1).*

Реакция *угледобывающий регион России (1)* отнесена к экономической категории в связи с характеристикой процесса как производственного.

Внешний имидж Кемеровской области

Среди жителей других регионов страны (группа 2) респондентами выступили 75 человек: ближние регионы (Алтайский край, Новосибирск и Новосибирская область, Томск, Красноярск, Омск, Тюмень) и дальние (Москва и Московская область, Курск, Самара, Кострома).

Вопрос 1.

Население (5): шахтеры (3), сильные женщины (1), много студентов (1); **образование, культура, наука (9):** Немагия (1), институт культуры (1), университет (1), КемГУ (1), Евгений Алехин (1), песня БГ «Человек из Кемерово» (1), набережная (1), пятиэтажка (1), Томская писаница (1); **здравоохранение, спорт (1):** частые хоккейные турниры по Сибири (1); **экономика (61):** ТЦ «Облака» (1), шахты (17), угольная промышленность (38), добыча полезных ископаемых (1), металлургия (1), промышленность (2), промышленная область (1); **политика, властные структуры (11):** Тулеев (9), новый губернатор (2); **географические особенности (49):** уголь / угольный регион / угольный бассейн, 500 с небольшим км от Красноярска (1), Западная Сибирь (2), граница Алтайского края (1), Сибирь (8), загрязнение окружающей среды (1), Алтай (1), холод / холодный климат / морозы (6), газ (2), нефть (3), дальше далеко / далеко (2), восток (1), Кузбасс (2), город Кемерово / Кемерово (3), взрывы (1), Урал (1), Сибирский край (1), снег (1), лес (1), юг России (1), территория близь Красноярска (1), дождь (1), Шерегеш / Горная Шория (4), Абакан (1), черный снег (1), грязь (2); **личное отношение (31):** тлен (1), родственники (3), никаких (2), где это? (1), друзья (4), что-то знакомое (2), пожар в ТЦ «Зимняя вишня» / пожар / пожар в тц, Зимняя вишня (16), странные дорожные знаки (1), трамваи (1).

Реакции *набережная (1), пятиэтажка (1)* входят в категорию «культура» в широком понимании данного термина, так как характеризуют особенности архитектуры и внешнего облика области.

Большинство представителей других регионов, как и в группе 1, ассоциируют область с угольной промышленностью. Однако в ответах группы 2 чаще, чем среди жителей области, упоминается личность А.Г. Тулеева – прежнего губернатора. Впервые появляются ассоциации, связанные с образованием, культурной и спортивной жизнью региона.

Вопрос 2.

Экономика (11): регион, специализирующийся на добыче угля (1), добыча угля (1), центр угольной промышленности (1), регион с развитой металлической отраслью (1), центр угледобычи и металлургии (1), шахтерский регион (3), индустриальный регион (1), шахты (1), общероссийский центр угледобычи (1); **политика, властные структуры (13):** Тулеев (1), суровый герб (1), социальная территория (1), субъект РФ (4), столица Кузбасса (1), Кемеровская область (1), небольшая область России (1), субъект РФ с областным центром – Кемерово (1), крупный субъект РФ (1), регион России (1); **географические особенности (25):** богатый углем край (1), Кузбасс (4), природа (1), холодно, но стоит побывать (1), угольный регион страны (1), Сибирь (4), уголь (1), газ (1), нефть (1), одно из самых крупных угольных месторождений (2), добыча ископаемых (1), источник угля (1), где-то в Сибири (1), Сибирский Донбасс (1), где-то в Сибири (1), где-то недалеко (1), главное богатство Кемеровской области – каменный уголь (1), где-то в России (1); **личное отношение (9):** не знаю (1), российская глубинка, которая немногим отличается от других объектов РФ (1), как в пьесе «На дне» (1), опасное место (1), место, где родилась моя одноклассница/ родина моей подруги (2), маленькие островок для творческих людей и самые лучшие (1), обычное место (1), нестабильное место (1).

Проявляются некоторые различия в ответах респондентов ближних и дальних регионов: жители европейской части России не различают понятия *Сибирь*, *Алтай*, *Кемеровская область* и *Кузбасс*.

Неразличение последних двух понятий свойственно и группе 1. Существование данной проблемы и её юридическое решение отмечает С.Е. Цивилев, новый губернатор Кемеровской области: «*Вижу, насколько высока популярность названия “Кузбасс”. Оно гораздо созвучнее и ближе жителям. При этом слово “Кузбасс” характеризует и нашу экономику. Мы лидеры угольной отрасли России. Мы одни из лидеров металлургии. Поэтому предлагаю сделать юридически равными оба названия: “Кемеровская область” и “Кузбасс”. По-моему, это будет справедливо*» (РИА Новости. 03.10.2018).

Также участниками группы 2 отмечается развитие не только угледобывающей, но и нефтегазовой отрасли. При акценте на удаленности территории от центра страны сохраняется позиция «целое – часть» в виде Россия – Кемеровская область.

Вопрос 3.

Экономика (8): поддержка малого бизнеса (1), Кемеровская область превысила масштабы продукции (1), является мощным

промышленным регионом (1), уголь и металлургия (1), главный регион добычи угля (1), промышленный и угледобывающий регион (1), столица КО – Кемерово (1), зауральская область с развитой промышленностью (1); **политика, властные структуры (11):** с праздником, дорогие Кемеровчане...(1), народное достояние (1), прокуратора (1), Аман Тулеев (2), субъект РФ (3), одна из областей РФ (1), Кемеровская область (1), в КО столица Кемерово (1); **образование, культура, наука (1):** в КО есть красивые места (1); **географические особенности (23):** в Кемеровской области добывают уголь (1), источник угля (1), если бы мне нужен был уголь, я бы искал его в Кемеровской области (1), Кузбасс, уголь (1), шахты Кузбасса (2), в Кузбассе находится Кемеровская область (1), одно из крупнейших месторождений мира (1), Кемеровская область находится на востоке РФ (1), Кузбасс (2), сибирский регион (1), богатый углем край (1), где-то за Уралом (1), Сибирь (1), холодная территория (1), в КО не растут каштаны (1), КО богата полезными ископаемыми (1), отдаленная территория (1), далеко-далеко (1), зауральская область с развитой промышленностью (1), грязная Кемеровская область (1), уголь и металлургия (1); **личное отношение (17):** место, которое я не скоро, а может быть вообще не посету (1), так как у меня в Кемеровской области живут родственники, то эта фраза связаны с ними (1), ничего не приходит (3), я никогда не был в Кемеровской области (2), Кемеровская область, я приеду (1), Кемеровская область всегда ждет (1), нет (1), я никогда не была в КО (1), «полет фантазий» (1), в Кемеровской области живет очень много моих бывших одноклассников (1), мал золотник да дорог (1), где родился, там и пригодился (1), горит! (1), случился пожар в ТЦ «Зимняя вишня» (1).

Реакция *уголь и металлургия (1)* отнесена к категориям «экономика» и «географические особенности», так как предполагает наличие полезных ископаемых и их производство / обработку. По схожему принципу одновременно в двух категориях находится реакция *зауральская область с развитой промышленностью (1)*, характеризующая и географическое положение, и экономику.

Особенностью респондентов Москвы / Московской области является указание на «восточность» изучаемого региона. Доминируют ассоциации, совпадающие с ответами группы 1 (целое – часть, угледобывающая промышленность, неразличение понятий «Кемеровская область» и «Кузбасс»). Отличием группы 2 в третьем вопросе стало выражение желания / нежелания посетить область.

Таким образом, анализ материалов группы 1 позволяет сделать вывод о том, что Кемеровская область в большей степени определяется как *индустриальный регион, значимый для страны и ее жителей, основной отраслью которого является добыча угля, имеющий свою историю и славящийся людьми, сильными духом*. В то время как для респондентов других регионов Кемеровская область – это *промышленный отдаленный регион, расположенный близь Урала, значимый для страны, основной отраслью которого является добыча угля, нефти, обработка металла, с развивающейся социальной жизнью (образование, культура, спорт) и тяжелыми климатическими условиями*.

Полученные сведения дают возможность оценить эффективность тактик, реализуемых в процессе имиджирования Кемеровской области, и, следовательно, установить сильные и слабые стороны работы в данном направлении.

А.В. Чепкасов на основе анализа текстов выступлений губернатора Кемеровской области выделил следующие тактики [Чепкасов, 2017]:

- 1) тактика выражения заботы о местном населении,
- 2) тактика «успех в лицах»,
- 3) тактика демонстрации развития территории,
- 4) тактика показа значимости территории для страны / мира,
- 5) тактика формирования территориальной идентичности.

Результаты анкетирования группы 1 демонстрируют наиболее успешную реализацию тактик «успех в лицах», демонстрации развития территории и показа ее значимости (тактики 2, 3 и 4). Так, «успех в лицах» формирует у людей некий образ жителя Кемеровской области: «край крепких духом людей», «люди сильные духом с доброй душой», «воспитывает сильных людей».

Тактики демонстрации развития территории и показа ее значимости для страны / мира, в соответствии с преобладающими количественными показателями в категории «географические особенности», имеют наибольшую эффективность. При этом следует отметить, что респонденты группы 2 выделяют такие значимые места, как «Шерегеш / Горная Шория», «Кузнецкий Алатау», «Томская писаница», в то время как группа 1 оставляет их без внимания, что говорит о слабой популяризации внутреннего туризма. То же касается и сферы культуры и образования, которые отмечаются при изучении только внешнего образа («Немагия (1), институт культуры (1), частые хоккейные турниры по Сибири (1), университет (1), КемГУ

(1), Евгений Алехин (1), песня БГ «Человек из Кемерово» (1) и практически игнорируются при внутреннем рассмотрении.

В группе 2 преобладают тактики демонстрации развития территории и показа ее значимости, тактика «успех в лицах» не работает, видимо, по причине отдаленности территории.

Тактики выражения заботы о населении и формирования территориальной идентичности остаются не воспринятыми обществом.

В перспективе планируется дальнейшее изучение эффективности тактик, реализуемых в процессе имиджирования региона, с целью выработки механизмов формирования позитивного внутреннего и внешнего имиджа Кемеровской области.

Литература

Беликова Е.В. Имидж Алтайского края в зарубежной прессе: лингвокогнитивный аспект. // Гуманитарные науки. Филология. 2011. № 3 (19).

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.

Гуров С.А. Восприятие, образ, имидж, стереотип, бренд территории: сопоставление категорий // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. География. Геология. 2016. № 2 (68).

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.

Кондратьева О.Н. Образ региона в обыденном языковом сознании его жителей (на примере образа Кузбасса) // Psycholinguistics. 2018. № 24 (2).

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Кубрякова Е.С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1.

Мальшева Е.Г. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12 (60).

Терских М.В. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск, 2015.

Макрушина Ю.А. Образ Кузбасса в обыденном языковом сознании школьника // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72).

Мирумян А.Г. Город как объект имиджологии // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 3 (182).

Морозова Т.А. Имидж города как основа его продвижения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 1 (55).

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2009.

Солганик Г.Я. Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения. М., 2002.

Чепкасов А.В. Составляющие имиджа Кузбасса в текстах выступлений губернатора Кемеровской области // Филология и культура. 2017. № 4 (50).

Список источников

РИА Новости. 03.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20181003/1529896382.html>.

References

- Belikova E.V. *Imidzh Altajskogo kraja v zarubezhnoj presse: lingvokognitivny`j aspect* [Image of Altai Region in the Foreign Press: Linguo-cognitive Aspect]. *Gumanitarny` nauki. Filologiya* [Humanitarian Sciences. Philology]. 2011. No. 3 (19).
- Bo`shoj` tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka* [Great Dictionary of Russian Language]. Pod red. S.A. Kuzneczova [Edited by S.A. Kuzneczov]. Sankt-Peterburg, 2000.
- Gurov S.A. *Vospriyatie, obraz, imidzh, stereotip, brend territorii: sopostavlenie kategorij* [Perception, Shape, Image, Stereotype, Brand: Category Mapping]. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universitetaim. V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University. V.I. Vernadsky. Geography. Geology]. 2016. No. 2 (68).
- Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazy`k geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and Language of Geographical Images]. SPb., 2003.
- Kondrat`eva O.N. *Obraz regiona v oby`dennom yazy`kovom soznanii ego zhitelej (na primere obraza Kuzbassa* [The Image of the Region in the Ordinary Linguistic Consciousness of Its Inhabitants (on the example of the image of the Kuzbass)]. *Psycholinguistics* [Psycholinguistics]. 2018. No. 24(2).
- Kry`sin L.P. *Tolkovy`j slovar` inoyazy`chny`h slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moskva, 1998.
- Kubryakova E.S. *K opredeleniyu ponyatiya imidzha* [To the Definition of the Concept of Image]. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics]. 2008. No. 1.
- Maly`sheva E.G. *Formirovanie mediaobraza regiona v federal`ny`h televizionny`h SMI (na material tekstov ob Omske)* [Formation of the Media Image of the Region in the Federal Television Media (on the material of texts about Omsk)]. *Nauchny`j dialog* [Scientific Dialogue]. 2016. No. 12 (60).
- Terskix M.V. *Mediaobraz sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie* [Media Image of the Siberian Region: Linguistic Cognitive Modeling]. Omsk, 2015.
- Makrushina Yu. A. *Obraz Kuzbassa v oby`dennom yazy`kovom soznanii shkol`nika* [The Image of the Kuzbass in the Ordinary Language Consciousness of the Student]. *Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education]. 2018. No. 5 (72).
- Mirumyan A.G. *Gorod kak ob`ekt imidzhologii* [City as an Object of Imageology]. *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Adyghe State University]. 2016. No. 3 (182).
- Morozova T.A. *Imidzh goroda kak osnova ego prodvizheniya*. [Image of the City as the Basis of Its Promotion]. *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Adyghe State University]. 2010. No. 1 (55).
- Oby`dennoe metazy`kovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty`* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects]. Kemerovo, Barnaul, 2009.
- Solganik G.Ya. *Tolkovij slovar`: Yazyk gazety, radio, televideniya* [Explanatory Dictionary: Language of the Newspaper, Radio, Television]. Moskva, 2002.
- Chepkasov A.V. *Sostavlyayushhie imidzha Kuzbassa v tekstah vy`stuplenij gubernatora Kemerovskoj oblasti* [The Components of the Image of the Kuzbass in the Texts of Speeches of the Governor of the Kemerovo Region]. *Filologiya i kul`tura*. [Philology and Culture]. 2017. No. 4 (50).

List of sources

RIA Novosti [RIA News]. 03.10.2018. URL:
<https://ria.ru/society/20181003/1529896382.html>.

**ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ И ПРЕУМЕНЬШЕНИЕ
КАК МАРКЕРЫ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ РЕБЁНКА:
АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

И.П. Амзаракова

Ключевые слова: речь ребёнка, «язык нянь», преувеличение, преуменьшение, акмеологический подход.

Keywords: child's speech, «language of nurses», hyperbole, diminution, acmeological approach.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-11

Вторая половина двадцатого века ознаменовалась интенсивным развитием интердисциплинарных и трансдисциплинарных направлений в лингвистике: психо-, социо-, этно-, прагма-, юрислингвистика и др. Изучение языковой личности ребенка, факторов развития его коммуникативной компетенции происходит на стыке онтолингвистики и лингвоперсонологии, которые близко соприкасаются с принципами, заложенными в акмеологии. Путь к высшей ступени индивидуального развития начинается с раннего детства, и успешность этого пути зависит от эмоционального и интеллектуального общения ребёнка с близкими ему людьми. «Процесс усвоения родного языка ребёнком», – считает М.М. Бахтин, – «есть процесс постепенного вхождения ребёнка в речевое общение. По мере этого вхождения формируется и наполняется содержанием его сознание» [Бахтин, 1998, с. 376].

Особенности языка ребёнка младшего школьного возраста диктуются психолингвистическими параметрами, а именно переходом от наглядно-образного мышления к формально-логическому (репрезентативному) мышлению, особенности речевого поведения тесно связаны с категорией пространства, с выходом ребёнка за рамки семьи в среду сверстников и «чужих» взрослых [Амзаракова, 2012, с. 277].

Ребёнок познает действительность в её объективных, реальных параметрах. Познание происходит через восприятие, одним из существенных принципов которого является константность и целостность [Выготский, 2004, с. 170, 173]: «Восприятие величины предмета, его цвета, формы, места в пространстве – всё это должно в ходе развития стать константным, независимым от условий наблюдения» [Выготский, 2004, с. 171].

Исследователи отмечают, что семантическая сторона детской речи развивается постепенно и тесно связана с когнитивным опытом, который ребёнок приобретает в результате практической деятельности и в процессе общения с взрослыми. Общение ребёнка определяется рамками трёх пространств его мира: миром вещей, миром языка и миром людей. В освоении пространственных параметров большую роль играет речь окружающих его людей, в первую очередь речь матери. Это явление описано в психолингвистической литературе как *baby talk* или «язык мам / язык нянь» [Ferguson, 1977], то есть как интонационно-просодически, лексически и синтаксически упрощённый язык, обращённый к ребёнку. Г. Сагун говорит о том, что упрощённый язык используют для общения с маленькими детьми не только матери, но и отцы, и не только для общения с маленькими детьми, но и с животными, даже с растениями и неживыми объектами [Szagun, 1993, s. 260]. Она отмечает далее, со ссылкой на работу Ч. Фергюсона [Ferguson, 1977], что каждый язык располагает таким упрощённым кодом для общения с детьми, иностранцами, слабослышащими и умственно отсталыми людьми. Более того, этот код имеет свои особенности в зависимости от этнической культуры. Заметное место в таком «материнском» языке занимают диминутивы, которые присутствуют во многих языках: *ножки, ручки, doggy, ducky, Händchen, Füßchen, Kleidchen* и т. п.

Преувеличение и преуменьшение представляют собой мыслительную операцию, при которой искажаются степень интенсивности признака и правдоподобие предмета, свойства или действия. Что-то преувеличить – значит представить в больших размерах, а преуменьшить – в меньших размерах, чем на самом деле [Ожегов, 1984, с. 506]. Средствами языковой репрезентации названных операций выступают в большинстве случаев гипербола и мейоза, которые рассматриваются в стилистике как фигуры речи либо как троп с «чрезмерным» преувеличением или преуменьшением, как отклонение от нейтрального и объективного стиля. Цель использования данных тропов – усиление впечатления, положительная или отрицательная оценка [Энциклопедический словарь-справочник,

2005, с. 97, 175; Москвин, 2007, с. 198; Акбутина, 2011, с. 775]. Исследователи тропов обычно подчёркивают осознанность речевого действия, реализующего мыслительную операцию преувеличения.

В.П. Москвин приводит среди прочих определений гиперболы высказывание А.А. Потепни о том, что это «результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающего видеть вещи в их настоящих размерах» [Москвин, 2007, с. 198], подчёркивая тем самым аффективную, эмоциональную природу данного феномена. Замечание об эмоциональной стороне явления имеет для нашего исследования принципиальное значение, поскольку мы ставим задачей рассмотреть, каким образом функционируют языковые средства преуменьшения и преувеличения в речи ребёнка, который по определению является *homo sentiens*.

Но если в стилистике и риторике явное преувеличение или преуменьшение сигнализируют об отклонении от нейтрального, объективного стиля с целью иронии, высмеивания или просто акцентирования внимания на объекте, то в детской речи эта категория свидетельствует о продвижении по ступенькам психофизиологического и когнитивного развития.

Гипербола, утверждает Л. Грузберг, «не только фиксация мысли, но и отражение особой формы творческого мышления, заключающейся в способности человеческой мысли отойти от реальности» [Грузберг, 2013].

Освоение ребёнком параметрических понятий и их языковое выражение издавна привлекают внимание лингвистов и психологов. Так, параметрическим прилагательным и их освоению детьми раннего возраста посвящает своё исследование Ю.С. Пузанова [Пузанова, 2011; 2013]. Она отмечает, что уже в возрасте двух с небольшим лет дети используют синонимы разных структурных типов: *крошечные пуговички* (2,0), *холоднущая вода* (2,3), *эта хрюшка большая-пребольшая* (2,1), *У тебя как у клоуна, большие ботинки. Большиущие-пребольшиущие!* (2,3), *Арбуз немножко громадненький* (3,8), *толстенькое яблочко* (4,6), *длинненький сон* (4,7) [Пузанова, 2011, с. 209].

По свидетельству Е.С. Трибушиной и Е.А. Дубинкиной, в речи русскоязычных детей используются такие средства выражения степени качества, как аналитические формы степеней сравнения (*самый красивый*), наречия степени (*чуть-чуть*), лексические замены (*большой > огромный*), редупликация (*маленький-маленький, очень-очень*), суффиксы (*маленький > маленькое*). Как видим, они создают основу для актуализации категории преувеличения/ преуменьшения.

На основе наблюдений за речью нидерландских и русских детей авторы делают вывод о том, что скорость освоения детьми подобных средств выражения степени качества в разных языках различна. Чем сложнее и разнообразнее парадигматическая система средств выражения степени, тем медленнее идёт освоение [Трибушинина, Дубинкина, 2011, с. 170].

Использование при создании воображаемого предмета или ситуации таких приёмов, как преувеличение, преуменьшение, свидетельствует о развитии творческих способностей детей, что наблюдается уже в возрасте 3–4 лет. Дети дошкольного и младшего школьного возраста больше, чем взрослые, доверяют своей фантазии, что убедительно доказано Л.С. Выготским [Выготский, 1930]. Поэтому в своей речи они легко снабжают предметы и объекты гиперболизированными оценками: *А жаба сделала такой укол, который помогает от перелома. Это надо очень огромным шприцом, как наш дом!* (4;4) (пример В.К. Харченко).

С одной стороны, дети младшего и дошкольного возраста употребляют экспрессивные гиперболы и мейозы (*Собачка маленькая такая, как напёрсток!*), а с другой, не понимают экспрессивного смысла преуменьшения, содержащегося во фразеологизмах в силу того, что воспринимают фразеологизм как свободное словосочетание (*кот наплакал, один нос остался*; см. об этом подробнее в [Усачева, 2013].) И.В. Мысан в результате эксперимента выяснил, что более 75 % детей старшего дошкольного возраста неправильно объясняют значение фразеологизмов, более 90 % детей могут объяснить значения компонентов-фразеологизмов, но не смысл [Мысан, 2016, с. 69–70].

Гиперболизация и преуменьшение как проявления особенностей детского восприятия зависят от речевого окружения в семье. Как упоминалось выше, в «языке нянь» используется большое количество диминутивов, что характерно для общения взрослых с ребёнком в европейской языковой культуре. Рассмотрим это на материале немецкого языка.

Проследим, как меняется речь партнёров по общению и доля диминутивов в ней в зависимости от возраста ребёнка. Представленные для анализа транскрипции из Дортмундского корпуса спонтанной детской речи (ДОКО, 1996, 1998)¹ фиксируют речь Николь – 1 год, 8 месяцев и Габи – 5 лет, 4 месяца.

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Анализ общения родителей с дочкой Николь (1;8) показывает наличие в речи взрослых большого количества уменьшительных слов, обращённых к ребёнку: *Hansi, Piepsi*. Реагирующая реплика ребёнка этого возраста представляет собой дословный повтор некоторых уменьшительных слов, в фонетической оболочке, свойственной его несформировавшейся артикуляции: *Piepsi heißt der, nee?* – «*Pipi heitä*» (ДОКО, 1996, S. 52).

Мать:

dauert noch 'n Augenblickchen, ne, Schätzelein? (ibid., S. 62);

steck in's Mündchen (ibid., S. 13);

so, gleich müssen wir noch die Knöpfchen zumachen hier. So, diesen Knopf (ibid., S. 15);

das ist ein kleines Männchen auf deiner Hose, guck (ibid., S. 28).

Отец:

hat die nicht feine Härchen, die Puppa? schön an die Ärmchen fassen (ibid., S. 41)

pass mal auf, jetzt machen wir die Ärmchen von der Puppa auseinander (ibid., S. 41)

Представим результаты анализа транскрипций в таблице.

Класс слов	Референция	мать	отец
Существительные (-chen/ -lein)	Разные слова (types)	14	15
	Словоупотребления (tokens)	31	46
	Адресовано ребёнку	6/20 (в т. ч. 2 обращения) Schätzchen 1 ¹ Schätzelein 6 Küßchen 6 Mündchen 1 Schühchen 3 Knöpfchen 3	6/20 Äuglein 6 Fingerchen 2 Füßchen 1 Händchen 4 Mündchen 2 Schühchen 5
	Адресовано предметам	6/9 Männchen 1 Pferdchen 2 Schwänzchen 1 Stühlchen 2 Töpfchen 2	8/25 Ärmchen 2 Blümchen 2 Häpschen 2 Härchen 3 Häschen 8

¹ Цифра после слова в таблице означает количество произнесений соответствующего слова. – И.А.

		Pünktchen 1	Strümpfchen 1 Tischchen 4 Töpfchen 3
	Адресовано действию	2/2 Augenblickchen 1 Küsschen 1	1/1 Küsschen 1
Наречие		1/6 bisschen	1/15 bisschen

Табл. 1. Диминутивы в общении с Николь (1;8).

Как видно из табл. 1, диминутивы в коммуникации родителей с ребёнком направлены как на самого ребёнка, так и на предметы, его окружающие. В речи отца диминутивов больше, как в количественном (43 слова против 30 в речи матери), так и в качественном отношении (15 разных слов против 14 в речи матери). Достаточно часто используется наречие *bisschen* ('немножко'), само по себе являющееся лексикализированным отымённым дериватом, образованным с помощью уменьшительного суффикса (ср. *Biss* – укус, кусок + уменьшительный суффикс *-chen*). Поскольку Николь ещё не говорит полными фразами, то выделить в её речи диминутивы не представлялось возможным.

Иную картину с использованием диминутивов наблюдаем в коммуникации с Габи (5;4). См. табл. 2. Окружающие её близкие люди – мама и девушка-экспериментатор – практически не употребляют уменьшительных слов, то есть «язык нянь» уже не используется ввиду того, что ребёнок к пяти годам полностью владеет структурой родного языка. Из таблицы видно, что диминутивы перемещаются из речи взрослых в речь ребёнка, который в игре имитирует манеру взрослых разговаривать с маленькими детьми. Сама Габи дублирует диминутив нейтральным синонимом: (рисует) *die* (das Mädchen, welches G malt) *kriegt 'n ganz schönes Hüttchen / ganz schöne Hütte* <...> *Hütte Hütte dranmaln* /// (kommentiert ihre Zeichnungen) *so 'ne Hütte // is doch schön*, (schnalzt mit der Zunge) *da kommt das Babychen rein / kleines* (DOKO, 1998, s. 52).

Диминутив приобретает реальное параметрическое обоснование: *is 'n ganz kleines, fast wie ein Baby // kleines Kindchen* (DOKO, 1998, s. 52) (= 'такой совсем маленький, почти как грудной ребёнок, маленький ребёночек') или же используется как имитация языка нянь в игре, о чём свидетельствует помета «Babysprache» («язык детей/нянь») и «lispelt» («сюсюкает») в транскрипции: *Nora ich möchte 'n bisschen Nuntella / bisschen essen // (Babysprache) 'n bisschen Nutella essen* (G lispelt) ... *holst 'n Löffelchen hat se gesagt* (ibid., S. 39). Или кормит куклу, перенося стереотип языка нянь на действие кормления куклы:

Hier dein Breichen, meine Kleine, mach doch mal 'n Mündchen auf (ibid., S. 14).

Класс слов	Референция	Нора, мать	Марион, экспериментатор	Габи (5;4)
Существительные -chen/lein	Разные слова (types)	4	1	16
	Словоупотребления (tokens)	5	1	19
	Адресовано ребёнку/кукле	1/1 Stimmchen 1		3/3 Babychen 1 Kindchen 1 Mündchen 1
	Адресовано предметам	3/4 Kinderstühlchen 1 Püppchen 1 Süppchen 2	1/1 Würstchen 1	12/15 Bettchen 1 Breichen 3 Breilein 1 Brötchen 1 Ferkelchen 1 Gänschen 1 Hüttchen 1 Löffelchen 1 Kinderstühlchen 1 Schwänzchen 1 Süppchen 2 Töpfchen 1
	Адресовано действию	-	-	1/1 Tröpfchen 1
Наречие		1/1 bisschen 1	1/2 bisschen 2	1/16 bisschen 16

Табл. 2. Диминутивы в общении с Габи (5;4).

Из таблицы видно, что пятилетняя девочка называет основные атрибуты кормления ребёнка, представленного в игре куклой, в уменьшительной форме, выражая отношение к маленькому по образцу поведения взрослых: она «кормит» куклу, поэтому самыми частотными номинациями в её речи являются

кашка (Breichen, Breilein) и супчик (Süppchen). Все кухонные принадлежности в ситуации кормления куклы (читай: ребёнка) приобретают уменьшительность: ложечка (Löffelchen), кастрюлька (Töpfchen). Уговаривая куклу съесть хотя бы капельку (Tröpfchen), девочка активно (16 раз) использует наречие «чуть-чуть», «немножко» (bisschen). Ср. с практически той же частотностью этого наречия в речи отца Николь (15 раз). Частично употребление диминутивов девочкой инициируется и поддерживается присутствующими при игре взрослыми: Kinderstühlchen, Süppchen.

Вернемся к влиянию внешних факторов на когнитивное и речевое развитие ребёнка, к которым в первую очередь относится ситуация общения и воздействие взрослого. Исследователи отмечают, что чем меньше ребёнок, тем большее влияние на него оказывают внешние факторы. Чем старше ребёнок, тем большее значение приобретают его социальный опыт, его потребность общения со взрослыми, во время которого уточняются и обогащаются представления о параметрах реальной действительности, о возможностях их преувеличения и преуменьшения.

С переходом в школу, когда основные единицы разных уровней языка уже усвоены, начинается процесс формирования дискурсивной компетенции ребёнка, переход на лингвокогнитивный и мотивационный (по Ю.Н. Караулову) уровень развития языковой личности. Диминутивы «детского» языка исчезают из повседневного лексикона ребёнка и используются им уже осознано с прагматическими целями, например, в обращении первоклассника к маленькой сестрёнке, желая задобрить её: *Karolinchen, mein Bienchen, was hast du denn?* (Krüss, 1995). Мейоза как средство преуменьшения используется при сравнении. Так, мальчик, подчёркивая маленький размер портового пароходика, называет его скорлупкой, напёрстком: *eine Nußschale ist er, ein Fingerhut!* (ibid.).

В речи ребёнка младшего школьного возраста всё чаще появляются экспрессивные средства – гиперболические сравнения и метафоры для выражения своего отношения к человеку и действию. Отчасти это происходит спонтанно, но осознанному использованию средств выразительности, в том числе гиперболе и литоте, как отмечают языковеды и педагоги, младших школьников следует обучать специально. См. об этом в [Бизицова, 2013]. Типичным разговорным преувеличением являются такие

гиперболы, как *сто раз слышал, вечность не видел, никогда не ел* (в значении «давно не ел»), *она в тысячу раз красивее* (нем.: *Sie sieht tausendmal schöner aus*). Такие детские гиперболические высказывания, как *für nichts auf der Welt; der schönste Kuchen auf der Welt* ('ни за что на свете'; 'бабушкин торт – самый лучший на свете') свидетельствуют об эгоцентризме ценностного мира ребёнка. Преувеличения дети чаще всего используют в отношении чувств и ощущений, что отражено в детской литературе: *Mein Herz schlug so schnell und laut wie ein Presslufthammer. Nein, es klang wie ein Hagel von Kanonenkugeln, die rundherum die Wände zerschlugen* (Marmon, 2015, S. 83); или: *Mich würden dann keine zehn Pferde reinkriegen* (ibid., S. 79). Распространёнными языковыми средствами детского преувеличения в немецком языке являются словообразовательные форманты типа *Riesen-*, то есть *великан, великанный* (*Riesenloch, Rieseneiche, Riesenkrach* и т.п.) или *Mords-* (*Mordsgeschrei, Mordshunger*) и другие способы сравнения. Антропоцентричность детского восприятия ведёт к тому, что объектом сравнения выступает человек, а базой для сравнения – мир животных или вещей (*Er schwitzte und keuchte wie zwei Nilpferde*), либо явления природы (*Die Jungen liefen wie der Wind*).

Таким образом, приобретая навыки оценки параметров внеязыковой действительности и её вербализации, ребёнок в своём личностном развитии шаг за шагом продвигается к акме как самореализации личности. Образное использование ребёнком параметрических значений в виде приёмов преуменьшения (мейоза) и преувеличения (гипербола) свидетельствует о восхождении по шкале эмоционального и интеллектуального развития, способствует становлению языкового сознания и представлений о мире в его реальных и ирреальных связях.

Литература

- Акбутина А.С. Использование стилистических приёмов преувеличения и преуменьшения в целях выражения иронии в языке немецкой прессы // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3.
- Амзаракова И.П. Ребёнок: язык, текст, коммуникация. Абакан, 2012.
- Бахтин М.М. (Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка // М.М. Бахтин. Тетралогия. М., 1998.
- Бизикова О.А. Развитие речи-рассуждения у детей дошкольного возраста. Нижегородск, 2013.
- Выготский Л.С. Воображение и творчество в школьном возрасте М., 1930.
- Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб., 2004.

Грузберг Л. Гипербола в живой разговорной речи. Постановка проблемы // Филолог. 2013. Вып. 24. [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_24_507.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Ростов н/Д., 2007.

Мысан И.В. Понимание и использование фразеологизмов детьми старшего дошкольного возраста // Проблемы онтолингвистики – 2016. Иваново, 2016.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.

Пузанова Ю.С. Освоение антонимо-синонимических блоков параметрических прилагательных размера русскоязычными детьми // Проблемы онтолингвистики – 2013. СПб., 2013.

Пузанова Ю.С. Психолингвистические основы освоения детьми парадигматических отношений на материале параметрических прилагательных русского языка // Проблемы онтолингвистики – 2013. СПб., 2013.

Трибушина Е.С., Дубинкина Е.А. Выражение степени качества нидерландскими и русскими детьми // Онтолингвистика – наука XXI века. СПб., 2011.

Усачева О.А. К вопросу об употреблении фразеологизмов с семантикой интенсивности в русском языке // Проблемы онтолингвистики – 2013. СПб., 2013.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005.

Ferguson C. Baby talk as simplified register // Talking to Children. Cambridge, 1977.

Szgun G. Sprachentwicklung beim Kind: eine Einführung. Weinheim, 1993.

Список источников

DOKO: Dortmundener Korpus der spontanen Kindersprache. Bd. 12: Teilkorpus Nicole (1;8). Essen, 1996; Bd.15: Teilkorpus Gabi (5;4). Essen, 1998.

Krüts J. Sonntagmorgen-Geschichten. Frankfurt am Main, 1995.

Marmon U. Mein Freund Salim. Bamberg, 2015.

References

Akbutina A.S. *Ispol'zovanie stilisticheskikh priimov preuvelichenija i preumen'shenija v celjah vyrazhenija ironii v jazyke nemeckoj pressy* [Using Stylistic Devices of Exaggeration and Understatement to Express Irony in the Language of the German Press] *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. 2011. Vol. 16. No. 3.

Amzarakova I.P. *Rebjonok: jazyk, tekst, kommunikacija* [Child: Language, Text, Communication]. Abakan, 2012.

Bahtin M.M. (Voloshinov V.N.) *Marksizm i filosofija jazyka* [Marxism and Language Philosophy]. *Tetralogija* [Tetralogy]. Moskva, 1998.

Bizikova O.A. *Razvitiye rechi-rassuzhdenija u detej doshkol'nogo vozrasta* [Development of the Reasoning Discourse of the Preschool Children]. Nizhnevartovsk, 2013.

Vygotskij L.S. *Voobrazhenie i tvorcestvo v shkol'nom vozraste* [Imagination and Creativity at School Age]. Moskva, 1930.

Vygotskij L.S. *Voprosy detskoj psihologii* [Issues of Child's Psychology]. Sankt-Peterburg, 2004.

Gruzberg L. *Giperbola v zhivoj razgovornoj rechi. Postanovka problemy* [Hyperbole in the Colloquial Speech. Formulation of the problem] // *Filolog* [Philologist]. 2013. Iss. 24. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_24_507 (accessed 05.12.2017).

Moskvin V.P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury* [Expressive Means of the Contemporary Russian Speech]. Rostov na Donu, 2007.

Mysan I.V. *Ponimanie i ispol'zovanie frazeologizmov det'mi starshego doshkol'nogo vozrasta* [Comprehension of Phraseological Means by Senior School Children]. *Problemy ontolingvistiki – 2016* [Issues of Developmental Psycholinguistics – 2016]. Ivanovo, 2016.

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [The Russian Comprehensive Dictionary]. Moskva, 1984.

Puzanova Ju.S. *Osvoenie antonimo-sinonimicheskikh blokov parametricheskikh prilagatel'nyh razmera russkojazychnymi det'mi* [Mastering of Antonyms and Synonyms of Parametric Size Adjectives by Russian Children]. *Problemy ontolingvistiki – 2013* [Issues of Developmental Psycholinguistics – 2013]. Sankt-Peterburg, 2013.

Puzanova Ju.S. *Psicholingvističeskie osnovy osvoenija det'mi paradigmaticeskikh otnošenij na materiale parametricheskikh prilagatel'nyh russkogo jazyka* [Psycholinguistic Grounds of Paradigmatic Mastering by Children as Exemplified with the Russian Parametric Adjectives]. *Problemy ontolingvistiki – 2013* [Issues of Developmental Psycholinguistics – 2013]. Sankt-Peterburg, 2013.

Triubushinina E.S., Dubinkina E.A. *Vyrazhenie stepeni kachestva niderlandskimi i russkimi det'mi* [Actualization of the Quality Degree by Russian and Netherlandic Children]. *Ontolingvistika – nauka XXI veka* [Developmental Psycholinguistics – Science of XXI century]. Sankt-Peterburg, 2011.

Usacheva O.A. *K voprosu ob upotreblenii frazeologizmov s semantikoj intensivnosti v russkom jazyke* [On Using Phraseological Units and Semantic Intensity in the Russian Language]. *Problemy ontolingvistiki – 2013* [Issues of Developmental Psycholinguistics – 2013]. Sankt-Peterburg, 2013.

Jenciklopedičeskij slovar'-spravočnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety [Encyclopedic Dictionary-Reference. Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors]. Moskva, 2005.

Ferguson C. *Baby talk as simplified register. Talking to Children*. Cambridge, 1977.

Szagan G. *Sprachentwicklung beim Kind: eine Einführung*. Weinheim, 1993.

List of sources

DOKO: Dortmundener Korpus der spontanen Kindersprache. Bd. 12: Teilkorpus Nicole (1;8). Essen, 1996; Bd.15: Teilkorpus Gabi (5;4). Essen, 1998.

Krüß J. *Sonntagmorgen-Geschichten*. Frankfurt an Main, 1995.

Marmon U. *Mein Freund Salim*. Bamberg, 2015.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭПИЗОДИЧЕСКОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ФОНЕ РОДОВЫХ САГ: НА ПРИМЕРЕ СВЕДЕНИЙ О ВОСПИТАНИИ ПО ДОГОВОРУ

Э.В. Емельянова

Ключевые слова: родовая сага, вводная характеристика, воспитание, стереотип.

Keywords: family saga, introductory characteristics, fosterage, stereotype.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-12

Одной из архаичных черт родовых саг, или «саг об исландцах», является отсутствие художественного времени в их повествовании, то есть «отсутствие разрыва между временем в жизни, реальным, историческим и временем в литературе, нереальным, вымышленным» [Стеблин-Каменский, 1984, с. 105]. Также повествованию родовых саг не свойственно абстрактное историческое время, хронологическая сетка и точные датировки [Стеблин-Каменский, 1984, с. 110]. Вместо этого роль ориентиров, создающих временную перспективу, играет исторический фон, содержащий обзорные сведения, такие, как правление норвежских конунгов, заселение и христианизация Исландии, а также генеалогии исландцев [Смирницкая, 2008, с. 29].

Особо важным ориентиром являются вводные характеристики персонажей саг (далее – ВХ) – наиболее типичный для родовых саг и распространённый в них способ представления участников последующих событий. Дополнительно к имени персонажа, которое само по себе служило характеристикой человека в данной традиции [Стеблин-Каменский, 1984, с. 59], во ВХ часто присутствуют дополнительные сведения – имена родственников упоминаемого

человека, иногда и его домочадцев, генеалогии, топонимы, также может быть назван общественный статус исландца.

В повествовании ВХ не обособлены, представляют собой своего рода информационные сгустки, содержащие определённый род сведений, тяготеющие к скоплению, хотя единичные ВХ также возможны. Эти сведения в общем случае предшествуют эпизоду (или эпизодам), в которых участвуют представленные персонажи. При этом ВХ могут плавно переходить в эпизод, а единичные ВХ вкрапляются в эпизод, представляя второстепенных, эпизодических персонажей.

Существенным формальным признаком, свойственным ВХ, как и другим составляющим исторического фона саг, является последовательное использование в них претерита, в то время как в эпизодах претерит обычно чередуется с презенсом [Смирницкая, 2008, с. 27-29].

ВХ содержат важные для последующих событий сведения и тем самым ориентируют аудиторию (см., например, о роли генеалогий [Буоск, 1993, с. 60]). Но вместе с тем многие из сведений ВХ явно избыточны с точки зрения развития действия. Они являются частью *синкретической правды*, то есть архаичной черты мышления, свойственной родовым сагам в целом, при которой историческая достоверность не отделена от художественной составляющей [Стеблин-Каменский, 1984, с. 23]. С помощью этих сведений ВХ выстраивают правдивую с точки зрения своей аудитории картину мира. Таким образом, ВХ апеллируют к эпизодам саги, и в то же время привязывают эти эпизоды к общему историческому фону.

Особый интерес представляют фразы, которые занимают пограничное, переходное место между ВХ и эпизодами, например, указывающие местопребывание персонажа. Одной из них является конструкция с абстрактным существительным *fóstr* 'воспитание' *vera at (á) fóstri* 'быть на воспитании', посредством которой в сагах, как правило, сообщается о том, что ребёнок жил не дома с родителями, а у другого человека, с которым родитель заключил договор о воспитании. Этот тип употребления полезно сравнить с такими упоминаниями факта воспитания во ВХ, которые обрисовывают запечатленную в традиции социальную роль персонажа воспитателя и таким образом являются непосредственной данностью исторического фона.

Воспитание (*fóstr*, *barnfóstr*) – практика, широко распространённая в древнескандинавском обществе, при этом в традиции сложилось представление о воспитателе как о человеке, который ниже по статусу родителя ребёнка, часто богатом. В сагах такие персонажи обычно играют определённые роли (провоцируют

конфликт между отцом ребёнка и каким-нибудь третьим лицом или помогают своему воспитаннику), что является отображением сложившихся в древнеисландском обществе стереотипов. Стереотип – «некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации. Причем <...> о предмете или ситуации, так сказать, «вообще» [Красных, 2003, с. 232]. Примером может послужить стереотипный образ учительницы (в современной русской культуре).

Именно для обозначения социального статуса стереотипных воспитателей во ВХ используются конструкции *vera föstri* / *barnföstri* 'быть воспитателем / быть воспитателем (чьего-либо ребенка)' [Емельянова, 1915, с. 29-30].

Так во ВХ из «Саги о сыновьях Дроплауг» представлены новые участники конфликта между тезками: воспитатель ребёнка Хельги Асбьярнарсона соблазнил родственницу Хельги Дроплаугарсона, что стало поводом для продолжения распри.

(Dpl. 6) 'Был человек по имени Торстейн, который жил на Стожном болоте <...> Жену его звали Тордис и она была близкой родственницей Хельги Дроплаугарсона. Был человек по имени Бьёрн... Бьёрн был воспитателем ребёнка Хельги Асбьярнарсона (*Björn var barnföstri Helga Ásbjarnarsonar*). Бьёрн повадился ходить на Стожное болото и вести разговоры с Тордис, женой Торстейна (*Íslendinga sögur*, 1987, с. 352-353)¹.

Конструкция *vera barnföstri* во ВХ таким образом служит дополнительной подсказкой, намекающей, о чем именно будет повествоваться в последующем эпизоде, так как вводит в действие ассоциации, связанные с определённым стереотипом. При этом упомянутый социальный статус воспитателя – основная примета персонажа, указание его социальной роли в обществе и связанной с ней роли в повествовании, а воспитатель – новое действующее лицо, персонаж, который будет играть активную, часто сюжетообразующую роль. ВХ представляет стереотипный случай воспитания по договору как одну из значимых социальных нитей, охватывающих общество, запечатляя эти сведения как предмет исторической памяти исландцев.

С употреблением подобного типа контрастирует упомянутая выше конструкция *vera at (á) föstri*. Как правило, она сообщает о тех ситуациях, связанных с практикой воспитания по договору, которые не укладываются в схему стереотипных отношений:

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст *Íslendinga sögur*. Reykjavík, 1987. Перевод наш – Э.Е.

1. (Vopn. 3) 'Бродд-Хельги женился на Халле Лютисдоттир, сестре этих братьев (один из которых – Гейтир – Э.Е.). У них был сын по имени Бьярни <...> Бьярни воспитывался в Крестовой бухте у Гейтира (*Bjarni var at föstri í Krossavík með Geiti*)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 1988-1989).

2. (ÞórðH. 2) 'Другого бонда звали Торкель... Он был человеком незначительным, но богатым <...> Торкель предложил Skeggi взять на воспитание его сына, и Эйдр сын Skeggi воспитывался на Песках (*og var Eiðr son Skeggja at föstri á Söndum*)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 2011).

3. (Kort. 3) 'Человек по имени Торкель жил в Междуречье. Он был женат и у них была дочь по имени Стейнгерд. Она воспитывалась в Горной долине (*hon var í Gnúpsdal at föstri*)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 1468).

Гейтир из «Саги о людях с Оружейного фьорда» (пример 1) не может быть введён в сагу как воспитатель (*föstri*, *barnföstri*): он – человек знатный и воспитывает родича. Гейтир – один из главных героев саги, так что его функции значительно шире, чем воспитание племянника. Бьярни убьёт своего дядю, когда будет мстить за отца. Ситуация воспитания не предопределяет развитие событий, она только усугубляет трагедию поправленного родства. Торкель из «Саги о Торде Устрашителе» (пример 2) соответствует традиционному представлению о воспитателе (богат, но низкого статуса). Однако он не играет существенной роли в саге. Случилось так, что Торкель и Эйдр чуть было не утонули. Это не вызвало конфликта, но Эйдр ушёл воспитываться к человеку, который спас им жизнь и, соответственно, показался более надёжным. Торкель больше не упоминается в саге. Он не состоялся как воспитатель, потому не определяется словами *barnföstri* или *föstri*: традиция «отказывает» ему в этом статусе.

Пример 3 («Сага о Кормаке») показывает, что употребление конструкции *vera at föstri* позволяет упоминать факт воспитания по договору без представления самого воспитателя. Для повествования саги существенна удалённость Стейнгерд от дома, где её бы оберегал отец. Именно поэтому главный герой саги, Кормак, получил возможность навещать её к девушке. Узнав об опасности, отец забрал дочь домой. При этом воспитатель так и не был упомянут. История любви Кормака к Стейнгерд легла в основу сюжета саги, а сообщение о воспитании героини вне дома пролагает путь от исторического фона к последующими эпизодами.

Конструкция *vera at (á) föstri* характеризует воспитанника, роль же воспитателя не закреплена в повествовании. Важно, что такая характеристика не является сущностной, как, например, имя, родовая

принадлежность или социальная роль персонажа. Таким образом характеризуется не сам персонаж, а связанная с ним ситуация. Упомянутая ситуация получает развитие в эпизоде, при этом имеет значение удаленность от дома одного из персонажей, что оборачивается возникновением новых социальных связей или безучастностью персонажа в последующих событиях саги.

Симптоматичным является тот факт, что обсуждаемая конструкция в некоторых случаях может упоминаться непосредственно в составе эпизода, хотя она явно тяготеет к употреблению при ВХ. Так в «Саге о Курином Торире» упоминается, что дочь некоего Гуннара воспитывается у Торда Ревуна, который был ранее упомянут в ВХ Гуннара как человек, на сестре которого тот был женат:

(Høsn. 11) 'После этого идёт Гуннар на встречу со своей дочерью, потому что она воспитывалась у того самого Торда (því at hún var með þeim Þórði á fóstri)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 1429).

То, что Торд должен восприниматься аудиторией как известное лицо, подчёркнуто указательным местоимением þeim [дательный падеж от *sá* 'тот (самый)'].

Особый интерес представляет собой пример из «Саги о Гисли»

(Gísl. 2) 'Их (Торбьёрна и Исгерд) старшего сына звали Торкель, другого – Гисли; младшего – Ари и все они растут дома (og vaða allir upp heima þar)... Договорились о том, что Ари будет воспитываться у Стюркара, своего дяди по матери (букв. для Ари было приобретено воспитание), а Торкель и Гисли оба были дома (Ara var fóstur fengit með Styrkari móðrbróðir sínum en þeir Þorkell ok Gísli voru heima báðir)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 853).

Воспитание младшего сына вне дома предполагает удаленность его от событий саги, эти сведения характеризуют Ари как несущественного для последующих эпизодов персонажа. При этом конструкция *Ara var fóstur fengit* с глаголом однократного действия (страдательный залог от *fá* 'получать') задаёт локализацию во времени в противовес неопределённо-длительному прошедшему «исторического фона» (например, «у них были такие-то дети»).

Симптоматично, что конструкция *vaða allir upp heima* 'все они растут дома', которая, по сути, является антонимической сведениям о воспитании, употребляется в приведённом примере в настоящем времени, что свидетельствует о том, что повествование переключается с исторического фона, заданного вводной характеристикой, на внутрисаговое время, то есть частное время, в котором живут и действуют персонажи саги, или внутрисаговое время «вкрапляется» в

исторический фон, форма презенса подчеркивает эпизодичность. Эти сведения не играют существенной роли в повествовании, поскольку тут же сообщается, что один из братьев был отдан на воспитание, и теперь только двое остались дома. Очевидно, что сведения о том, что все трое прежде воспитывались дома, приводятся, поскольку являются частью синкретической правды и упоминание этой эпизодической и несущественной для развития сюжета ситуации придаёт достоверность повествованию.

Интересно, что сообщения о том, что персонаж находился дома (то есть не был отдан на воспитание, если речь идет о ребенке, или не участвовал в последующих эпизодах в викингском походе, если речь идет о взрослом), как и сообщения о воспитании, тяготеют к употреблению при ВХ. Все эти ситуации эпизодичны и конечны во времени. Сведения о них актуализируют развитие событий, «подталкивая к эпизоду».

Таким образом, воспитание по договору, обозначенное абстрактным существительным *fóstr* при вводе персонажей в сагу, обычно не является данностью «исторического фона». Эти сведения намечают кратковременные, не существенные для традиции в целом связи между людьми. Однако тенденция к употреблению их при вводе персонажей в сагу не случайна, поскольку они, с одной стороны, играют роль актуализаторов, переключая повествование с исторического фона на время сагового повествования и намекая аудитории на возможный ход дальнейших событий, а с другой, они органично вписываются в картину мира древних исландцев и способствуют повествованию в русле синкретической правды.

Литература

Емельянова Э.В. Образы исландцев «века саг» в преломлении поэтики родовой саги на примере воспитателей: к вопросу о типологии персонажей // Атлантика. Записки по исторической поэтике. М., 2015.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Смирницкая О.А. Функции глагольных временных форм в сагах об исландцах // Избранные статьи по германской филологии. М., 2008.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1984.

Yuock J. Feud in the Icelandic Saga. Berkeley, 1993.

Список источников

Íslendinga sögur. Reykjavík, 1987.

References

E.V. Emel'yanova. *Obrazy islandcev «veka sag» v prelomlenii poetiki rodovoj sagi na primere vospitatelej: k voprosu o tipologii personazhej* [Images of Icelanders of the «Century of Sagas» in the Refraction of the Poetics of the Ancestral Saga on the Example of Educators: on the Issue of Character Typology]. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike* [Atlantic. Notes on Historical Poetics]. Moskva, 2015.

V.V. Krasnyh «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [«Own» among «alien»: myth or reality?]. Moskva, 2003.

O.A. Smirnitskaya. *Funkcii glagol'nyh vremennyh form v sagah ob islandcah* [Functions of Verb Tense Forms in the Family Sagas about Islanders]. *Izbrannye stat'i po germanskoj filologii* [Selected Articles on German Philology]. Moskva, 2008.

M. I. Steblin-Kamenskij. *Mir sagi* [World of the Saga]. L., 1984.

J. Byock. *Feud in the Icelandic Saga*. Berkeley, 1993.

List of sources

Íslendinga sögur. Reykjavík, 1987.

КОГНИТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАКОВ ЯЗЫКА НАУКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: общие и специальные научные знания, научное понятие, знаки искусственных языков, художественный текст, интерпретация.

Keywords: general and special scientific knowledge, scientific notion, signs of artificial languages, literary text, interpretation.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-13

Общие и специальные научные знания, представляющие собой важнейший фрагмент картины мира современного человека, являются одной из наиболее актуальных проблем, поднимаемых в когнитивных исследованиях, рассматривающих данный феномен с точки зрения структурной организации специальных знаний в ментальном мире человека, их функционального потенциала, взаимодействия с другими типами знания и т.д. В настоящей статье мы рассматриваем научную

картину мира, представляющую собой ментальное образование, аккумулирующие специальные научные знания в различных областях, в аспекте особенностей языковой объективации составляющих ее компонентов в художественных текстах различных жанров.

Представляется важным отметить, что проблема использования языка науки в пространстве художественных текстов не является новой. Существует значительное число работ, посвященных экспрессивному потенциалу знаков языка науки, функционирующих вне рамок научного дискурса [Елизарова, 1992; Разоренов, 2006]. К настоящему моменту в специальной литературе детально описаны функции терминов, околотерминологической лексики и профессионализмов, являющихся вторичными по отношению к их номинативной функции. Речь идет об экспрессивной, прогностической, различительной, статусно-ролевой и других функциях, способных к реализации только вне пространства научного текста.

Таким образом, можно говорить о попытках создания в контексте доминирующей на настоящем этапе когнитивно-дискурсивной парадигмы модели функционирования знаков языка науки в пространстве художественного произведения, которая позволила бы прогнозировать возможные варианты интерпретации заложенных автором смыслов. Очевидно, что обязательным условием успешного построения такой модели является обращение к максимально широкому спектру единиц языка науки, способных выступать репрезентантами научных понятий, а следовательно, обусловливающим формат существующих специальных научных знаний.

Диапазон языковых средств, способных выступать в художественном тексте репрезентантами научных понятий, представлен, помимо терминологической, околотерминологической и профессиональной лексики, знаками искусственных языков (химические, математические и другие формулы), прецедентными именами науки, сложными знаками, представляющими собой фрагменты иных текстов (цитаты из научных, научно-популярных и учебных текстов), а также синтаксическими и словообразовательными моделями, характерными для научного стиля. Особое место в этом ряду занимают знаки искусственных языков и прецедентные имена науки, обладающие значительным когнитивно-экспрессивным потенциалом, который выражается в их способности репрезентировать при помощи минимума языковых средств сложные ментальные образования, аккумулирующие как специальную научную информацию, так и фоновые знания, задающие в той или иной степени

направление интерпретативной активности читателя. Иными словами, за данными языковыми знаками стоят концепты, в структуре которых четко выделяется ядерная зона, представленная научным понятием, и периферийные области (представления, чувственные образы, энциклопедические знания и т.п.), связанные ассоциативными цепочками с ядром концепта.

Зачастую именно периферийные слои концепта, отличающиеся у каждого конкретного носителя языка, определяют выбираемый читателем вариант интерпретации, что объясняет факт существования множества вариантов интерпретации одного и того же фрагмента текста, в соответствии с хорошо известным тезисом П. Валери, утверждавшего, что у художественного текста нет какого-либо подлинного смысла [Валери, 1993, с. 372]. Любой текст может быть адаптирован к выбранной читателем аналитической схеме, следовательно, может существовать бесконечное множество интерпретаций, обусловленных как личностью интерпретатора, так и контекстом интерпретации, а сам читатель предстает уже не как потребитель текста, а как его производитель [Барт, 2001, с. 32].

Похожую точку зрения на процесс интерпретации текста можно обнаружить в работах Г.Г. Гадамера, одного из основателей философской герменевтики. Интерпретация текста, по Г.Г. Гадамеру, предстает как «набрасывание смысла: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь делает предварительный набросок, пытаясь предвосхитить смысл целого текста» [Гадамер, 1991, с. 75]. Понимание смысла текста состоит в создании собственного смысла, источником которого является опыт читателя, уникальный у каждого индивида, что дает возможность так называемого личного прочтения текста, или его переписывания.

В приведенном ниже примере читатель выступает в роли соавтора текста, привнося в его семантическое пространство свои идеи, мысли и ожидания. Примечательно, что глубина понимания не находится в прямой зависимости от объема собственно научных знаний, которые находятся в распоряжении интерпретатора. Так, авторский смысл будет расшифрован сходным образом и специалистом-химиком и человеком, чьи знания в этой области не идут дальше минимума, который дает средняя школа.

«Why do the smoke-stacks have those things like balconies around them?» enquired Lenina.

Henry explained telegraphically. «On their way up the chimney the gases go through four separate treatments. P₂O₅ used to go right out of circulation every time. Now they recover over ninety-eight per cent of it».

«*Phosphorus recovery, more than a kilo and a half per adult corpse. Which makes the best part of four hundred tons of phosphorus every year from England alone*» (Huxley, 1984)¹.

Единственным существенным отличием в процедуре интерпретации будет тот факт, что эксперт в области химии воспринимает последовательность знаков языка химических формул (P_2O_5) как единое целое, как пентаоксид фосфора, со всеми его химическими, физическими и термическими свойствами. В свою очередь, читатель, не имеющих глубоких знаний в области химии, не способен соотнести химическую формулу со стоящим за ней веществом без обращения к специальной литературе, а следовательно, вынужден следовать за узором инородной нити в тексте художественного произведения, расшифровывая поэлементно формулу химического вещества. Первый знак отвечает за основное вещество реакции, которое подвергается изменениям в ходе химической реакции, тогда как второй знак вводит вспомогательный элемент, который характеризует характер химической реакции. Соотнеся буквы латинского алфавита с химическими элементами периодической таблицы Менделеева, читатель приходит к выводу, что речь идет о реакции с участием фосфора и кислорода, то есть об окислении фосфора. Как следствие, следующим ожидаемым шагом является предположение, что в здании, о котором идет речь, происходит сжигание фосфоросодержащих продуктов.

На этом этапе интерпретации потенциал эксплицитных смыслов, реализованных в данном текстовом фрагменте, можно считать исчерпанным, а все дальнейшие шаги, которые предпринимает читатель по извлечению дополнительной информации из текста, связаны уже с уровнем имплицитных смыслов. Так, на основании информации о том, что максимальное содержание фосфора присутствует в костях биологических организмов, читатель может сделать предположение о том, что здание, описываемое в романе, представляет собой крематорий, и это предположение находит свое подтверждение в будущем контексте (*phosphorus recovery, more than a kilo and a half per adult corpse*). Таким образом, информация о пентаоксиде фосфора относится к уровню эксплицитных смыслов, тогда как предположения о предназначении описываемого в романе здания или догадки относительно дальнейшего использования восстановленного фосфора составляют сферу имплицитного смысла и

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст Huxley A. *Brave new world and Brave new world revisited*. London, 1984.

могут быть описаны как некое поле возможных вариантов интерпретации. Например, дальнейшее использование пентаоксида фосфора читатель может связать с производством удобрений или синтезом ортофосфорной кислоты, что ведет к актуализации в сознании или представлений о рациональном способе ведения сельского хозяйства или сведений о передовых технологиях в пищевой промышленности соответственно.

Аналогичным образом функционируют в художественном тексте прецедентные имена науки и производные от них, представляющие собой авторские неологизмы, что может быть проиллюстрировано следующим примером.

The D.H.C. and his students stepped into the nearest lift and were carried up to the fifth floor. INFANT NURSERIES. NEO-PAVLOVIAN CONDITIONING ROOMS, announced the notice board.

The swiftest crawlers were already at their goal. Small hands reached out uncertainly, touched, grasped, unpetaling the transfigured roses, crumpling the illuminated pages of the books. The Director waited until all were happily busy. Then, "Watch carefully," he said. And, lifting his hand, he gave the signal.

The Head Nurse, who was standing by a switchboard at the other end of the room, pressed down a little lever. There was a violent explosion. Shriller and ever shriller, a siren shrieked. Alarm bells maddeningly sounded. The children started, screamed; their faces were distorted with terror.

«And now,» the Director shouted (for the noise was deafening), «now we proceed to rub in the lesson with a mild electric shock».

«Observe,» said the Director triumphantly, «observe». Books and loud noises, flowers and electric shocks – already in the infant mind these couples were compromisingly linked; and after two hundred repetitions of the same or a similar lesson would be wedded indissolubly. What man has joined, nature is powerless to put asunder.

«They'll grow up with what the psychologists used to call an 'instinctive' hatred of books and flowers. Reflexes unalterably conditioned. They'll be safe from books and botany all their lives» (Huxley, 1984).

Языковая единица нео-Pavlovian, образованная от прецедентного имени русского ученого-физиолога И.П. Павлова, является критически важной для правильной интерпретации смысла, заложенного автором. Однако для реализации первого этапа понимания читатель может вполне обойтись и без установления связи между данным языковым знаком и именем известного ученого, ограничившись обращением к семантике приставки *neo*. Ее эффективность как экспрессивного

средства объясняется наличием множества терминов, построенных по схожей модели (неокантианство, неогумбольдианство, неоплатоники и т.п.), которые используются для обозначения научной дисциплины, школы или направления, базирующегося на широко распространенном учении, но являющегося в достаточной степени оригинальным, чтобы заявить о своей самостоятельности.

В рассматриваемом текстовом фрагменте этой базой выступает учение академика И.П. Павлова об условных рефлексах, или реакциях, которые организм вырабатывает в связи с изменениями окружающей среды, полученными знаниями и т.п. Широко известен эксперимент в ходе которого у собак вырабатывался условный рефлекс в виде выделения слюны при включении лампочки, которое первоначально сопровождалось получением пищи, даже при отсутствии пищевого поощрения. Новизна "неопавловского" подхода легко расшифровывается читателем благодаря ближайшему окружению прецедентного имени (*infant nurseries*), которое указывает на то, что в экспериментах, подобным тем, что проводил в свое время академик И.П. Павлов, участвуют дети.

После актуализации в сознании читателя информации об учении академика И.П. Павлова концепты, стоящие за лексическими единицами *infant*, *neo*, *Pavlov* и *conditioning*, сливаются по замыслу автора в единый образ эксперимента, в котором условные рефлексы прививаются детям. Благодаря этому образу читатель переосмысливает предыдущие контексты, интегрируя полученную информацию в целостную картину мира изображенной в романе антиутопии, отличающейся от привычного читателю мира как путем развития научной мысли, так и морально-этическими нормами.

Будущие контексты, в которых сначала описывается ход эксперимента, а затем студенты получают необходимые объяснения, так же полностью соответствуют ожиданиям читателя, адаптирующего свои знания о собаке Павлова применительно к новому объекту. Может создаться впечатление, что при интерпретации данного текстового фрагмента задействуется один из самых простых механизмов понимания, понимание по аналогии: в классическом эксперименте имеет место цепочка «кормление – включение лампочки – выделение желудочного сока», тогда как в романе О. Хаксли ей соответствует цепочка «книги / цветы – громкий звук / электрический ток – устойчивое отрицательное отношение к книгам и цветам». Однако пояснения, которые следуют по окончании эксперимента (*what man has joined, nature is powerless to put asunder; reflexes unalterably conditioned*), содержат заведомо

неверную информацию, противоречащую реально существующему научному знанию. Так, не менее чем за двадцать лет до написания романа, было экспериментально установлено, что только безусловные рефлексы у человека являются вечными и нестираемыми, тогда как любой условный рефлекс у психически здорового человека утрачивается, если ситуация, на которую выработан рефлекс, не повторяется некоторое время. Таким образом, научное понятие «условный рефлекс» интегрируется в концептуальное пространство художественного текста в намеренно искаженной автором форме, что усиливает эффект непохожести мира, знакомого читателю, и мира, созданного воображением автора.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод том, что формой организации специального научного знания в концептуальном пространстве художественного текста является многогранный концепт, аккумулирующий информацию принадлежащую как научной, так и иным картинам мира, включенный в сложную систему отношений с другими ментальными образованиями и актуализирующийся посредством употребления автором художественного текста имени концепта в некотором окружении, которое и определяет направление интерпретативной активности читателя. Как следствие, процедуры интерпретации художественного текста, в пространстве которого находят свою реализацию специальные научные знания, представляют собой сложный когнитивный феномен, комплексное исследование которого предполагает разработку соответствующего терминологического и методологического аппарата.

Литература

- Барт Р. S/Z. М., 2001.
Валери П. Об искусстве. М., 1993.
Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
Елизарова Л.Н. Терминологические и художественные новообразования в функциональном аспекте (на материале произведений современной научной фантастики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1992.
Разоренов Д.А. Термин в современном художественно произведении (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Список источников

- Huxley A. Brave new world and Brave new world revisited. London, 1984.

References

- Bart R. S/Z [S/Z]. Moskva, 2001.
Valeri P. *Ob iskusstve* [About Art]. Moscow, 1993.
Gadamer G.G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Topicality of the Beautiful]. Moskva, 1991.
Elizarova L.N. *Terminologicheskie i khudozhestvennye novoobrazovaniya v funktsional'nom aspekte (na materiale proizvedeniy sovremennoy nauchnoy fantastiki)* [Terminological and Literary Neologisms in the Functional Aspect (a case study of modern science fiction texts)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Orel, 1992.
Razorenov D.A. *Termin v sovremenном khudozhestvenno proizvedenii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Scientific Term in the Modern Literary Text (a case study of the English language)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moskva, 2006

List of sources

Huxley A. *Brave new world and Brave new world revisited*. London, 1984.

ТЕКСТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ КАК ЖАНР ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ДОКУМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

М.Э. Мосесова

Ключевые слова: текст, право, международные конвенции, структура, перформативность, юридический дискурс, английский язык.

Keywords: text, law, international conventions, structure, performativity, legal discourse, English.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-14

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений лингвистических исследований является комплексный анализ речевой деятельности в сфере профессионального общения. Лингвистика последних десятилетий насчитывает множество работ, затрагивающих проблему изучения специфики различных типов дискурса, а также особенностей вербализации и репрезентации в языке целого ряда

когнитивных процессов и явлений [Абишева, Никитина, 2004; Палашевская, 2012; Ширяева, Авшаров, 2018 и т.д.].

Коммуникация в области юриспруденции, уникальность и неповторимость юридического дискурса выступают одной из наиболее острых и злободневных тем обсуждения в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых (см. в частности: [Tiersma, 1999; Mattila, 2013; Колесникова, 2007; Косоногова, 2008] и др.). Повышенный интерес специалистов к указанной области знания вполне оправдан, поскольку именно сфера права во множестве своих аспектов является главным регулятором жизнедеятельности отдельно взятого человека, государства и общества в целом.

В фокусе внимания настоящей статьи находятся англоязычные тексты международных конвенций, их структурные особенности и ключевые элементы, а также языковые механизмы актуализации категориального значения перформативности в контексте каждого звена структуры.

Согласно словарным дефинициям, термин «международные конвенции» означает: 1) «Конвенции международные (от лат. conventio – соглашение) в широком смысле слова – любое международное соглашение, устанавливающее взаимные права и обязанности государств, ратифицировавших его. Однако, как правило, Конвенции международные называют международные соглашения, регулирующие отношения между государствами в какой-либо специальной области» [Большая советская энциклопедия, URL]; 2) «Конвенции международные – одно из распространенных названий многосторонних международных договоров. Большинство конвенций международных заключается по специальным вопросам экономического, юридического и гуманитарного характера» [Большой юридический словарь, URL].

Фактический материал выборки из 100 англоязычных правовых документов позволяет нам полагать, что тексты международных конвенций обладают четкой структурой, в состав которой входят несколько обязательных элементов, логически связанных между собой. Рассмотрим подробнее каждое из звеньев структуры на примере двух документов из выборки, а именно: *Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction* и *United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods*.

Первым, весьма емким и одновременно информативным элементом структуры текста международной конвенции является наименование, в котором фиксируется название правового документа.

а) наименование:*C115 – Radiation Protection Convention;**C138 – Minimum Age Convention;**C029 – Forced Labour Convention.*

Как показывают примеры, первый элемент структуры документа фиксирует лишь его название, аспект перформативности в контексте данного звена текста конвенции отсутствует. Однако, несмотря на краткость, наименование конвенции на прагматическом уровне выполняет информирующую функцию, сводящуюся к тому, что заголовочный комплекс заранее определяет и четко вербализует сферу применения и объект правового регулирования. Помимо этого, в названии содержится некий шифр, состоящий из заглавной буквы «С» от английского слова «Convention» и порядкового номера соответствующего соглашения в общей классификации конвенций.

Второй элемент структуры англоязычных текстов международных конвенций – преамбула.

б) преамбула:4) *Preamble**The States Parties to this Convention,*

Bearing in mind the broad objectives in the resolutions adopted by the sixth special session of the General Assembly of the United Nations on the establishment of a New International Economic Order,

Considering that the development of international trade on the basis of equality and mutual benefit is an important element in promoting friendly relations among States,

Being of the opinion that the adoption of uniform rules which govern contracts for the international sale of goods and take into account the different social, economic and legal systems would contribute to the removal of legal barriers in international trade and promote the development of international trade,

Have agreed as follows: (United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods).

В примере (4) представлен фрагмент преамбулы Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Как видно из текста, преамбула содержит информацию об участниках соглашений, дате и месте принятия документов. Помимо этого, звучит мысль о чрезмерной значимости повестки обсуждения в контексте всего мирового сообщества, а также о целесообразности и острой необходимости внесения поправок в давно существующие законодательные акты и разработки новых положений в соответствующей Конвенции. С точки зрения языкового наполнения,

для преамбулы характерно наличие комбинаций с *причастиями* (*Considering, Bearing in mind, Being of the opinion*), при этом обращает на себя внимание тот факт, что графически каждый пункт оформлен отдельной строкой, сопровождается пробелом и выделением курсивом глагольных конструкций типа *Considering, Bearing in mind, Being of the opinion*. На наш взгляд, все это носит преднамеренный характер, поскольку, с одной стороны, подчеркивается весомость каждой позиции, а, с другой – в очередной раз подтверждается постулат о четком соблюдении определенного регламента и процедуры официальной коммуникации в юридической сфере.

Следующий элемент структуры – основная часть, состоящая из терминов и определений, разделов, статей, частей, глав.

в) основная часть:

ARTICLE I
GENERAL OBLIGATIONS

1. Each State Party to this Convention undertakes never under any circumstances:

(a) To develop, produce, otherwise acquire, stockpile or retain chemical weapons, or transfer, directly or indirectly, chemical weapons to anyone;

(b) To use chemical weapons;

(c) To engage in any military preparations to use chemical weapons;

(d) To assist, encourage or induce, in any way, anyone to engage in any activity prohibited to a State Party under this Convention.

2. Each State Party undertakes to destroy chemical weapons it owns or possesses, or that are located in any place under its jurisdiction or control, in accordance with the provisions of this Convention...

ARTICLE II
DEFINITIONS AND CRITERIA

For the purposes of this Convention:

1. «Chemical Weapons» means the following, together or separately:

(a) Toxic chemicals and their precursors, except where intended for purposes not prohibited under this Convention, as long as the types and quantities are consistent with such purposes;

(b) Munitions and devices, specifically designed to cause death or other harm through the toxic properties of those toxic chemicals specified in subparagraph (a), which would be released as a result of the employment of such munitions and devices;

(c) *Any equipment specifically designed for use directly in connection with the employment of munitions and devices specified in subparagraph (b) <...>* (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction).

Представленный пример основной части международной конвенции затрагивает проблемы использования химического оружия и четко вербализует обязательства стран-участниц соглашения (*never to develop, produce, acquire, stockpile, retain, transfer, use chemical weapons; to destroy chemical weapons*), а также содержит трактовку ключевых терминов и определений («*Chemical weapons*»). Вновь обращает на себя внимание факт употребления целого ряда глагольных конструкций, с которыми собственно и ассоциируются те или иные действия, а также их графическое оформление в отдельный пункт, что, безусловно, подчеркивает важность каждой позиции и критичность выполнения всех заявленных предписаний. Применительно к данному элементу структуры документа отметим, что, на наш взгляд, главным языковым средством, реализующим значение перформативности, выступают конструкции с *инфинитивом* (*to develop, produce, acquire, stockpile, retain, transfer, use, to destroy* и др.).

За основной частью документа следует заключительная часть, в которой фиксируются условия и процедура подписания конвенции.

г) заключительная часть:

ARTICLE XVIII
SIGNATURE

This Convention *shall be open for signature for all States* before its entry into force.

ARTICLE XIX
RATIFICATION

This Convention *shall be subject to ratification* by States Signatories according to their respective constitutional processes.

ARTICLE XX
ACCESSION

Any State which does not sign this Convention before its entry into force *may accede to it at any time thereafter.*

ARTICLE XXI
ENTRY INTO FORCE

1. This Convention *shall enter into force 180 days after the date of the deposit of the 65th instrument of ratification*, but *in no case earlier than two years after its opening for signature.*

2. For States whose instruments of ratification or accession are deposited subsequent to the entry into force of this Convention, it ***shall enter into force on the 30th day following the date of deposit of their instrument of ratification or accession*** ... (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction).

В данной части актуализируются все необходимые требования и четкие условия для принятия и подписания соглашения. Показательно, что заключительная часть конвенции детально прописывает все сроки и даты вступления в силу того или иного правового документа. Исходя из результатов анализа языкового материала, приходим к выводу, что наиболее распространенным средством вербализации значения перформативности в контексте данного элемента структуры конвенции выступают конструкции с модальными глаголами *shall / may (shall be subject to ratification, shall enter into force, may accede)*.

Наконец, последний элемент структуры текста международной конвенции – приложение.

д) приложения – заявления, оговорки, графические материалы и прочее.

Приведенный ниже фрагмент приложения конвенции передает информацию о международной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности и представляет собой таблицу данных. Примечательно то, что аспект перформативности в контексте данного фрагмента приложения к тексту конвенции отсутствует.

ANNEX
INTERNATIONAL STANDARD INDUSTRIAL CLASSIFICATION OF
ALL ECONOMIC ACTIVITIES (Revision 4)*
Section A. Agriculture, Forestry and Fishing

<i>Division</i>	<i>Description</i>
<i>01</i>	<i>Crop and animal production, hunting and related service activities</i>
<i>02</i>	<i>Forestry and Logging</i>
<i>03</i>	<i>Fishing and aquaculture</i>

Как правило, именно приложения к конвенциям четко выявляют и вербализуют тот факт, что для полного понимания и осознания всей содержащейся в конвенции информации необходимы дополнительные усилия и вовлеченность в процесс профессиональных участников

коммуникации, поскольку общих знаний и представлений из области только юридических наук недостаточно.

Итак, охарактеризовав кратко структурные элементы англоязычных текстов международных конвенций, подчеркнем, что перформативность, выступающая объектом наших исследовательских интересов, и являющаяся, по мнению многих ученых (см. в частности: [Morawski, 1999; Попова, 2005; Федулова, 2010; Черданцев, 2012; Губаева, 2015] и др.), неотъемлемым атрибутом юридического дискурса, имеет различную долю репрезентативности в масштабе выборки: в пределах обозначенных звеньев структуры наиболее загруженной, с точки зрения наличия перформативных высказываний, является *основная часть* правовых документов. Подобная закономерность определяется как прагматикой текстов международных конвенций (актуализация целей и задач соглашения), так и ее функциональными особенностями (четкая вербализация прав и обязанностей каждой из сторон соглашения).

Изучив жанр англоязычных текстов международных конвенций, приходим к выводу о том, что язык правовых документов в целом и текстов международных конвенций в частности имеет свою специфику и уникальность, сводящуюся к актуализации четких установок, конкретных требований и условий. В рамках статьи нами были рассмотрены ключевые структурные элементы обозначенных документов, выявлено, что каждый элемент имеет свое предназначение. Более детальное изучение особенностей коммуникации в сфере права должно, на наш взгляд, стать объектом дальнейших научных исследований.

Литература

- Абишева Н.М., Никитина С.А. Общие особенности юридического дискурса // Проблемы и перспективы. М., 2004.
- Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bse.slovaronline.com>.
- Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://juridical.slovaronline.com>.
- Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2015.
- Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
- Косоногова О.В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. № 3.

Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград, 2012.

Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.

Федулова М.Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.

Ширяева Т.А., Авшаров А.Г. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1 (54).

Mattila H. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. Ashgate Publishing, 2013.

Morawski L. Law, Fact and Legal Language // Law and Philosophy. 1999. № 18 (5).

Tiersma P.M. Legal Language. Chicago, 1999.

References

Abisheva N.M., Nikitina S.A. *Obshchie osobennosti yuridicheskogo diskursa* [General Features of Legal Discourse]. *Problemy i perspektivy* [Problems and Prospects]. Moskva, 2004.

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. [Great Soviet Encyclopedia]. URL: <https://bse.slovaronline.com>.

Bol'shoy yuridicheskij slovar'. [Big Legal Dictionary]. URL: <https://juridical.slovaronline.com>.

Gubaeva T.V. *Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatel'nosti* [Language and Law. The Art of Mastering the Word in Professional Legal Activity]. Moskva, 2015.

Kolesnikova L.V. *Yuridicheskij diskurs kak rezul'tat kategorizatsii i kontseptualizatsii deystvitel'nosti: na materiale predmetno-terminologicheskoy oblasti «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo»* [Legal Discourse as a Result of Categorization and Conceptualization of Reality: on the Material of the Subject-terminological Field «Private International Law»]. Cand. of Philol. Diss. Stavropol', 2007.

Kosonogova O.V. *Yuridicheskij diskurs: lingvopragmatika imeni sobstvennogo* [Legal Discourse: Linguopragmatics of the Proper Name]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya* [Knowledge. Understanding. Skill. Problems of Philology, Cultural Studies and Art History]. 2008. № 3.

Palashevskaya I.V. *Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost'* [Judicial Discourse: Functions, Structure, Narrativity]. Volgograd, 2012.

Popova L.E. *Yuridicheskij diskurs kak ob'ekt interpretatsiy: semanticheskij i pragmaticheskij aspekt* [Legal Discourse as an Object of Interpretation: Semantic and Pragmatic Aspect]. Cand. of Philol. Diss. Krasnodar, 2005.

Fedulova M.N. *Pragma-semanticheskie aspekty kontseptualizatsii leksicheskikh edinit v yuridicheskom diskurse: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov* [Pragma-semantic Aspects of the Conceptualization of Lexical Units in Legal Discourse: on the Material of the English and Russian Languages]. Cand. of Philol. Diss. Moskva, 2010.

Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logical-linguistic Phenomena in the Law]. Moskva, 2012.

Shiryayeva T.A., Avsharov A.G. *Sotsiokognitivnoye modelirovanie kak metodologicheskaya osnova izucheniya delovogo diskursa* [Socio-cognitive Modeling as a

Methodological Basis for Studying Business Discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2018. № 1 (54).

Mattila H. *Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas*. Ashgate Publishing, 2013.

Morawski L. Law, Fact and Legal Language. *Law and Philosophy*. 1999. № 18 (5).

Tiersma P.M. *Legal Language*. Chicago, 1999.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ОБЩНОСТЬ ЭПИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО НАРОДОВ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Н.А. Хубитдинова, Г.В. Юлдыбаева, Л.Х. Мухаметзянова

Ключевые слова: экспедиция, фольклор, диалог культур, духовное наследие, башкиры, татары, Курганская область, рукописная книга.

Keywords: expedition, folklore, dialogue of cultures, spirituality heritage, Bashkirs, Tatars, Kurgan Oblast, hand-written book.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-15

Диалог культур является актуальной темой в современной гуманитарной науке. Потребность в такой межэтнической коммуникации продиктована временем – процессами всемирной глобализации, когда появилась опасность исчезновения уникальных, самобытных национальных духовных ценностей, культурных традиций. Только путем взаимосвязи и взаимообмена, диалога есть возможность сохранить вековые знания, обычаи и традиции как отдельного народа, так и родственных этнических групп. Актуальность представленной в статье темы заключается в попытке изучить эти связи, которые позволяют выявить и исследовать в сравнительно-сопоставительном ключе народные эпические памятники (башкирские эпосы, кубайры или иртэки, баиты и татарские дастаны). Кроме того, интерес представляют малые жанры фольклора – песни, свадебные причитания – сенляу, частушки-такмаки, загадки, краткие юмористические, новеллистические рассказы – лакап и др. Выявление этих памятников и произведений других жанров за пределами национальных республик, административной территории их современного проживания, усиливает значимость избранной темы. Целесообразным в этом отношении является проведение экспедиционных исследований в Курганской области РФ, где компактно и в тесной взаимосвязи проживают башкиры и татары. Для изучения современного состояния национального фольклора была

организована очередная научная комплексная экспедиция в Курганскую область при финансовой поддержке РФФИ и Правительства республики Башкортостан в рамках научного проекта № 18-412-020006 р_а «Межрегиональные контакты и диалог культур в материалах фольклорно-археографических экспедиций в регионах РФ», что является первым опытом работы в данном направлении. Не претендуя на окончательность выводов, в данной статье осуществлен обзорный анализ результатов экспедиционного исследования.

В устно-поэтическом духовном наследии башкир и татар, в силу общности их исторического прошлого, языковой группы и тесного контакта, имеется много общих традиций, фольклорных жанров. Как показывает история экспедиционного изучения фольклора башкир и татар Курганской области, особой популярностью пользовались такие эпосы, как «Кузыйкурпес и Маян-хылу», «Бузьегет», «Тахир и Зухра», баит «Сак-Сук», а также произведения письменной литературы средневековья, которые перешли в устную форму бытования, приняв вид фольклора, которым является «Йософ киссахи» («Кисса о Йусуфе»). Последнее является производным текстом поэмы средневекового поэта Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» (1212), также являющаяся общим культурным достоянием народов Урало-Поволжья [Хубитдинова, 2016, с. 39-40].

Курганская область – это историческая земля башкир, где ныне проживают представители ялан-катайского, табынского, айлинского родов и племен. Поэтому в эти края в разные годы были организованы фольклорно-этнографические экспедиции, во время которых был собран богатый материал. Еще в 20-30-х годах прошлого столетия в журнале «Башкорт аймагы» Сайфуллой Салимовым, учителем из деревни Зайникаево Ялан-Катайского кантона Республики Малый Башкортостан (ныне Альменевский район Курганской области), был опубликован 21 текст башкирских народных протяжных песен «Буягым хан», «Салават», «Кахым-тюря», «Шарафетдин».

Первая научная экспедиция была осуществлена в 1927 году Академцентром (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН), в ходе ее также были записаны песни. В 1961, 1970, 1985, 1986, 2010-х годах сотрудники института этого же научного центра, а также студенты Башкирского государственного университета вновь и вновь избирали объектом комплексного исследования данный регион. Среди песен, легенд и преданий, обрядов и обычаев ими были записаны «Кузыйкурпес и Маян-хылу», «Бузьегет», «Тахир и Зухра», «Йусуф китабы» («Книга Йусуфа») и т.д., которые позже были включены в многотомный свод «Башкирское народное творчество» [Башкирское народное творчество... , 1998; Башкирское народное творчество... , 1999].

Курганская область, также ставшая родиной и для татар, привлекает к себе пристальное внимание и казанских коллег. Ими, в частности, были обнаружены татарские версии вышеупомянутых эпосов. Коллектив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан с 1939 года занимается сбором и подготовкой к изданию татарского культурного наследия. Они и сегодня ежегодно выезжают в комплексные экспедиции с целью изучения проблем межкультурного и межнационального

общения татар с другими народами. Во время фольклорных выездов в Курганскую область ими были записаны ряд образцов эпического творчества. Собранные материалы по татарскому народному творчеству сегодня хранятся в фондах Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, часть из них вошла в многотомный свод «Татарское народное творчество». Казанскими фольклористами еще в 1960-70-х и последующих годах были записаны и введены в научный оборот такие дастаны, как «Кузы-Курпес и Баянсылу», «Сайфульмулюк», «Йусуф китабы», «Тахир и Зухра», «Буз егет» и др., а также эпические образцы фабульного характера или эпические песни из дастанов [Мухаметзянова; Татарское народное творчество..., 1984], известные также башкирскому народному творчеству. Среди прочего особой популярностью пользовался общеизвестный эпос-дастан «Кузыйкурпес и Маян-хылу».

Как известно, варианты татарской версии эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу» о несчастной любви двух обрученных еще в колыбели героев практически ничем не отличается от версий эпоса, известных у других тюркских народов – башкир, казахов, алтайцев. Финал у всех практически схож: сперва от злых и коварных рук гибнет Кузыйкурпес, затем кончает жизнь самоубийством его невеста Маян и падает замертво рядом с любимым.

Однако из истории фольклорных экспедиций в Курганскую область также известна фиксация этого же эпоса со счастливым концом. Так, в одном тексте эпоса, записанном во время комплексной экспедиции в этот регион в 1985 году ученым Ахметом Сулеймановым от информанта Казанбаевой Махифайрузы (73 года) из деревни Байгана Альменевского района области, финал не трагичный, как обычно, а счастливый. 118-летняя жительница деревни Сарт-Абдрашево Афлятунова Бадерниса-инэй, рассказав этот же сюжет эпоса, обозначила его как иртэк с тем же счастливым концом. Это заставило исследователя признать его не как вариант эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу», а как ялан-катайскую версию (в башкирской филологической науке уже известны такие версии, как «версия Т. Беляева», «версия Мажита Гафури»). Следовательно, концовка вариантов версий эпоса не всегда однозначна [Сулейманов, 2008, с. 42-44]. Во время другой экспедиции, осуществленной в эти края через 25 лет, ни среди татар, ни среди башкир данный эпос не был зафиксирован полностью. Согласно материалам фольклорных экспедиций известно, что эпос хранится в памяти народа лишь в его фабульной форме. Зачастую информанты не помнят финала, что затрудняет понимание того, счастливым или несчастным, трагическим он был [Мухаметзянова; Юлдыбаева]. Во время экспедиции, организованной в Курганскую область в этом году в рамках упомятого гранта, лишь в одной деревне, а именно в Абулгаево Сафакулевского района нам удалось записать вариант известного эпоса. Жительница деревни Сайтова Фарзана Рахимьянована передала собственную обзорную интерпретацию сюжета эпоса, где сохранилась лишь его художественная идея.

В целом сюжет о несчастной любви двух молодых сердец популярен в фольклоре и литературе Востока и Запада. Сходство сюжетов в фольклоре разных народов говорит о возможности заимствования и совпадения в

результате непосредственного творческого процесса, развившегося в единых политических, социально-экономических и культурно-бытовых условиях. Однако какие-то детали, специфика быта, особый природный нрав, особая историческая обстановка (например, история башкир богата кровавыми восстаниями за свободу и независимость родной земли и т.д.) помогают раскрыть самобытную культуру народа, его мировоззрение и мироощущение [Бродячие сюжеты..., URL]. Так, в одном из вариантов татарской версии известен мотив «неуязвимого места» Кузыйкурпеса, когда он имеет неуязвимое колено, повреждение которого ведет к гибели. В данном случае порождается интертекстуальная отсылка к древнегреческому мифу о неуязвимой пятке Ахиллеса («Ахиллесова пята»). Но подобный мотив пока не найден среди башкирской версии памятника. В то же время и в башкирской и в татарской версии эпоса говорится о наличии светящейся звезды на лбу Кузыйкурпеса, по которой возлюбленная узнала его. Егет – юноша скрывал свою метку от посторонних глаз головным убором. Данная ситуация также вызывает аллюзию на «Кисса-и Йусуф» Кул-Гали, киссу «Бузьегет», где главный герой свою чудесную метку – неземную красоту – укрывал шелковым покрывалом и т.д. Сходства и различия в мотивах и образах, которые обнаруживаются в различных эпических памятниках татар и башкир, говорят не только о заимствованиях, но и о межнациональном диалоге культур. Это явственнее всего ощущается при исследовании национального материала в том регионе, где народы проживают вне своих этнических территорий – республик в данном случае – а именно в Курганской области.

Во время экспедиции в Сафакулевском районе Курганской области удалось обнаружить своеобразную интерпретацию одного из вариантов татарской версии дастана «Юсыф – Зулейха», в сюжетную ткань которого вклинилась сюжетная линия из другого общетюркского памятника «Китабы дэдэм Коркут» («Книга моего деда Коркута») [Мухаметзянова]. Такие процессы также являются результатом межэтнического общения, диалога культур, в который включались многие тюркские народы, башкиры и татары в том числе.

Частичная сохранность, переплетение с сюжетами других произведений или полное стирание объемных эпических произведений из памяти народа можно было бы связать с историческим временем, внедрением в нашу жизнь новых электронных, цифровых технологий, расширением самообразовательной деятельности. Если в 1980-е и в более ранние годы такой крупный жанр как эпос еще можно было услышать от населения, то сегодня современные информационные коммуникационные средства (газеты и журналы, затем радио, позже телевидение, интернет) начали вытеснять обычаи устного общения, рассказывания молодых сказок, легенд, эпоса. Сегодня на вопрос «Знаете ли такое произведение, как “Кузыйкурпес и Маян-хылу”?» многие информанты отвечают, что когда-то слышали от бабушек, но не помнят о чем оно. Возраст современных информантов – это 60-70 лет, изредка можно еще встретить 90-летних долгожителей. Многих из тех, кто давал ценный материал во время фольклорной экспедиции 2010 года, сегодня, к сожалению, уже нет в живых. Известное изречение советской эпохи о фольклоре как о неиссякаемом источнике сегодня, видимо, не оправдывает себя. Народ живет своей размеренной жизнью с соблюдением ряда бытовых обрядов и обычаев, о чем свидетельствуют записанные

фольклорные и этнографические материалы. Среди малых жанров чаще были зафиксированы свадебные причитания – сенляу, религиозные стихи – мунаджаты, песни, как протяжные, так и короткие, такмаки, загадки, пословицы, образцы суеверных верований, а также ритуалы по вызыванию или прекращению проливных дождей и т.д. С возрождением исламских традиций в стране в целом и в Курганской области в частности в народе стали возобновлять традицию исполнения уже упомянутых религиозных стихов мунаджатов, которые передаются сегодня, как любой фольклорный образец, из уст в уста, либо записываются друг у друга и исполняются на распев во время поминальных трапез. В Республике Башкортостан даже организывают и проводят конкурсы лучших исполнителей мунаджатов. То же можно встретить и среди татарского населения, в тесном контакте с которым живет и башкирское, что, в целом, приводит к заимствованиям друг у друга как самих текстов религиозных стихов, так и манеры исполнения.

Исследование локальных этнокультурных явлений позволяет выявить единое культурное целое, заключенное в общетюркский культурный контекст. Изучение эволюции и трансформации фольклорных материалов с учетом не только историко-культурного опыта одного этноса, но и результатов общения пусть и близких, но в то же время разных культур – башкир и татар, в свою очередь, позволяет раскрыть своеобразие, самобытность и общечеловеческое в духовной картине мира народа. Эпические памятники, записанные из уст информантов обозначенного региона, важны как общечеловеческое нематериальное духовное достояние и служат ценным источником для углубленного изучения истории тюрков в сравнительном аспекте и в контексте Евразийской цивилизации в целом.

Таким образом, межрегиональная экспедиция в Курганскую область, осуществленная уфимскими учеными совместно с казанскими исследователями, выявила богатый материал образцов устного и письменного народного творчества башкир и татар. Обнаруженные эпические памятники, варианты версий которых широко известны как этим народам, так и тюркскому миру в целом, а также поэтические образцы обрядовой поэзии, свадебных, бытовых традиций говорят о многом. В частности, схожесть эпоса, песенных, поэтических сопровождаемых обрядов бытового характера, мунаджатов, такмаков, загадок, пословиц и поговорок в Курганской области говорит о наличии межкультурного диалога и общности духовного наследия башкир и татар. В этом заключается значимость межрегиональной комплексной экспедиции. А полученные результаты еще требуют более тщательного отдельного анализа и переосмысления. Изучение материалов по национальному фольклору позволит раскрыть и утвердить межкультурные и межнациональные связи, диалог культур тюркских народов в целом и башкир и татар в частности в поликультурном пространстве. Исследование и введение в научный оборот вновь найденных образцов позволит сохранить общее культурное достояние народов, являющееся результатом многотрудного опыта предков, сформировавшегося в течение многих эпох. Однако в рамках лишь одной статьи невозможно в полной мере углубленно отразить и продемонстрировать все особенности и значимость полученных во время нынешней экспедиции результатов. Данная статья является лишь началом исследования исторически сложившихся межрегиональных контактов и диалога

культур в материалах фольклорных экспедиций в регионах РФ, первым из которых стала Курганская область.

Литература

Башкирское народное творчество: Эпос / Сост. А.М. Сулейманов; авт. вступит сл. М.М. Сагитов. Уфа, 1998. Т. 3.

Башкирское народное творчество: Эпос / Сост., авт. вступит сл., ком. М.М. Сагитов, Б.С. Баимов. Уфа, 1999. Т. 4.

Бродячие сюжеты в мировом фольклоре [Электронный ресурс]: URL: <https://studfiles.net>.

Мухаметзянова Л.Х. Курганские татары (по экспедиционным материалам) [Рукопись]: материалы из личного архива.

Сулейманов А.М. О том, как 118-летняя Бадерниса-инэй поспособствовала возвращению в науку термина «иртек» // Фольклор курганских (ялан-катайских) башкир. Уфа, 2008.

Татарское народное творчество: Дастаны / Сост., авт. вступ. сл. Ф.В. Ахметова. Казань, 1984.

Хубитдинова Н.А. Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII – нач. XX в.). Уфа, 2016.

Юлдыбаева Г.В. Фольклорные материалы курганских башкир (по экспедиционным материалам) [Рукопись]: материалы из личного архива.

References

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Epos [Bashkir Folk Art: Epic]. Ufa, 1998. Vol. 3.

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Epos [Bashkir Folk Art: Epic]. Ufa, 1999. Vol. 4.

Brodyachie syuzhety v mirovom fol'klore [Wandering Scenes in World Folklore]. URL: <https://studfiles.net> (accessed 14.06.2018).

Muhametzyanova L.H. *Kurganskije tatory (po ekspedicionnym materialam)* [Rukopis'] : *materialy iz lichnogo arhiva* [Kurgan Tatars (for expedition materials) [Manuscript]: materials from the personal archive].

Sulejmanov A.M. *O tom, kak 118-letnyaya Badernisa-inej posposobstvovala vozvrashcheniyu v nauku termina «irtek»* [About How 118-year-old Badner-Hind Contributed to the Return to Science of the Term «Irtek»]. *Fol'klor kurganskih (yalan-katajskih) Bashkir* [Folklore of Kurgan (Yalan-Katai) Bashkirs]. Ufa, 2008.

Tatarskoe narodnoe tvorchestvo: Dastany [Tatar Folk Art: Dastany]. Kazan', 1984.

Hubbitdinova N.A. *Fol'klor v bashkirskoj literature: hudozhestvenno-esteticheskij aspekt (XIII – nach. XX v.)* [Folklore in Bashkir Literature: Artistic and Aesthetic Aspect (XIII - beginning of XX centuries)]. Ufa, 2016.

Yuldybaeva G.V. *Fol'klornye materialy kurganskih bashkir (po ekspedicionnym materialam)* [Rukopis'] : *materialy iz lichnogo arhiva* [Folklore Materials of the Kurgan Bashkirs (on expeditionary materials) [Manuscript]: materials from the personal archive].

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ XXI ВЕКА (рецензия на учебно-методический комплекс Е.И. Зиновьевой «Лингвокультурология: от теории к практике». СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016)

DOI 10.14258/filichel(2019)2-16

Смена общегуманитарной парадигмы со структурной на антропоцентрическую повлекла за собой изменение характера лингвистических исследований и появление новых отраслей изучения языка, среди которых *лингвокультурология*.

Рецензируемый учебник посвящён определению статуса лингвокультурологии как научной дисциплины и раскрытию содержания её базовых понятий. В отличие от других учебников по лингвокультурологии это учебное пособие не только содержит теоретические положения, но и уделяет особое внимание прикладным практическим аспектам этой науки, в частности лингвокультурологической лексикографии – лингвокультурологии.

Актуальность темы обусловлена тем, что лингвокультурология как относительно молодая наука переживает в настоящее время период расцвета, её теоретические положения реализуются в большом количестве диссертаций, монографий, учебников и словарей, в разных странах лингвистами ведётся активное изучение вопросов взаимоотношения языка и культуры, отражения в языке национального менталитета. Автор не только подробно характеризует такие базовые понятия лингвокультурологии, как *менталитет*, *ментальность*, *языковая картина мира* и др., но и приводит интересный иллюстративный материал, рассматривая конкретные фрагменты русской языковой картины мира как производной национального менталитета.

Учебник состоит из пяти разделов, посвящённых ряду важных вопросов, таких как определение, объект, предмет и цель лингвокультурологии; базовые понятия, единицы изучения в лингвокультурологии; словари лингвокультурологического типа. Большое внимание уделяется понятию языковой картины мира, а также национальной специфике единиц изучения в лингвокультурологии и речевому поведению как объекту лингвокультурологии. Всё это необходимо для становления обозначенного

направления лингвистической науки. К каждому разделу прилагаются список литературы и вопросы для закрепления учебного материала.

Представляя теоретические положения, автор освещает разные точки зрения и варианты определений, выдвигаемые различными исследователями, что даёт студентам возможность увидеть полную картину изучаемого вопроса. Так, предлагая в качестве единицы изучения в лингвокультурологии термин *лингвокультурный концепт*, автор приводит и другие точки зрения относительно единиц изучения, поскольку многие исследователи избегают использования термина «концепт» из-за его многозначности. Кроме того, в теоретических главах отдельно представлена справочная информация. Структура учебника полностью подчинена его задачам и позволяет читателю с лёгкостью найти нужные разделы и подразделы, что является важным для учебного пособия.

Определённую ценность представляет собой наглядный иллюстративный материал, представленный на основе исследований, проведённых диссертантами, работой которых руководила автор. Так, в учебнике рассматриваются конкретные фрагменты русской языковой картины мира на фоне аналогичных культурно-лингвистических стереотипов китайского языка. В частности, анализируется фрагмент языковой картины мира, связанный с понятием «времена года». Также в учебнике в качестве иллюстративного примера приводятся результаты диссертационного лингвокультурологического исследования концепта «смех» как лексико-семантического поля.

Интересной и полезной частью учебника представляется обзор опубликованных отечественных словарей лингвокультурологического типа, в котором даётся подробная классификация словарей с рассмотрением структуры и образцов словарных статей. Раздел охватывает все существующие словари лингвокультурологического типа. Общим для этих словарей является то, что в словарных статьях должны находить отражения представления, актуальные для носителей русской лингвокультуры. Для этих довольно разнородных лексикографических изданий автор вводит родовой термин «словарь лингвокультурологического типа». Характеристика словарей этого типа сопровождается подробным описанием их структуры и примерами словарных статей. Один из подразделов посвящён моделям словарных статей учебных лингвокультурологических словарей с подробным анализом.

Данное пособие может быть использовано не только как учебник, но и как справочник, помогающий ориентироваться в научно-исследовательской деятельности по изучению данной проблематики. Книга также может оказаться полезной и для преподавателей, ведущих курс лингвокультурологии в вузах

Рабочая тетрадь «Лингвокультурология: от теории к практике» направлена на проверку усвоенного в процессе обучения материала. Задания различны. Одни задания рассчитаны на проверку уровня усвоения материала (задание о соотношении понятий *лингвокультурология*, *этнолингвистика*, *межкультурная коммуникация* и *когнитивная лингвистика*), другие носят поисковый характер (задание о выделении сходств и различий в толкованиях термина *лингвокультурология*, предложенных разными учёными), третьи

располагают к дискуссии (рецензирование словарных статей лингвокультурологических словарей).

Полагаем, что учебный комплекс Е.И. Зиновьевой «Лингвокультурология: от теории к практике», состоящий из учебника и рабочей тетради, вносит важный вклад в развитие современной теории и практики лингвокультурологии и лингвокультурологии, а также определяет чёткие ориентиры для освоения студентами предмета лингвокультурологии.

М.А. Бредис, О.В. Ломакина

**РАЗДВИГАЯ ГРАНИЦЫ: ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА –
ТУРИЗМ**
**(рецензия на словарь «Литературно-туристический Алтай: топосы
– мифы – имена» / под общ. ред. Е.А. Худенко.
Барнаул: АлтГПУ, 2018)**

DOI 10.14258/filichel(2019)2-17

Геопозитика – очень популярное в последние двадцать лет направление междисциплинарных научных исследований. Без преувеличения можно сказать, что в Алтайском государственном педагогическом университете сложилось мощная научная школа по исследованию геопозитики Алтая под руководством доктора филологических наук, профессора Александра Ивановича Куляпина и заведующей кафедрой литературы доктора филологических наук, профессора Елены Анатольевны Худенко. Коллектив ученых, в состав которого также входят кандидат филологических наук, доцент Татьяна Александровна Богумил и кандидат филологических наук, доцент Наталья Ивановна Завгородняя, успешно реализует уже второй грант в этом научном направлении. Одним из результатов большой работы является вышедшее при совместной грантовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в конце 2018 года издание «Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена» / под общ. ред. Е.А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 178 с.

Словарь, с одной стороны, демонстрирует зрелость научной школы, с другой стороны, показывает возможность связи академической науки с практикой: издание относится к научно-популярным и рассчитано на самый широкий круг аудитории. Оно будет интересно не только филологам или, шире, гуманитариям, но и географам, гидам, туристам, путешественникам, специалистам в области туризма и всем, кто ценит историю, культуру и природу Алтая.

Словарь «Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена» построен по тематическому принципу и представляет собой описание

интересных с туристической точки зрения географических достопримечательностей Алтайского края и республики Алтай в литературных образах.

В соответствии с заглавием он разделён на три части (Топосы, Мифы, Имена), которые внутри организованы уже по алфавитному принципу. Если говорить о топосах, то их перечень небольшой, но достаточно репрезентативный с точки зрения семиотики пространства: Белуха, Горы, Бешпек, Бабырган, Белокуриха, Белый бом, Бия, Катунь, Чуйский тракт. Хотя работа в этом направлении может быть продолжена и дополнена другими значимыми точками литературной карты Алтая, например, Змеиногорск, Новоалтайск, озеро Телецкое и т.д.

Как указывает Е.А. Худенко в предварительных замечаниях «От редактора», одним из принципов, положенных в основание построения словаря, было *«движение (маршрут) от реальных географических объектов (топосов) региона – к мифологически-мистическому Алтаю – к именам знаменитых людей, родившихся или побывавших на Алтае и о нем пишущих. В связи с этим очень значимо, что знакомящийся с достопримечательностями Алтая читатель-путешественник имеет возможность увидеть одно и то же место или событие с разных сторон – так сказать “стереоскопически”.* Географическая реальность Барнаула или Чуйского тракта, Катунь или Белухи в этом ключе обрастает мифологической нереальностью, становясь “двоящейся”» (с. 5). Во второй части словаря возникают мифы, которые можно сгруппировать по двум направлениям: связанные с городом Барнаулом как городом-адам (урбанистические и криминальные мифы, метро, Голубая Дама), и светлые, обусловленные природным образом Алтая – комплекс мифов о Беловодье. Третий раздел словаря представлен краткой биографической справкой и описанием основных вех творчества четырнадцати авторов: В.В. Бианки, В.С. Высоцкий, Г.Д. Гребенщиков, И.А. Ефремов, И.Ф. Жданов, Н.А. Заболоцкий, В.Я. Забурин, К.Г. Паустовский, Р.И. Рождественский, Н.М. Рубцов, В.Г. Шершеневич, В.Я. Шишков, В.М. Шукшин, Н.М. Ядринцев. С точки зрения авторов-составителей словаря, это наиболее знаковые фигуры писателей и поэтов, родившихся или живших на Алтае, или посвятивших ему яркие литературные тексты.

В результате многоаспектного рассмотрения каждого топоса предмет изучения получает ассоциативный, мифологический, символический ореол, «обрастает» семантической глубиной, становится неоднозначным и загадочным, приобретает, кроме реальной, и метафизическую сущность. Такой методологический подход, синтезирующий географический, культурологический и литературоведческий анализ, представляется в издании особенно ценным. При этом, несмотря на сложность и многоаспектность объекта изучения, словарь написан понятным для широкой аудитории языком. Кроме того, несомненным достоинством издания является большой формат, мелованная бумага, обилие и хорошее качество иллюстраций.

Алтай остается неизменным «местом силы» и притяжения не только для жителей Сибири и России, но и иностранцев. В последнее время многие говорят о необходимости расширения туристического кластера Алтая,

развитии и разработке новых туристических маршрутов. На мой взгляд, именно практико-ориентированный характер словаря поможет созданию новых литературно-культурных и туристических маршрутов. Издание может быть востребованным также на уроках по краеведению в школах, полезным в вузах при обучении гидов и специалистов в области культуры и туризма, а филологов – литературному краеведению, в спецкурсах по региональной литературе.

Е.Ю. Сафронова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

М.С. Черепеникова. Итальянские путешествия Гёте и Гоголя. Интертекстуальные параллели (к 270-летию Гёте и 210-летию Гоголя). В статье исследуются интертекстуальные параллели в произведениях Гёте и Гоголя, вдохновлённых итальянскими путешествиями авторов, имеющих эстетическую ориентацию на литературу и культуру Италии. Раннее поэтическое творчество Гоголя, его художественная проза и различные образцы эпистолярного наследия писателя связаны не только с богатой русской литературной традицией, но и со сферой гётевских идей и мотивов. С помощью сравнительного метода исследования рассматривается проблема влияния биографической прозы, романов, лирики и драматургии Гёте на структуру и содержание гоголевских произведений, имеющих итальянскую тематику. Мотивы «второго рождения», «пути», «маски», «карнавала», «народной мысли», порождённые ключевыми для данных писателей концептами «времени и вечности», «искусства и жизни», «личности и общества», имеют корреляции с образом «Вечного города», атмосфера которого позволила Гёте и Гоголю обрести новые эстетические ориентиры. Рассматриваются также формы интертекстуальных связей гоголевского творчества с поэтикой Гёте, особенности взаимодействия художественных и литературных кругов Рима рубежа XVIII-XIX веков и элементы последующей рецепции образов Гёте и Гоголя в итальянской культурной парадигме.

M.S. Cherepennikova. Italian Travels of Goethe and Gogol. Intertextual Parallels (by the 270th Anniversary of Goethe and 210th Anniversary of Gogol). This article explores intertextual parallels in the works of Goethe and Gogol, inspired by Italian travels of these authors, who were aesthetically orientated to the literature and culture of Italy. Gogol's early poetic work, his prose and various epistolary heritage patterns of the writer are closely connected not only with the long-lasting Russian literary traditions, but with the sphere of Goethe's ideas and motifs as well. With the help of a comparative research method, the article examines the problem of the influence of Goethe's biographical prose, lyrics, and

dramaturgy on the structure and content of Gogol's «Italian» works. The motifs of «rebirth», «the path», «the mask», «the carnival», and of «national idea», generated by the concepts of «time and eternity», «art and life», «person and society», that were the key concepts for these two writers, have correlations with the image of the Eternal City, whose atmosphere allowed Goethe and Gogol to acquire new aesthetic reference points. The article also considers the forms of intertextual connection of Gogol's works with Goethe's poetics; it discusses the peculiarities of interaction in the literary and artistic circles of Rome at the turn of the 18th-19th centuries and elements of Gogol's and Goethe's images reception in the Italian cultural paradigm.

А.А. Шунейко, О.В. Чибисова. Буддистские реминисценции в поэзии И.Ф. Анненского. В содержательном отношении поэзия Иннокентия Анненского суммирует в себе опыт достижений мировой культуры в его различных проявлениях. Существенное место в многообразии этого опыта занимает буддизм. В статье доказано, что Анненский со студенческих лет был знаком с проблематикой и образной системой буддизма и проявлял к ней интерес на протяжении всей жизни. Об этом однозначно говорят факты его личной и творческой биографии. Статья посвящена выявлению различных буддистских реминисценций в текстах поэта. Это осуществляется с помощью методов семантического и функционального анализа. Они позволяют выявить семантические комплексы, непосредственно соотносящиеся с буддистскими идеями, константами и символами. Эти комплексы воплощаются в текстовых отрывках различной длины: слово, сегмент текста, целый текст, тема, характерная для нескольких текстов. В статье определены тексты поэта, однозначно отсылающие к буддизму, и константы буддизма, на которые ориентируется поэт. Сделан вывод о существенной роли буддизма в творчестве Анненского и многообразии форм его воплощения.

A.A. Shuneyko, O.V. Chibisova. Buddhist Reminiscences in the Poetry of I.F. Annensky. In terms of content, the poetry of Innokentii Annensky summarizes the experience of world culture achievements in its various manifestations. Buddhism occupies a significant place in the diversity of this experience. The article proves that from his student years Annensky was familiar with the topics and imagery of Buddhism and showed his interest in it throughout his life. This is proved by the facts of his personal biography and his works. The article reveals various Buddhist reminiscences in the texts of the poet with the help of semantic and functional analysis methods. They make it possible to identify semantic

complexes directly related to Buddhist ideas, constants and symbols. These complexes are embodied in the text passages of various lengths: a word, a segment of a text, a whole text, a topic of several texts. The article defines the poet's texts, which unambiguously refer to Buddhism, and the constants of Buddhism, to which the poet is orientated. The conclusion is made about the essential role of Buddhism in the works of Annensky and the variety of forms of its embodiment.

Е.В. Тырышкина. «“Мороженоно!” Солнце...»

О.Э. Мандельштам: опыт анализа акмеистического текста. Цель исследования определяется прагматическими и дидактическими задачами – показать на примере стихотворения О.Э. Мандельштама «“Мороженоно!” Солнце...», каким образом соотносятся теория и практика акмеизма, эстетические принципы и поэтика. Подробно рассматриваются следующие структурные уровни: ритмическая организация, фоника, поэтическая лексика, синтаксис, композиция, хронотоп, лирический сюжет. Стихотворение представляет собой гармоничную во всех отношениях структуру, являющую собой пример формы, где все внутренние противоречия находятся в равновесном единстве, а моменты структурных сдвигов обеспечивают внутреннюю динамику. Строгая ритмическая организация обеспечивает внешний жесткий каркас, но она уравновешена энергетикой сдвига на уровне вариативного синтаксиса и отступления от соблюдения правила альтернанса. Принцип «уплотнения», столь характерный для эстетики акмеизма, выдержан на всех уровнях текста. Способ эстетического завершения текста – идиллика, слияние границ лирического субъекта с целым миром определяется приятием Красоты как центральной ценности существования.

E.V. Tyryshkina. «“Ice-cream!” The Sun...» by

O.E. Mandelstam: an Essay in the Analysis of Acmeist Text. The goal of the study, determined by the pragmatic and didactic purposes, is to demonstrate by the example of the poem «“Ice-cream!” The Sun...» by O.E. Mandelstam how the theory and practice of acmeism, the aesthetic principles and poetics correspond to each other. The following structural levels are examined: the rhythmic organization, phonics, poetic lexis, syntax, composition, chronotope, and lyrical plot. The poem is viewed as a universally harmonious structure, which is an example of a form in which all the internal conflicts and contradictions are in equilibrium, and the structural shifts contribute to the internal dynamism of the text. The regular rhythmic arrangement creates an external frame; however, it is balanced by the energy of the shift at the level of variable syntax and by the deviation

from the rule of alternance. The principle of consolidation, which characterizes the aesthetics of acmeism, is observed at all the levels of the text. The text is aesthetically completed by the idyllic merging of the boundaries of the lyrical ego of the poem and of the entire universe, accepting the Beauty of the World as the pivotal value of human existence.

А.И. Куляпин. Образ Алтая в рассказе В. Бианки «Она».

Статья посвящена рассмотрению индивидуальной мифологии Виталия Бианки. Образ Алтая, созданный писателем в рассказе «Она», связан с весьма распространенной в мировой культуре практикой – определять специфику того или иного локального текста через гендерную идентификацию. Бианки, полемизируя с устоявшейся традицией придавать краю маскулинизированный облик, предпочитает феминизировать образ Алтая. Писатель не без умысла сделал названием своего произведения личное местоимение женского рода. Грозное атмосферное явление, описанное в рассказе, по-научному именуется «фёном», в просторечии «верховкой», но рассказчик, как и автор, явно предпочитает неопределенно-загадочное обозначение – «Она». В русском языке категория грамматического рода в большинстве случаев не имеет никакого отношения к семантике биологического пола, но в тексте Бианки мы встречаемся с редким исключением. В главной героине – «вещей девушке-алтайке», «каменной деде», достигшей абсолютной полноты слияния с природным миром, автор рассказа воплотил Эрос Алтая – влекущий и пугающий одновременно.

A.I. Kulyapin The Image of Altai in the Short Story of V. Bianki *She*. The article considers the individual mythology of Vitaly Bianki. The image of Altai, created by the writer in the short story *She*, is associated with a practice that is very common in world culture, namely to define the specificity of a particular local text through gender identification. Bianki, arguing with an established tradition of giving Altai Krai a masculinized image, prefers to feminize the image of Altai. The writer, not without intent, used the feminine personal pronoun to title his work. The terrible atmospheric phenomenon described in the story is scientifically called «fyon», colloquially «verkhovka», but the narrator, like the author, clearly prefers the vaguely mysterious designation «She». In Russian, the category of grammatical gender in most cases has nothing to do with the semantics of biological sex, but in the Bianki's text we meet with a rare exception. In the main character, «the prophetic Altai girl», «the stone maiden», who completely joined together with the natural world, the author of the story embodied Eros of Altai – attracting and scary at the same time.

Д.В. Кротова. Суждения о поэзии в мемуарном и эпистолярном наследии В. Шаламова. Центральным объектом анализа являются высказанные в мемуарах и письмах В. Шаламова суждения о поэзии – о предназначении и сути поэтического творчества, его нравственной миссии, о личности поэта и т.д. В. Шаламов размышляет об этих вопросах в переписке с Б. Пастернаком, А. Солженицыным, И. Сиротинской, Н. Мандельштам и др., в мемуарных очерках (например, «Двадцатые годы», «Моя жизнь – несколько моих жизней», «Москва 20-30-х годов»), а также в литературно-критических эссе. Шаламов утверждает, что цель поэзии заключается в нравственном совершенствовании личности, что поэт должен быть этическим образцом для современников, а суть искусства определяется правдой о времени, которую выражает художник (поскольку истинно талантливый человек, по Шаламову, органически не способен лгать в своем творчестве). Исследуется шаламовское понимание взаимосвязи между жизненным опытом и творчеством: сущность поэзии – не в овладении техникой, не в умении и мастерстве (хотя Шаламов ни в коем случае не отрицал значимости этих категорий), а в осмыслении пережитого. Единственно возможный подлинный источник творчества, как полагал Шаламов, – это судьба художника. В статье делаются выводы о специфике творческого процесса В. Шаламова-поэта (в сравнении с А. Ахматовой, О. Мандельштамом, А. Белым). Исследуются представления Шаламова, выраженные в письмах и мемуарах, об отдельных течениях в лирике XX века, в частности, об акмеизме: по мнению Шаламова, акмеизм был не просто направлением в русской поэзии, а подлинным жизненным учением, мировоззренческой системой. В статье предлагается объяснение кажущегося «противоречия» между утверждениями Шаламова о нравственной миссии литературы и его же поздними высказываниями о том, что он не верит в искусство.

D.V. Krotova. Comments on Poetry in V. Shalamov's Memoirs and Epistolary Legacy. The article is focused at comments on poetry reflected in V. Shalamov's memoirs and letters about purpose and essence of poetry, its moral mission, about the identity of a poet, etc. V. Shalamov speculated on these questions in his epistolary intercourse with B. Pasternak, A. Solzhenitsyn, I. Sirotinskaya, N. Mandelshtam, etc., in his memoir sketches (for example, «The 1920s», «My life is my several lives», «Moscow of the 1920s-1930s») and also in his literary and critical essays. Shalamov claims that the purpose of poetry is moral improvement of a personality, that a poet has to be an ethical sample for his contemporaries, and the essence of art is defined by the truth about the time which is

expressed by an artist (as the truly talented person, in Shalamov's opinion, is not capable to lie in his works). The article investigates Shalamov's understanding of interrelation between life experience of an artist and his works: the essence of poetry does not lie in using some techniques or being skillful (though Shalamov did not deny the meaning of such categories), but it lies in reflecting the poet's life experience. The only truthful source of creativity, as Shalamov believed, is the fate of an artist. The article concluded about specifics of a poet Shalamov's creative process (in comparison with A. Akhmatova, O. Mandelshtam, A. Bely). Shalamov's ideas, expressed in letters and memoirs of certain currents in lyrics of the 20th century, in particular, about acmeism, are investigated: according to Shalamov, acmeism was not just the trend in Russian poetry, but it was original vital doctrine, a worldview system. The article offers the explanation of seemingly obvious 'contradiction' between Shalamov's statements about moral mission of literature and his late declarations that he does not believe in art.

М.С. Дедина. Мотив сиротства в повести Кюгея Телесова «Кайда ол јол?» («Где та дорога?»). В статье исследуется мотив сиротства в творчестве известного алтайского писателя Кюгея Телесова. На основании выявления и анализа данного мотива в художественных произведениях прозаика, а также привлечения его публицистических высказываний, очерковых заметок, воспоминаний, обосновывается мысль о том, что творчество писателя базируется на автобиографических деталях. Комплекс личного сиротства автора оказал значительное влияние на концептуальный план его произведений, и образ ребенка-сироты становится постоянным в его творчестве. В статье исследуемый мотив детально рассмотрен на примере одной повести – «Где та дорога?», написанной в ранний период творчества, однако ставшей ключевым произведением для осмысления художественного мира автора. Писатель осмысливает тему судьбы, а в центре его философского мировосприятия – идея неизбежности индивидуального выбора своего жизненного пути и ответственности за него. Тема детства и сиротства в творчестве писателя анализируется с привлечением этнографических, педагогических и психологических исследований, касающихся традиций, верований и обычаев алтайского народа.

M.S. Dedina. The Motif of Orphanacy in the Story of Kyugei Telesov *Kajda ol jol?* ('Where Is That Road?'). The article explores the motif of orphanacy in the works of the famous Altai writer Kyugei Telesov. The article proves the idea that the writer's works are based on

autobiographical details using the analysis of this motif in writer's prose as well as in his journalistic essays, sketches, and memoirs. The author's personal orphanage complex had a significant impact on the conceptual system of his works, and the image of an orphaned child is constantly used in his works. The article examines this motif in detail by the example of one of his stories, *Кайда ол жол?* ('Where Is That Road?'). Written in the early period of his creative career, it became the key work for understanding the artistic world of the author. The writer interprets the topic of fate, and at the center of his philosophical worldview is the idea of the inevitability of the individual choice of his life path and responsibility for it. The theme of childhood and orphanhood in the works of the writer is analyzed with the involvement of ethnographic, pedagogical, and psychological research works concerning the traditions, beliefs, and customs of the Altai people.

Г.И. Варламова. Образы людоедов *девупки* и *чулугды* в фольклоре эвенков. Статья посвящена образам мифических антропоморфных персонажей-людоедов: а) *девупки* (территориально-локальные варианты – *девултэ*, *депнеде*), б) *чулугды* (локальное – *чулууро*). Образы *девупки* и *чулугды* имеют как общие, так и отличительные характеристики. *Девупки* – многоголовые великаны, *чулугды* – одноногие, однорукие и одноглазые существа. Человек одерживает над ними победу благодаря своему уму, смекалке и хитрости. Приводятся традиционные эвенкийские сюжеты, связанные с этими персонажами, дана этимология указанных appellatives. Образы *девупки* характерны и для эпических сказаний эвенков, где они также представлены многоголовыми великанами, пришедшими на среднюю землю с главной целью – уничтожить (съесть) людское племя. Типаж-образ *чулугды* не выходит за жанровые рамки мифологических повествований эвенков.

G.I. Varlamova. Images of Cannibalistic *Devupki* and *Chulugdy* in the Folklore of the Evenki. The article considers images of mythical anthropomorphic cannibalistic characters whose names belong to appellatives of the Evenki language: a) *devupki* (territorial and local versions are *devulte*, *depnede*), b) *chulugdy* (local version is *chuluro*). Images of *devupki* and *chulugdy* have some common and distinctive features. *Devupki* are many-headed giants, *chulugdy* are one-legged, one-armed, and one-eyed creatures. A human wins them with the help of his mind, wit, and tricks. The article gives the traditional Evenki's plots associated with these characters, the etymology of their appellatives. The images of *devupki* are also traditionally used in the epic legends of the Evenki, where they are also represented by many-headed giants who have

come to the middle land with the main goal to destroy (to eat) a human tribe. The typical image of *chulugdy* does not go beyond a genre framework of mythological narrations of the Evenki.

Г.М. Набиуллина. Мусульманские святые в творчестве Леры Якшибаевой сквозь призму религии и фольклора. Данная статья посвящена анализу повестей «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» и «Габдулла Саиди» Л. Якшибаевой, где рассматривается проблема исследования образов мусульманских святых, отмечена их роль в духовной культуре и жизни народа. Религиозный деятель со своей удивительной судьбой, расширяет и обогащает современную башкирскую прозу откровениями и новыми мотивами, которые были характерны для традиций агиографической литературы и культуры древнего и средневекового Востока. Выявлены способы формирования образа «авлия», при помощи которых автор обобщает своих героев, дополняя черты их характера фольклорными элементами. Писатель открывает в героях духовное начало, наполняя их магической силой религии, органически связывая сущностные компоненты народного творчества, литературную традицию и их видение мира. На первый план ставится не сюжетная завязка, не пересказ той или иной истории, а стремление познать многогранные связи суфиев и Вселенной, соприкоснуться с тайной исламской религии на примере народной жизни.

G.M. Nabiullina. Muslim Saints in the Works of Lira Yakshibaeva in the Light of Religion and Folklore. This article is devoted to the analyses of the stories *The legend of Muzhavir healer. Muzhavir Hazret* and *Gabdulla Saidi* by L. Yakshibayeva where we consider portrayals of Muslim Saints and emphasise their role in spiritual culture and the life of the people. The religious leader with unique life expands and enriches modern Bashkir prose with new revelations and motives typical of higrigraphical literature and culture of Ancient and Medieval East. There have been defined the ways to develop the image of «Avliya» which helps the author generalize the characters and amplify them with folklore elements prevailing among people. The prose writer discovers spirituality in heroes, fills them with the magic force of religion, integrally connecting intrinsic components of folk art, literary tradition and modern vision of the world. She neither puts into the forefront the narrative hook of the plot, nor does she tell a story, she rather seeks to learn multifaceted communications of the Sufis and the Universe to share secrets of Islam.

Ю.В. Трубникова. Проблемы реализации жанра делового письма в современной деловой коммуникации:

коммуникативно-прагматический, структурный и нормативный аспекты. Статья посвящена анализу функционирования делового письма в современной деловой коммуникации. Деловое письмо, выступая в качестве инструмента делового общения, обеспечивает и сам ход коммуникативного взаимодействия, поэтому составление текста, не соответствующего требованиям языка, стиля и коммуникативной ситуации, может существенно снизить эффективность документа. Анализ позволил выявить в текстах типичные ошибки, связанные с непониманием сущности деловой коммуникации и с неспособностью самостоятельно порождать корректный текст. В результате можно говорить о существенных трансформациях современного делового письма по сравнению с нормой коммуникативной (нарушение максим информативности, релевантности, ясности), жанровой (изменения композиционной структуры; отклонения от заданных жанром отношений автора и адресата), стилистической (проникновение в деловой текст профессиональных и просторечных элементов) и языковой (многочисленные нарушения грамматических норм, норм словоупотребления и т.п.).

Yu.V. Trubnikova Problems of Implementation of the Genre of Business Writing in Modern Business Communication: Communicative-Pragmatic, Structural and Regulatory Aspects. The article is devoted to the analysis of the functioning of business writing in modern business communication. An important feature of a business letter is that, acting as a tool for business communication, it provides the very course of communicative interaction. Therefore, compiling a text that does not meet the requirements of the language, style and communication situation can significantly reduce the effectiveness of the document. The given analysis has revealed in the texts typical errors related to the lack of understanding of the essence of business communication and the inability to independently generate the correct text. As a result, it is possible to talk about significant transformations of modern business writing as compared with the communicative norm (violation of maxims of informativity, relevance, clarity), genre (changes in compositional structure; deviations from author-addressee relations defined by the genre), stylistic (insight into the business text of professional and common language elements) and linguistic (numerous violations of grammatical norms, norms of word usage, etc.).

Д.М. Герасимчук, Н.В. Мельник. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как

результат политического позиционирования региона. В статье рассматривается проблема формирования позитивного внутреннего и внешнего имиджа Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны. Образ области выступает в роли основы формирования имиджа, который, в свою очередь, является инструментом конкурентоспособности региона. Влияние на конструирование имиджа может оказывать политическая власть, СМИ, население как изучаемого региона, так и других населенных пунктов страны. В работе внимание акцентируется именно на влиянии политической власти, так как остро стоит вопрос соответствия имиджа действительности ввиду нередкого несовпадения между представлениями, внедряемыми в сознание людей, и тем, с чем в действительности сталкивается общество. Экспериментальное исследование было проведено с целью сравнения ассоциативного восприятия респондентами словосочетания «Кемеровская область» и позволило выделить тематические блоки, анализ которых выявил доминирующие составляющие образа, являющиеся результатом информационной политики региона.

D.M. Gerasimchuk, N.V. Melnik. The Image of «Kemerovo Region» in Everyday Language Consciousness of the Country Residents as a Result of the Region Political Positioning. The article deals with the problem of shaping a positive internal and external image of Kemerovo Region in everyday language consciousness of the country citizens. A set of regional features serves as the basis for shaping the image, which, in its turn, is a tool for the competitiveness of the region. Additionally, shaping the image can be affected by many factors: the political power, the media and the people residing in the region under study as well as other country territories. The work focuses on the influence of political power in particular, as there is an acute issue of the image meeting the reality, since there is frequent discrepancy between the ideas that are embedded in people's minds and what society is actually facing. The researchers have conducted an experiment to reveal the associative perceptions based on the answers given by the respondents upon the phrase “Kemerovo region”. It allowed the authors to identify key topical domains the analysis of which resulted in identifying the dominant components of the image, which are determined by the information policy of Kemerovo region.

И.П. Амзаракова. Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребёнка: акмеологический подход. В

статье рассматриваются возможности актуализации категорий преуменьшения и преувеличения в детской речи и в «языке нянь» на материале русского и немецкого языков. Ребёнок старшего дошкольного и младшего школьного возраста представляет собой развивающуюся языковую личность, овладевающую коммуникативной, в том числе метафорической и метакоммуникативной компетенцией на стыке между тезаурусным и мотивационным уровнем, по Ю.Н. Караулову, или между уровнем скорости и уровнем насыщенности, по Г.И. Богину. Описание развивающейся языковой личности ребёнка проводится с использованием исследовательского аппарата онтолингвистики и лингвоперсонологии. Акемологический подход позволяет проследить восхождение языковой личности к вершине речевого развития. Освоение параметрических семантических категорий является одним из маркеров когнитивного развития, который манифестируется в речи. В статье описываются внешние и внутренние факторы освоения ребёнком параметрических категорий, анализируются языковые средства выражения преуменьшения (мейоза) и преувеличения.

I.P. Amzarakova. Hyperbole and Diminution as Markers of the Child's Speech Development: Acmeological Approach. The article deals with the actualization of diminution and hyperbole in the child's speech and «language of nurses» as exemplified in German and Russian. The child of senior preschool and primary school age is a developing language personality mastering communicative (including metaphorical and meta-communicative) competence at the interface between thesaurus and motivational levels, according to Yu.N. Karaulov, or between the speed level and saturation level, according to G.I. Bogin. The description of the developing language personality of the child is carried out on the basis of the methodology of developmental psycholinguistics and linguistic personology. The acmeological approach allows to trace the ascent of the language personality to the top of the speech development. The mastering of parametric semantic categories is one of the markers of the cognitive development manifested in speech. The author describes external and internal factors of the child's mastering of parametric categories and analyses language means which are to actualize diminution and hyperbole.

Э.В. Емельянова. Эпизодическое в историческом фоне родовых саг: на примере сведений о воспитании по договору. В статье исследуются выразительные средства поэтики родовых саг, её способность транслировать сведения, предположительно доступные её аудитории и трудноуловимые для восприятия современным читателем.

Вводные характеристики персонажей в родовых сагах, к которым относятся сведения об именах персонажей, а также их генеалогии и указания их общественного статуса, служат историческим фоном саги, задают временные ориентиры и в то же время они могут намекать на развитие событий в последующих эпизодах. В данной статье рассматриваются конструкции с абстрактным существительным *föstr* 'воспитание', употребление которых позволяет сообщать о тех случаях воспитания по договору, которые не укладываются в схему стереотипных отношений между воспитателем и родителем ребёнка (в последнем случае во вводных характеристиках обычно используется имя деятеля *föstri / barnföstri* 'воспитатель'). Роль стереотипного воспитателя значима для повествования и его статус воспитателя, утверждённый во вводной характеристике, является данностью исторического фона саги. Сведения о воспитании, выраженные конструкциями с *föstr*, напротив, характеризуют не персонажей, а частную ситуацию и, таким образом, занимают переходное положение между вводной характеристикой и эпизодом саги.

E.V. Emelyanova. The Episodic in the Historical Background of Family Sagas: Case Study of Fostering under the Agreement. The article investigates some imagery of historical family sagas which used to convey information, presumably available to their audience, but are difficult to perceive for contemporary readers. The character descriptions in the introduction of family sagas include information about names of characters themselves, their genealogies and social position. They usually function as historical background to family sagas and set temporal benchmarks at the same time giving their audience a clue about development of events in the subsequent episodes. The article deals with sentence fragments with an abstract noun *föstr / barnföstr* 'fosterage'. The employment of these sentence fragments within introductory characteristics allows informing about the cases of fosterage which didn't fit into the stereotypical patterns of relations between a fosterer and parents (in the latter case nomen agentis *föstri / föstra* 'foster father' is usually used in introductory characteristics). The function of stereotypical foster father is significant for the saga narrative and this kind of social status mentioned in the introductory characteristic usually belongs to the saga historical background. On the contrary, information of cases of fosterage expressed with the help of the abstract noun *föstr* doesn't describe the character itself but defines an occasional situation and thus it takes the transitional position between the introductory characteristic and the episode.

Д.А. Кожанов. Когнитивно-экспрессивный потенциал знаков языка науки в художественном тексте. Статья посвящена

особенностям репрезентации общего и специального научного знания в семиотическом пространстве художественного произведения. В качестве репрезентантов научного знания автор рассматривает знаки искусственных языков и прецедентные имена науки, обладающие значительным когнитивно-экспрессивным потенциалом и, как следствие, широко используемые авторами художественных текстов. Когнитивно-экспрессивный потенциал данных единиц заключается в их способности репрезентировать при помощи минимума языковых средств сложные ментальные образования, в структуре которых четко выделяется ядерная зона, представленная научным понятием, и периферийные области, связанные ассоциативными цепочками с ядром концепта. Данный концепт аккумулирует информацию, принадлежащую как научной, так и иным картинам мира, которая актуализируется посредством употребления автором художественного текста имени концепта в том или ином контексте. Делается вывод о том, что именно фоновые знания, принадлежащие периферийным областям концепта, задают в той или иной степени направление интерпретативной активности читателя, что обуславливает многообразие вариантов интерпретации данных единиц и особую роль читателя в этом процессе.

D.A. Kozhanov. Cognitive-Expressive Potential of Signs of Scientific Language in Literary Text. The article considers the peculiarities of representation of general and special scientific knowledge in the semiotic space of literary text. The author analyzes such representatives of scientific knowledge as signs of artificial languages and precedent proper names of science which possess significant cognitive-expressive potential and, as a result, are widely used by authors of literary texts. Cognitive-expressive potential of these language units manifests itself in their ability to represent with the help of the minimum of language means complex mental structures with the center which is constituted by the scientific notion and peripheral zones connected with the center of the concept with the help of complex of associations. This concept accumulates the information belonging to the scientific worldview as well as to other worldviews and which is actualized by the author's usage of the name of the concept in some context. The conclusion is made that background knowledge belonging to peripheral zones of the concept determines the direction of the interpretation activity of the reader that explains the existence of the numerous variants of interpretation of such language units and the peculiar role of the reader in this process.

М.Э. Мосесова. Текст международной конвенции как жанр юридического дискурса: языковые способы репрезентации значения перформативности в структурных элементах документа (на материале английского языка). Статья посвящена анализу структурных особенностей текстов международных конвенций, функционирующих в пределах англоязычного юридического дискурса. Пристальное внимание уделяется характеристике основных языковых средств, с помощью которых в контексте актуализируется аспект перформативности. В качестве материала исследования выступают тексты международных конвенций, касающиеся различных специальных областей жизнедеятельности мирового сообщества, в структуре которых наличествуют следующие обязательные элементы: 1) наименование (название конвенции); 2) преамбула (цели соглашения, основные термины и определения); 3) основная часть (разделы, статьи, части, главы); 4) заключительная часть (условия и процедура подписания конвенции); 5) приложения (заявления, оговорки, графические материалы и др.). Автор рассматривает текст конвенции как отдельный самостоятельный жанр юридической коммуникации, приоритетной целью которого является установление прав и обязанностей сторон, ратифицировавших то или иное соглашение. Опираясь на анализ эмпирического материала, автор выделяет наиболее частотные перформативные конструкции, актуализируемые в контексте ключевых структурных элементов текстов международных конвенций, среди них: 1) конструкции с модальными глаголами *shall / may*; 2) конструкции с *инфинитивом*; 3) *причастия*.

M.E. Mosesova. The Text of the International Convention as a Genre of Legal Discourse: Language Methods of Representation of the Meaning of Performativity in the Structural Elements of the Document (Exemplified in the English language). The article is devoted to the analysis of the structural features of the texts of international conventions functioning within the English-language legal discourse. Close attention is paid to the characterizing of language means by which the aspect of performativity is actualized in the context. The materials of the study are the texts of international conventions relating to various specific areas of the life of the world community, the structure of which contains the following compulsory elements: 1) the title; 2) the preamble (agreement objectives, basic terms and definitions); 3) the body (sections, articles, parts, chapters); 4) the conclusion (the conditions and procedure for signing the convention); 5) attachments (statements, objections, graphics, etc.). The author considers the text of the convention as a separate independent genre of legal

communication, the priority goal of which is to establish the rights and obligations of the parties that ratified the agreement. Based on the analysis of empirical material, the author identifies the most frequent performative constructions, foregrounded in the context of the key structural elements of the texts of international conventions, among them: 1) constructions with modal verbs *shall / may*; 2) constructions with *infinitive*; 3) *the participle*.

НАШИ АВТОРЫ

**АМЗАРАКОВА,
Ирина
Петровна**

– доктор филологических наук, доцент
Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: ip50@mail.ru

**БРЕДИС,
Михаил
Алексеевич**

– кандидат философских наук, старший
преподаватель Российского университета дружбы
народов (Москва).
E-mail: briedis@yandex.ru

**ВАРЛАМОВА,
Галина
Ивановна**

– доктор филологических наук, главный научный
сотрудник Института гуманитарных
исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН (Якутск).
E-mail: keptuke@mail.ru

**ГЕРАСИМЧУК,
Дарья
Михайловна**

– магистрант Кемеровского государственного
университета.
E-mail: d.zenina95@gmail.com

**ДЕДИНА,
Мargarита
Сергеевна**

– кандидат философских наук, доцент, старший
научный сотрудник Научно-исследовательского
института алтаистики им. С.С. Суразакова
(Горно-Алтайск).
E-mail: dedina76@yandex.ru

**ЕМЕЛЬЯНОВА,
Энния
Викторовна**

– соискатель Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: heitstrenging@yahoo.com

**КОЖАНОВ,
Дмитрий
Алексеевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: dsf46k@yandex.ru

**КРОТОВА,
Дарья
Владимировна**

– кандидат филологических наук, преподаватель
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: da-kro@yandex.ru

**КУЛЯПИН,
Александр
Иванович**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru

**ЛОМАКИНА,
Ольга
Валентиновна**

– доктор филологических наук, профессор
Российского университета дружбы народов
(Москва).
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

**МЕЛЬНИК,
Наталья
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Кемеровского государственного университета.
E-mail: saikova@mail.ru

**МОСЕСОВА,
Милана
Эдуардовна**

– аспирант Пятигорского государственного
университета.
E-mail: milanamosesova@rambler.ru

- МУХАМЕТЗЯНОВА,**
Лилия
Хатиповна
- доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института языка,
литературы и искусств им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан (Казань).
E-mail: lilmuhat@mail.ru
- НАБИУЛЛИНА,**
Гульнур
Мирзаевна
- кандидат филологических наук, доцент
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: gulnurnabiullina@mail.ru
- САФРОНОВА,**
Елена
Юрьевна
- кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: esafr@mail.ru
- ТРУБНИКОВА,**
Юлия
Витольдовна
- доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: yuvtrubnikova@yandex.ru
- ТЫРЫШКИНА,**
Елена
Викторовна
- доктор филологических наук, профессор
Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: elena.tyrshkina@gmail.com
- ХУББИТДИНОВА,**
Нэркэс
Ахметовна
- доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник Института истории, языка и
литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН.
E-mail: narkas08@mail.ru

ЧЕРЕПЕННИКОВА,
Маргарита
Сергеевна

– кандидат филологических наук, доцент
Литературного института им. А.М. Горького
(Москва)
E-mail: chrita@rambler.ru

ЧИБИСОВА,
Ольга
Владимировна

– кандидат культурологии, доцент
Комсомольского-на-Амуре государственного
университета.
E-mail: olgachibisova@yandex.ru

ШУНЕЙКО,
Александр
Альфредович

– доктор филологических наук, профессор
Комсомольского-на-Амуре государственного
университета.
E-mail: a-shuneyko@yandex.ru

ЮЛДЫБАЕВА,
Гульнар
Вилдановна

– кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Института истории, языка и
литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН (Уфа).
E-mail: nargul1976@list.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 29.05.2019. Подписано в печать 31.05.2019. Дата выхода издания в свет xx.xx.2019. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № xx.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2019

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распечатанные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.